

2023

Volume 17

No 3 (65)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

2023

Том 17

№ 3 (65)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 78782. Формат 240×170. Объем 162 с. Тираж 32 экз. Заказ № 23120. Цена свободная. Дата выхода в свет 05.10.2023. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Anastasia A. Volchenkova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. А. Волченкова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Zverev V. O.

Pigeon reconnaissance and the fight against it on the western border of Russia on the eve and the beginning of the First World War.....332

Smirnova E. M., Ereghina N. T.

Pharmacy in the Russian province (Based on the materials of the Vlasievskaya Pharmacy, XIX - early XX centuries).....340

Krivosheeva Yu. A.

Divorce by Adultery in Peasant Families of the Yaroslavl Province (Second Half of the XIX – Beginning of the XX Century).....350

Skvortsov E. A.

The problem of military leadership of the Corps of Volunteers for Freedom in Italy (1944–1945).....358

Sadomtseva A. R.

Sweden's Policy of Non-alignment during the Korean War (1950–1953).....366

Kirillov V. M.

Weaving and textile industry as mainstay of economy of Laodicea in Syria in late Roman time376

LAW

Lushnikov A. M.

"The New Economic Theory of the Family": Critical Notes by a Lawyer384

Rodnova O. M.

"Dead souls" as part of a corporate legal entity.....392

Korotkevich M. P.

Common property of spouses: features of definition in notarial and judicial practice.....402

Khaletskaya T. M.

Public Interest as a Criterion for Making Decisions on Compulsory Sale or Alienation of Residential Property (As Illustrated by the Legislation of the Republic of Belarus).....414

Prudnikov I. D.

Criminal-legal assessment of cyberextortion426

Lekanova E. E.

Criteria for the decision to transfer to the upbringing of a child: historical and legal aspect.....434

PSYCHOLOGY

Karpov A. V.

The content and specifics of the microstructural organization meta-thinking (article two).....446

Klueva N. V., Didenko D. N.

Self-disclosure in the coexperiencing psychotherapy464

Chemakina A. V., Bulatov I. D.

Features of the structural organization of psychological defenses of students studying in different areas of training476

ИСТОРИЯ

Зверев В. О.

Голубиная разведка и борьба с ней на западной границе России
в преддверии и начале Первой мировой войны332

Смирнова Е. М., Ерегина Н. Т.

Аптечное дело в российской провинции
(по материалам Власьевской аптеки, XIX – начало XX века).....340

Кривошеева Ю. А.

Развод по прелюбодеянию в семьях крестьян
Ярославской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)350

Скворцов Е. А.

Проблема военного руководства Корпусом добровольцев свободы
в Италии (1944–1945 гг.)358

Садомцева А. Р.

Внеблоковая политика Швеции в период Корейской войны
(1950–1953 гг.).....366

Кириллов В. М.

Ткачество и производство одежды
как основа экономики Лаодикеи Приморской в позднеримское время376

ПРАВО

Лушников А. М.

«Новая экономическая теория семьи»: критические заметки юриста384

Роднова О. М.

«Мертвые души» в составе корпоративного юридического лица392

Короткевич М. П.

Общее имущество супругов: особенности определения
в нотариальной и судебной практике402

Халецкая Т. М.

Общественные интересы как критерий принятия решений
о понуждении к продаже или принудительном отчуждении
жилого помещения (на примере законодательства
Республики Беларусь)414

Прудников И. Д.

Уголовно-правовая оценка кибервымогательства.....426

Леканова Е. Е.

Критерии разрешения дел о передаче ребенка на воспитание:
историко-правовой аспект.....434

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. В.

Содержание и специфика микроструктурной организации
процесса метамышления (статья вторая).....446

Клюева Н. В., Диденко Д. Н.

Самораскрытие в понимающей психотерапии.....464

Чемякина А. В., Булатов И. Д.

Особенности структурной организации
психологических защит студентов,
обучающихся по разным направлениям подготовки.....476

Pigeon reconnaissance and the fight against it on the western border of Russia on the eve and the beginning of the First World War

V. O. Zverev¹

¹Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komorova prospekt, Omsk 644074, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-332-339

Research article
Full text in Russian

Pigeon reconnaissance (including the possibility of using carrier pigeons to deliver intelligence reports) is considered as a new type of threat to the interests of the military (border) security of the Russian Empire on the eve and at the beginning of the First World War. The practice of combating a new military-criminal phenomenon is revealed. It is concluded that the counterintelligence and gendarmerie departments that served the Warsaw General Government paralyzed the “pigeon-spy communication channel” with their own efforts and eliminated the fastest and most reliable way to inform the enemy.

Keywords: carrier pigeons; gendarmes; intelligence; recruitment; Warsaw military district; First World war

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zverev, Vadim O. | E-mail: zverevoma@mail.ru
Doc. Sc. (History), Associate Professor

Голубиная разведка и борьба с ней на западной границе России в преддверии и начале Первой мировой войны

В. О. Зверев¹

¹Омская академия МВД России, пр. Комарова, 7, Омск, 644074, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-332-339
УДК 94(47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается голубиная разведка (в том числе возможность использования почтовых голубей для доставки разведывательных донесений) как новый вид угрозы интересам военной (пограничной) безопасности Российской империи накануне и в начале Первой мировой войны. Раскрывается практика борьбы с новым военно-криминальным явлением. Делается вывод, что контрразведка и жандармские управления, обслуживавшие Варшавское генерал-губернаторство, своими усилиями парализовали «голубино-шпионский канал связи» и ликвидировали самый быстрый и надежный способ осведомления противника.

Ключевые слова: почтовые голуби; жандармы; разведка; вербовка; Варшавский военный округ; Первая мировая война

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зверев, Вадим Олегович | E-mail: zverevoma@mail.ru
Доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Русской истории германского и австрийского шпионажа начала XX в. известны различные виды сбора военных сведений: агентурная разведка, воздушная разведка, военно-промышленный шпионаж, дипломатическая разведка, о которых в отечественной историографии уже сказано немало. Между тем такая разновидность внешних угроз, как вражеская голубиная разведка или осведомление посредством почтовых голубей об обороноспособности Российской империи в губерниях (уездах) ее западноевропейского пограничья пока остается малоизученной специалистами. В монографической литературе можно встретить лишь редкие и эпизодические упоминания констатационного характера [1, с. 184]. В литературном наследии руководителей немецкой и австрийской разведывательных служб (В. Николаи, М. Ронге) рассматриваемого периода времени о голубиной раз-

ведке на Восточном фронте упоминаний нет вообще. Первый из мемуаристов очень подробно описывает специфику использования голубей на западном театре войны в интересах французской армии [2, с. 156]. М. Ронге, в свою очередь, лишь единожды свидетельствует об использовании почтовых голубей австрийской разведкой, но не в России, а против Сербии (до 1908 г.) [3, с. 16].

Выявленный пробел в научных знаниях о военно-политической истории Российской империи, имеющих важное значение с точки зрения обеспечения основ российской пограничной безопасности, нуждается в скорейшем восполнении. Именно поэтому внимательного и кропотливого исследователя ожидают архивные документы специальных служб – жандармская полиция и военная контрразведка – Виленского и Киевского военных округов, способные пролить свет на факты использования почтовых голубей как средства доставки оперативных донесений в стан противника и его голубиную разведку, а также практику борьбы с этими пограничными угрозами.

Мы же, в свою очередь, попытаемся раскрыть перечисленную проблематику, которая была характерна для межвоенной и военной истории Варшавского генерал-губернаторства или Варшавского военного округа (далее – ВВО). Для достижения названной цели обратимся к некоторым данным из монографической и мемуарной литературы и архивным документам. К таким первоисточникам знаний мы относим фрагментарную внутриведомственную переписку между жандармско-полицейскими структурами МВД России. Причем она была обнаружена и собрана нами «по крупицам» в единицах хранения Государственного архива Российской Федерации, имеющих к заявленной в этой статье теме лишь опосредованное отношение. Нам встретились и те материалы, содержание которых полностью было посвящено голубиной разведке. Речь, главным образом, идет об архивных материалах с аналогичными названиями: «Переписка, произведенная при Варшавском Губернском Жандармском управлении по делу _____».

Итак, в период времени после окончания вооруженного столкновения на Дальнем Востоке и до начала Первой мировой войны ВВО был, как выразился начальник варшавской разведки подполковник Н. С. Батюшин, «главнейшим округом» [4, с. 5]. Сосредоточенные в нем пехотные, артиллерийские, кавалерийские части, Ивангородская, Осовецкая, Новогеоргиевская крепости и другие укрепления, десятки штабов, а также гражданская инфраструктура стратегического назначения (железнодорожные и речные мосты, водонапорные башни и другие объекты жизнеобеспечения) находились в фокусе пристального внимания германского и австрийского генеральных штабов.

Вреализации разведывательных планов Германии и Австро-Венгрии русская западная граница являлась легко преодолимым препятствием – главы и сотрудники разведывательных ведомств, резиденты-вербовщики, эмиссары пересекали ее на законных основаниях или нелегальным путем (например, «контрабандистскими тропами»), в том числе под конспиративным прикрытием или вымышленным предлогом. Приезжая в ВВО, как правило, на железнодорожном транспорте, кадровые офицеры или чиновники союзных (германской и австрийской) разведок знакомились с местностью и ее населением (как это сделал в 1906 г. «новоиспеченный» начальник кенигсбергского раз-

ведотделения Вальтер Николаи) либо осуществляли вербовочную работу, получение разведанных от агентуры. И несмотря на то что будущий начальник III-Б отдела германского Генерального штаба и его австрийский коллега Максимилиан Ронге как мемуаристы всячески пытались замолчать, преуменьшить или вовсе девальвировать профессиональные успехи своих подчиненных в довоенной России, они были очень существенными.

Результаты многолетней архивно-поисковой и научно-исследовательской деятельности позволяют утверждать, что немцам, осуществлявшим разведывательство с западной и северной стороны ВВО, а австрийцам – с его южной и, частично, юго-западной оконечности, за считанные предвоенные годы удалось создать разветвленную агентурную сеть. Как видно из материалов ряда уголовных дел, в ее число входили работавшие в пользу Германии и Австро-Венгрии 9 «шпионских гнезд» или 28 человек (лица, совершившие военные преступления в составе преступных групп и привлекавшиеся к уголовной ответственности в качестве подозреваемых), а также десятки других действовавших автономно агентов (латентный уровень преступности).

Добываемые вражескими разведками военные сведения о русской оборонной мощи в ВВО переправлялись через западную государственную границу России разными путями, как правило железнодорожным сообщением. Но был и другой абсолютно безопасный, более быстрый и надежный вариант.

С начала 1914 г. для решения своих профессионально-шпионских задач предатели Родины из числа местного варшавского населения имели возможность прибегать к так называемому почтово-голубиному потенциалу. Именно голубиная порода птицы, обладающая удивительной способностью ориентироваться в воздушном пространстве и преодолевать десятки верст при возвращении домой, была задействована в военно-шпионских комбинациях. Нам не удалось обнаружить среди архивных источников прямых доказательств транспортировки «воздушными почтальонами» письменных сообщений разведывательного содержания. Не встретились и упоминания о стрельбе по пролетающим российское пограничье голубям как одним из приемов превентивного противодействия потенциальным шпионским угрозам. Однако заметим, что на франко-германском участке Первой мировой войны, если верить мемуаристу В. Николаи, французы организовали голубиную разведку на систематической основе, а немецкие солдаты, в свою очередь, вели по ним небезуспешный ружейный огонь [2, с. 156–157]. А так как методы шпионажа у ведущих разведслужб были, как правило, идентичными, то «французский сценарий», с большой долей вероятности, мог быть апробирован немцами как на Восточном фронте, так и в европейской части предвоенной России.

Подтверждением такой версии являются архивные документы, указывающие на то, что российские правоохранительные органы имели представление о скрытой угрозе. Какие возможные меры по ее профилактике и предупреждению в межвоенный период (первое полугодие 1914 г.) и с началом Первой мировой войны предпринимались?

В ВВО органы жандармской полиции вели активную работу по выявлению и административному наказанию держателей почтовых голубей. Как следует из доклада начальника калишского губернского жандармского

управления от 25 апреля 1914 г., двумя месяцами раньше у жителей Кольского уезда (пограничная с Пруссией территория) Станислава Шимковского и Феликса Яниковского отобрали 7 почтовых голубей. Их незаконное содержание повлекло за собой административную ответственность [5, л. 10]. Согласно другому письму – от начальника жандармского управления Лодзинского и Ласского уездов Петроковской губернии подполковника Леонтовича¹ на имя помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части от 28 апреля 1914 г. – в «разных частях г. Лодзи было обнаружено 23 голубя почтовой породы» [5, л. 7]. Причем изъятые птицы были идентифицированы как почтовые специально откомандированным для этого из Варшавы экспертом голубеводом – надзирателем варшавской голубиной станции. И только после его заключения на хозяев голубей было наложено взыскание за нарушение § 25 Обязательного постановления Варшавского генерал-губернатора от 7 сентября 1913 г. [5, л. 7].

В обстановке приближающегося вооруженного столкновения с западными соседями на аналогичные мероприятия были нацелены все политические органы ВВО. 19 мая 1914 г. помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части разослал циркуляр всем губернским жандармским управлениям Привислинского края, начальникам варшавского охранного отделения и жандармского полицейского управления железных дорог. В нем говорилось о приказе Варшавского генерал-губернатора «...зорко следить за всеми лицами, содержащими голубей..., немедленно конфисковать их, а виновных привлекать к ответственности» [5, л. 8].

Приведенные документальные сведения позволяют сделать вывод, что главное жандармско-полицейское начальство отдавало себе отчет о возможных тяжелейших последствиях для русских войск от использования противником голубиной почты в целях шпионажа. Для предупреждения неправомερных действий была организована масштабная профилактическая работа по выявлению голубей почтовой породы, а также обоснованному административному преследованию злоумышленников. Их рассматривали не только в качестве нарушителей текущего административного законодательства (незаконное содержание почтовых голубей). Жандармы видели в них потенциальных изменников Родины или агентов западноевропейских спецслужб, способных организовать эффективный канал передачи им своевременных военных сведений о передовых частях русской армии. Вероятно, аналогичной логикой руководствовался и противник. Косвенным подтверждением тому являлись имевшие место односторонние «слепые» попытки, к примеру, германской разведки завербовать владельцев голубятней на платной основе. Так, 3 июня 1914 г. Э. Э. Швабе доставил в 6-й участок лодзинской городской полиции прилетевшего в его голубятню чужого почтового голубя. На его крыльях виднелись оттиски германского одноглавого орла и надпись на немецком языке: «В. Куфусс в Штеглитце при Берлине, улица Хедрихсруер дом 8. Вознаграждение – обязательно (перевод на русский язык наш. – В. З.)» [5, л. 17].

Наряду со вспомогательным использованием голубиной почты в преступных намерениях, как следует из печатного органа штаба ВВО «Военное

¹ Во время Первой мировой войны подполковник С. Леонтович занимал одну из руководящих должностей в контрразведке Северного фронта.

дело за границей», в начале XX в. у германского и австрийского военных ведомств существовал самостоятельный вид осведомления о противнике – голубиная разведка. Ее суть сводилась к тому, что при помощи фотографической камеры, укрепленной на груди у голубя в особом алюминиевом панцире, запечатлялись искомые объекты, над которыми пролетал голубь. Причем, как пишет автор одной из статей, если его скорость известна, то можно определить через сколько минут он достигнет конкретной цели. И в этот момент происходит автоматическое фотографирование с точностью до одной секунды [7, с. 69–70].

С началом военных действий на Восточном фронте Первой мировой войны варшавские власти посредством усилий политической полиции задерживали весь репрессивно-карательный механизм, направленный на пресечение (потенциальной) противоправной деятельности держателей почтовых голубей. На примере материалов расследования по делу «Новацкого-Менде» (г. Варшава, январь – февраль 1915 г.) видно, что сотрудники варшавской сыскной полиции «в течение нескольких дней» осуществляли наружное наблюдение за местом жительства русского подданного поляка Владислава Новацкого и его сожительницы – германской подданной Эльфриды Менде [6, л. 5]. Вскоре в их доме в присутствии понятых был произведен «самый тщательный обыск», по результатам которого удалось обнаружить и изъять 10 обычных голубей или «голубей лучшей породы». Между тем проведенная экспертиза не показала наличие среди них почтовых голубей [6, л. 16, 4, 16]. Наконец, оба подозреваемых подверглись задержанию с последующим заключением в варшавский полицейский арест [6, л. 2]. Несмотря на проведенный комплекс оперативных и следственных мероприятий, свидетельств причастности Новацкого и Менде к шпионской деятельности (голуби почтовой породы, «нелегальная переписка» и др.) обнаружить так и не удалось. В. Новацкий был освобожден из-под стражи.

Помимо законопослушных подданных, были и те, кто содержал почтовых голубей, пренебрегая соответствующими запретительными нормами. В этих случаях лиц, политически неблагонадежных, или «потенциальных шпионов» задерживали и принудительно выдворяли за пределы театра военных действий. Судя по некоторым материалам жандармской переписки, эта мера была применена, например, к русским подданным полякам Дольчику, Гузеку, Мельчареку, Свиныреку и Голембиевскому (высланы в губернии Восточной Сибири) [8, л. 5–14].

Как видно, в начале Первой мировой войны инструментарий административно-правового воздействия на лиц, подозреваемых в военном шпионаже посредством использования специальных видов и пород птиц, несколько расширился и приобрел более строгую форму. Неоднозначная обстановка на Восточном фронте, а также эффективное контрразведывательное сопровождение частей русской армии требовали решительных мер. Высылке подлежали те подозреваемые, чья фактическая связь с иностранной разведкой не была доказана, но они имели прямое или косвенное отношение к владению почтовыми голубями (один из подозреваемых нашел голубя, второй передал его, третий стоял рядом при передаче и т. п.). Причем в материалах жандармских расследований по данной категории лиц фразы из разряда: «ничего предосудительного замечено не было», «по делам варшавского губернско-

го жандармского управления не проходил», «сведений в делах варшавского охранного отделения не имеется», «перепиской не добыто данных, достаточных для привлечения задержанного к уголовной ответственности» – во внимание не принимались.

Уместным будет заметить, что суровые меры воздействия к держателям почтовых голубей были нормой и для противника. Так, на территории «славянской» Галиции, оккупированной австрийцами, запрещалось запускать голубей в воздух «под страхом смертной казни» [3, с. 92].

Из вышесказанного делаем вывод, что высылка невиновных и в то же время политически нелояльных лиц возымела превентивный характер и была призвана предупредить потенциальную угрозу интересам безопасности воюющего государства на одном из его передовых рубежей – в Варшавском генерал-губернаторстве. Формировавшаяся «практика опережающего и недифференцированного насилия» противоречила общепринятым принципам гуманизма и милосердия. И все же, несмотря на бесчеловечность насильственного выселения, «драконовские меры» в отношении высылаемых лиц были вполне законными. Жандармы руководствовались нормами права, действовавшими на территориях, находившихся на военном положении. В бескомпромиссных условиях вооруженного столкновения выдворение скомпрометировавших себя жителей прифронтовых территорий являлось той крайней и единственной мерой, которая могла сохранить боеспособность русской армии и ее морально-политический дух, а вместе с ними – и русскую государственность. *À la guerre comme à la guerre*².

Все остальные подозреваемые, задержанные в ходе розыска и дознания, как правило, отпускались на свободу. Речь, в частности, идет о держателях обычных голубей, принадлежность которых к непочтовой породе птиц подтверждалась соответствующим экспертным заключением сотрудников варшавской голубиной станции.

Подводя итоги, выделим главную мысль. В первой четверти XX в. (1900–1915 гг.) сбор разведанных о вероятном противнике при помощи почтовых голубей либо использование их в качестве средства транспортировки разведдонесений стали одним из эффективных способов работы и вариантов связи ведущих европейских спецслужб. Судя по имеющимся у нас косвенным данным, разведорганы германской и австрийской армий в преддверии и с началом Первой мировой войны (на Восточном фронте) не были исключением. Допускаем, что, наряду с попытками вербовки потенциальных «голубятников» в ВВО, о чем сохранились архивно-документальные упоминания, для фактического налаживания «голубиных каналов связи» имелись достаточные субъективные предпосылки (особенно после 19 июля 1914 г.). Причем мы подразумеваем не только собственно желание прифронтового населения заработать быстрые и легкие деньги в атмосфере хаоса, голода, мародерства, паники и смерти, которые становились привычным явлением на театре военных действий. Речь все-таки идет о внутреннем побуждении конкретных обывателей сделать гешефт на измене Родине. И, вопреки утверждению М. Ронге об отсутствии у него «...агентов среди жителей пограничной полосы (соприкасавшиеся с Австро-Венгрией уезды ВВО. – В. З.)» [3, с. 82], феномен предательства среди привислинского населения имел ши-

² В буквальном переводе с французского: На войне как на войне.

роко распространенный и будничность характер. Не вызывает сомнений тот исторический факт, что немалая часть русскоподданных польского, немецкого и еврейского происхождения, затаивших злобу на российское самодержавие, предпочитала сотрудничество с оккупантами на платной основе. Возможно, среди этих «внутренних врагов» были и те, кто при помощи голубиной почты однократно или периодически информировал неприятеля о текущем состоянии русской обороноспособности.

Своевременное и безошибочное прогнозирование складывающейся в ВВО оперативной ситуации позволило контрразведке и жандармским подразделениям предпринять организационно продуманные и масштабные меры контрреагирования (как в мирное время, так и в условиях начала военных действий). Ужесточенный контрразведывательный режим обеспечения безопасности приграничных, а вскоре и прифронтовых территорий ВВО – быстрые, одновременные и слаженные профессиональные действия жандармско-полицейских чиновников по ликвидации «голубиной угрозы» – исключил саму практику бесконтрольного владения голубями любой породы и использования их особой разновидности в целях немедленного информирования иностранных разведок. О значении утраченных разведывательных возможностей противника, в том числе армий вторжения, очень убедительно свидетельствует тот факт, что передача добытых сведений о намерениях русских войск за линию соприкосновения могла теперь осуществляться либо через прифронтовую агентуру, либо через нейтральные страны. И если первый способ был не всегда безопасным, то второй – растянутым во времени. Ни один из названных вариантов связи не был ни предпочтительным, ни идеальным – агента могли выявить и задержать, он мог погибнуть от шальной пули. Отправляемая же через другие страны информация, ввиду длительности этой процедуры, как правило, теряла свою актуальность.

Иными словами, варшавские власти лишили разведки стран – участниц Тройственного союза (Германия и Австро-Венгрия) быстрого и надежного канала связи в обстановке маневренной войны.

Ссылки

1. Плеханов А. А., Плеханов А. М. Отдельный корпус пограничной стражи Императорской России (1893–1917): Исторический очерк. Изд. 2-е, перераб. и расшир. М.: Граница, 2003. 287 с.
2. Николаи В. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны. М.: Вече, 2018. 288 с.
3. Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М.: Правовое просвещение, 2000. 288 с.
4. Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней / Предисл.: И. И. Васильев, А. А. Зданович «Генерал Н.С. Батюшин. М.: X-history, 2002. 259 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 265. Оп. 1. Д. 1485.
6. ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 847.
7. Почтовый голубь – фотограф (Австрийской службы капитан Геза Фараго) // Военное дело за границей. 1913. № 35. С. 68–74.
8. ГАРФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1001.

Pharmacy in the Russian province (Based on the materials of the Vlasievskaya Pharmacy, XIX - early XX centuries)

E. M. Smirnova¹, N. T. Eregina¹

¹Yaroslavl State Medical University, 5 Revolutionnaya str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-340-349

Research article
Full text in Russian

In 2022, the Vlasievskaya Pharmacy celebrated its 200th anniversary. In modern Yaroslavl, this is one of the few establishments with such a long history. On its example, one can trace the state of the pharmacy business, which is typical for the Russian provinces. The article analyzes the place and role of the Vlasievskaya pharmacy in the provision of drugs to the population and hospitals of the Yaroslavl province, reveals the regulation and features of its activities, identifies the owners and employees for a 200-year period of history. The article is based on archival documents, introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: pharmacy business; Vlasievskaya pharmacy; Russia; drug trade; Yaroslavl province; private pharmacies; 19th – early 20th centuries

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smirnova, Elena M. | E-mail: smirnova.klio@mail.ru
Doc. Sc. (History), Associate Professor

Eregina, Natalya T. | E-mail: ereginant@mail.ru
Doc. Sc. (History), Associate Professor

Аптечное дело в российской провинции (по материалам Власьевской аптеки, XIX – начало XX века)

Е. М. Смирнова¹, Н. Т. Ерегина¹

¹Ярославский государственный медицинский университет, ул. Революционная, 5,
Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-340-349
УДК 94(470.316):615.12

Научная статья
Полный текст на русском языке

В 2022 г. Власьевская аптека отметила свое 200-летие. В современном Ярославле это одно из немногих заведений, насчитывающих столь долгую историю. На ее примере можно проследить состояние аптечного дела, характерное для российской провинции. В статье проанализированы место и роль Власьевской аптеки в лекарственном обеспечении населения и лечебных учреждений Ярославской губернии, раскрыты регламентация и особенности ее деятельности, выявлены владельцы и сотрудники за 200-летний период истории. Статья основана на архивных документах, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: аптечное дело; Власьевская аптека; Россия; торговля лекарствами; Ярославская губерния; частные аптеки; XIX – начало XX века

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова, Елена Михайловна | E-mail: smirnova.klio@mail.ru
Доктор исторических наук, доцент

Ерегина, Наталья Тимофеевна | E-mail: ereginant@mail.ru
Доктор исторических наук, доцент

До XVIII века лишь население столицы имело возможность купить лекарство в единственной на всю страну казенной аптеке, открытой в 1673 г. В 1701 г. Петр I издал указ об открытии в Москве восьми вольных (частных) аптек. Аптечная реформа касалась Москвы и на провинцию не распространялась. Постановление Сената, разрешавшее открывать вольные аптеки во всех городах империи, вышло лишь 14 августа 1721 г. Первую в Ярославле и одну из первых аптек в российской провинции – «Казан-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

скую», находившуюся вблизи Казанского монастыря, учредил в 1740 г. аптекарь Дуроп, датчанин по происхождению. Вторая частная аптека, получившая впоследствии название «Власьевской» по месту расположения на Власьевской улице (ныне ул. Свободы, д. 8), была открыта титулярным советником Карлом Руммелем.

1 декабря 1822 г. Руммель получил разрешение губернатора отпускать лекарства «на законном основании» [1]. Штат аптеки в первые десятилетия деятельности состоял из управляющего – провизора, аптекарского помощника и двух работников. Дальнейшее расширение аптечной сети губернского центра началось в последней трети XIX в., когда была открыта Духовская аптека (1872 г.). В начале XX в. в городе на 81 тыс. жителей насчитывалось десять аптек: девять частных, включая два филиала, и аптека губернской земской больницы.

Аптечное дело в провинции, как и в столице, долгое время находилось в руках этнических немцев. Ближе к концу XIX в. к нему подключились поляки и евреи. По данным на 1891 г. среди владельцев аптек 37,7 % составляли поляки, 20,6 % – евреи, 20,3 % – немцы, 9,9 % – русские [2]. Указом Сената (1881 г.) провизорам евреям, как имеющим ученое звание, дозволялось содержать аптеки и управлять ими вне черты оседлости, на всей территории России. Аптекари, как правило, подбирали штаты в своей диаспоре.

В XVIII–XIX вв. аптеки самостоятельно заготавливали местное лекарственное сырье и сами изготавливали большинство лекарственных средств. Частным аптекам разрешалось закупать лекарства, сырье, аптекарскую посуду и оборудование как у отечественных производителей, так и за границей. В 1823 г. расходы К. Руммеля на закупку аптекарских материалов (самые крупные среди ярославских аптек) составили 10610 руб., в том числе 6200 руб. на импортные (включая виноградное вино и сахар) [3].

В 1824 г. Руммель продал аптеку Феликсу Фелю. Она располагалась в арендованном каменном двухэтажном доме на Большой Угличской (бывш. Власьевской) улице «с надворным строением, как то: аптекарской кухней, деревянным флигелем, двумя погребами, баней, каретным сараем с двумя стойлами, огородной землей и со всеми принадлежностями» [4]. Дом перестраивался, менял владельцев, и к началу XX в. был выкуплен городом – аптека оставалась на прежнем месте.

Устройство Власьевской аптеки соответствовало нормативным требованиям («нормальная» аптека). Ее помещения включали рецептурную комнату, материальную, рабочую комнату, кокторий (для приготовления отваров и настоев), помещение для хранения растительного сырья, подвал и ледник. Аптека была снабжена необходимым оборудованием, справочной литературой, гербарием, фармакопеей и др.

Частные аптеки отпускали медикаменты по рецептам. Без рецептов продавали «безвредные» вещества (ручная продажа), при этом обслужи-

вали жителей не только своего города и уезда, но и соседей, а также лечебные учреждения. В 1827 г. Ф. Фель выиграл торги на поставки лекарств в городские лечебные учреждения, предложив наиболее выгодные условия – 33 % скидки от таксы.

В течение XIX в. Власьевская аптека неоднократно меняла своих владельцев. Около 1830 г. содержателем и управляющим аптекой стал Иван Германович Берг. В 1839 г. Берг сдал аптеку в аренду на 5 лет за 5 тыс. руб. ассигнациями в год Л. Б. Цаулиху. С 1844 г., после смерти Берга, Цаулих арендовал аптеку у его наследников. Начиная с 1846 г., Цаулих фигурирует в документах уже как содержатель. Аптека развивалась. Росли штаты: в 1834 г., помимо двух работников (для выполнения «черной» работы), появились два ученика – они «приучались» к делу. В 1840-е гг. Цаулих нанял провизора [5].

Врачебная управа регулярно контролировала работу аптек: следила, чтобы аптеки управлялись «экзаменованным» провизором или аптекарем, использовали только доброкачественное сырье, чтобы лекарства готовились правильно, «настоящего достоинства» и продавались по установленной таксе. Первый подробный протокол осмотра Власьевской аптеки инспектором врачебной управы относится к 1844 г.: «Аптека во всех ее отделениях устроена в хорошем виде и исправности, будучи снабжена достаточным количеством для расходов в ней медикаментов и припасов свежих и неподложных хранимых в устроенных для них местах, продажа их законна. Аптекарской посуды и снарядов тоже имеется достаточно и с правильным сбережением <...> Ядовитые и сильнодействующие вещества хранятся за замком управляющего аптекой, рецепты своевременно заносятся в снуровые книги (прощнурованные, заверенные печатью врачебной управы, куда в обязательном порядке записывались рецепты врачей. – прим. авт.). Ледник, подвал и сушильня также имеют приличное устройство <...> В лаборатории наблюдается надлежащая чистота. Сам содержатель аптеки, помощник его, ученики их ведут себя и исправляют должность каждый по своей части с усердием и ревностью...» [6]

К основным показателям работы аптек относится количество принятых к производству рецептов. В 1842 г. все аптеки Ярославской губернии вместе взятые (9 аптек) приняли к производству 39493 рецепта. Наибольшее количество рецептов приходилось на аптеку провизора Цаулиха – 8 226 [7]. Преобладали индивидуальные заказы, хотя по объему казенные заказы нередко превосходили частные. Так, в 1846 г. Власьевская аптека приняла к производству от казенных заведений 1977 рецептов, от частных лиц – 6 989, всего – 8 966 рецептов [8].

Постепенно Казанская аптека (владелец А. Шнейдер) прочно заняла первое место по основным показателям, Власьевская – второе. В 1873 г., например, аптека Шнейдера обслужила 24 168, аптека Цаули-

ха – 14 918 рецептов. На третьем месте – аптека провизора К. Бишофа (Духовская) – 10 016 рецептов [9]. Спрос на лекарственные препараты постепенно увеличивался, предпринимательская активность и конкуренция возрастали. В соответствии с Аптекарским уставом редакции 1857 г. и циркуляром министра внутренних дел от 8 июня 1864 г. для открытия новых аптек требовалось согласие владельцев уже действующих аптек, т. е. сохранялись положения аптечной монополии, введенной еще в XVIII веке. Ярославские власти стремились сдерживать расширение аптечной сети в интересах владельцев существующих заведений.

Беспокойство владельцев аптек вызывала и инициатива земств по организации доступного лекарственного обеспечения. В июле 1868 г. все держатели вольных аптек губернии, включая Цаулиха, подали прошение губернатору И. С. Унковскому. В прошении аптекари указывали на незаконную, с их точки зрения, деятельность губернского земства, «самопроизвольно» открывающего новые аптеки, которые привлекают к себе публику низкими ценами на лекарства, тем самым все их «вольные аптеки лишаются почти всяких средств к существованию». Содержатели просили о «защите их законных прав и интересов» [10].

Ссылаясь на скромные доходы, Цаулих не лукавил. Уникальный архивный документ, единственный в этом роде, сохранил о них сведения. В 1868 г. приход составил 9 737,89 руб. серебром. Расходы были произведены по следующим статьям: медикаменты, посуда и прочее – 3 509,94; жалованье служащим (провизору и помощнику) – 720,00; одежда двум ученикам – 366,30; жалованье двум работникам – 120,00; продовольствие на 6 человек – 758,40; наем и содержание помещения – 1586,07; торговый билет и гербовый сбор – 28,70. Итого – расходы составили 8 289, 41 руб. серебром, а прибыль – 1 448,48 руб. – сумма, не превышающая годовое жалованье чиновника средней руки [11].

Информация о структуре расходов Цаулиха проливает свет и на организацию быта фармацевтов. По сложившейся традиции владелец аптеки предоставлял своим служащим, за исключением управляющего (если держатель нанимал управляющего), полный пансион с соответствующим вычетом из жалованья. При этом ученики в аптеке Цаулиха жалованья не получали, что было весьма распространено. Служащие были практически на казарменном положении, под постоянным контролем хозяина. Отлучиться из аптеки можно было только с его разрешения. Рабочий день начинался в 6–7 часов утра и заканчивался в 22–23 часа. Один из фармацевтов оставался на ночное дежурство: в XIX в. аптеки обслуживали клиентов круглосуточно. Аптечное законодательство рабочий день не ограничивало и выходной день не гарантировало.

В 1871 г. содержателем Власьевской аптеки стал провизор Николай Богданович Панке. Его недолгое руководство аптекой отмечено запи-

сью в документах врачебного управления: «жалобы на него по управлению и распоряжению аптекой ни от кого не поступало» [12]. В 1878 г. аптека перешла в руки провизора Витольда Михайловича Наркевича.

В 1880-е – 1890-е гг. Власьевская аптека переживала не лучшие времена. Многие вольные аптеки столкнулись с серьезной конкуренцией земств и вновь пришедших на фармацевтический рынок частных предпринимателей и теряли клиентуру. Наиболее крупные аптеки сумели удержать позиции и успешно наращивали обороты, особенно ручную продажу. Власьевская аптека устояла, но отставание от Казанской аптеки по количеству рецептов и годовому обороту сохранялось.

В 1901 г. Власьевская аптека в очередной раз поменяла владельца. Им стал Аркадий Иосифович/Осипович (Аарон-Абрам Иоселевич) Бурштейн, принадлежавший к разветвленной семье фармацевтов. Аптека «со всеми правами и привилегиями» была продана за 56 тыс. руб. с рассрочкой платежа на 14 лет [13]. На рубеже XIX – XX в. еврейский капитал занимал заметное место на фармацевтическом рынке губернии. В Ярославле, помимо А. И. Бурштейна, аптеками владели С. Н. Гинзбург и И. Ю. Морген, в Рыбинске – Л. И. Ивенский и Я. Бекерович, в Ростове – И. Р. Гилельс, в Данилове – И. Герсимович, в Мышкине – О. В. Александрович, в с. Великое – Р. Гловацкий.

1901 – 1917 гг. – наиболее успешный период в истории Власьевской аптеки. Дела Бурштейна пошли в гору. Уже в первые годы значительно возросло количество выполненных рецептов – с 16 420 в 1901 г. до 24 682 в 1903 г. [14]. В 1907 г. с целью увеличения доходов Бурштейн обратился в городскую управу за разрешением открыть при аптеке аптекарский магазин, где, помимо лекарств, продавались предметы гигиены, ухода за больными, парфюмерия, косметика, бытовая химия и другие товары немедицинского назначения. Разрешение было получено, при этом Бурштейн выговорил себе право торговать ядовитыми и сильнодействующими веществами [15]. В 1911 г. в аптеке работали 12 человек: 1 провизор, 7 аптекарских помощников и 4 аптекарских ученика (в Духовской – 10 человек, в Староказанской аптеке – так стали называть Казанскую – 8 человек). В штате были и женщины-служащие: в 1902 г. появилась первая ученица, в 1909 г. в аптеку поступила Варвара Юматова в звании аптекарского помощника – право женщин на фармацевтическую деятельность впервые было признано в 1871 г., но владельцы аптек это право долго не признавали.

К 1913 г. Власьевская аптека стала самой крупной аптекой в губернии – и по количеству принятых рецептов и обороту (36 485 рецептов, из них 4 237 бесплатных, оборот 23 399, 84 руб.) [16], и по числу сотрудников. Финансовый успех обеспечил А. И. Бурштейну повышение социального статуса. В одном из документов 1915 г. он фигурирует как купец I гильдии [17] – к этой группе относились крупные предприниматели.

Дела во Власьевской аптеке вели управляющие. С 1901 по 1917 гг. эту должность последовательно исправляли провизоры А. Л. Левантовский, И. Р. Штиткинд, А. Э. Рейхард, М. М. Сендик, Б. М. Бровеман, И. И. Свержецкий, И. Г. Киккан, Д. М. Сендик. Обращает на себя внимание высокая текучесть кадров – черта, характерная для российских аптек. Например, провизор Б. М. Бровеман до Власьевской аптеки, где он служил с 14 сентября 1912 г. по 10 мая 1913 г., сменил 9 аптек. Аптекарский помощник Г. И. Вокульский в период 1887–1891 гг. успел поработать в 7 аптеках, во Власьевской проработал 8 месяцев 1892 года. По неполным данным за период 1901 – 1917 гг. в аптеке «отметились» 60 учеников, причем некоторые задерживались не более чем на месяц. Фармацевтические служащие «кочевали» из аптеки в аптеку в поисках лучших условий работы и более высокого заработка. В некоторых случаях, накопив необходимые средства, открывали собственное заведение.

Первая мировая война открыла перед владельцами аптек новые возможности: спрос на медикаменты быстро увеличивался, цены росли. Вместе с тем они столкнулись с трудностями обеспечения сырьем (спиртом, сахаринном и др.) и готовыми лекарствами, ввозившимися в основном из Германии. Медицинский департамент с октября 1914 г. нормировал продажу медикаментов, содержащих спирт и эфир. Аптека Бурштейна в числе трех ярославских аптек была включена в число предприятий, работавших на государственную оборону, поэтому служащие аптеки получили отсрочку от призыва в действующую армию. В 1916 г. объемы отпуска лекарств по 57 184 рецептам достигли 68 238,33 руб. (4 732 рецепта – бесплатных), ручная продажа – 52 304, 65 руб., общий оборот составил 114 959,22 руб. [18]. В аптеке трудились 3 провизора, включая управляющего, 9 аптекарских помощников и 9 учеников.

А.И. Бурштейн участвовал в благотворительной деятельности, принявшей широкий размах. В 1914 г. был учрежден Ярославский городской комитет помощи больным и раненым воинам под председательством городского головы П. П. Щапова. Бурштейн вошел в его состав в качестве почетного члена. Совместно с доктором А. Ф. Опочинским он собрал среди членов еврейской общины 267 руб. для помощи семьям призывников, сам сделал самое крупное пожертвование – 50 руб. [19], взял на содержание одну койку в городском лазарете. Пожертвования А. И. Бурштейна деньгами в 1914–1915 гг. составили 450 руб. [20, с. 45].

После Октября 1917 г. организация аптечного дела в Ярославской губернии, как и в целом по России, претерпела серьезные изменения. Уже в конце 1917 г. многие владельцы частных аптек стали резко сокращать закупку товаров и параллельно выводить из аптек запасы лекарств (что понятно в условиях неопределенности тех месяцев). В аптеке А. О. Бурштейна в короткие сроки был реализован заказ на отпуск товара на большую

сумму (около 200 тыс. рублей), что равнялось практически всему запасу лекарств этой аптеки в то время. Подробности заказа не были проведены по отчетным книгам [21].

Чтобы не допустить и без того сложного положения с продажей лекарств, губернский фармподотдел установил фиксированные закупочные цены, пригласил специального агента по закупкам, назначил в аптеки управляющих. Во Власьевскую аптеку (бывшую Бурштейна – под таким названием она фигурирует в документах тех месяцев. – Авт.) управляющим был назначен провизор этой же аптеки Моисей Сендик, который вскоре по собственному заявлению отказался от данного назначения [22].

Не имея достаточных сил и средств для немедленной национализации аптек, власти перешли к временным мерам, а именно к изъятию всех ярославских аптек из рук частных владельцев и передаче их в руки комитетов служащих. Данным комитетам вменялось в обязанность в двухмесячный срок устранить дефицит медикаментов с еженедельными докладами о состоянии дел. В Комитет Власьевской аптеки были избраны: А. Б. Розенберг (председатель), Ошерович, Коршун, Безруков, Смекалова. Именно они на время приняли кассу и руководство аптекой и аптекарским магазином от тов. Гурвича, управлявшего делами аптеки и магазина по распоряжению Бурштейна после его отъезда.

На момент ноября 1918 г. во Власьевской аптеке, включая аптечный магазин, работали 16 человек (в скобках указан их возраст, достаточно молодой): провизоры Я. С. Авербух (34) и М. М. Сендик (35), аптекарские помощники Н. И. Карпова (23), Л. В. Голикова (32), Я. Р. Войтович (28), С. М. Тверская (27), Х. П. Богомильский (25), М. Х. Ошерович (26), М. А. Фактурович (28), И. Л. Бляхман (35), А. Б. Розенберг (34), Р. Г. Левин (28), аптекарские ученики Д. Х. Горшман (20), М. Р. Гурвич (18), Л. П. Лыкова (17), М. Г. Коршун (23). Для сравнения: штат других ярославских составлял: Стрелецкой – 17 человек, Казанской – 9, Духовской – 7 [23].

28 декабря 1918 г. вышел декрет Совета Народных Комиссаров о национализации аптек. Во исполнение данного декрета Ярославский губисполком 21 января 1919 г. издал постановление о национализации аптек. В губернии началась работа по национализации аптек, аптечных магазинов и других лечебных заведений, избранию аптечных комитетов из служащих-фармацевтов, изъятию хирургических инструментов и медикаментов, принятию мер к розыску денатурированного и ректифицированного спирта. К марту 1919 г. в целом по губернии насчитывалось: частных (обычных) аптек – 23, больничных – 48, сельских – 27. Была определена очередность национализации в Ярославле. Первыми – Духовская и Стрелецкая аптеки, получившие соответственно номера 1 и 2. Во вторую очередь – Власьевская и Лесная аптеки, за которыми закрепили № 3 и № 4. Таким образом Власьевская аптека (бывшая Бурштейна) стала Советской аптекой № 3

[24]. В ней работали: 1 провизор, 9 аптекарских помощников, 7 аптекарских учеников и одна практикантка. Вместо имевшегося на момент национализации управляющего Н. Б. Розенберга новым управляющим назначили провизора Д. М. Сендика. Несмотря на то что бывший владелец сразу после революционных событий 1917 г. постарался как можно быстрее реализовать имевшиеся аптечные запасы и забрать выручку, оставив кассу пустой, наличность, сданная управляющим по описи при национализации, оказалась самой крупной среди ярославских аптек – 27 522 руб. (для сравнения: в Духовской аптеке запротоколировали наличность в 1 тыс. руб. 15 коп., Стрелецкой – 853 руб. 12 коп., Лесной – 307 руб., Казанской – 21 548 руб. 61 коп., в Московской – 1630 руб. 78 коп. [25].

Следы бывшего владельца аптеки Бурштейна теряются. Как сложилась его дальнейшая судьба? Сведения об этом найти в ярославских архивах не удалось. Эмигрировал, ушел из жизни, растворился на просторах бывшей российской империи – неизвестно. Какое-то время после революции в Москве жила его дочь. Сохранилось письмо от 3 октября 1918 г., адресованное Комитету служащих аптеки Бурштейна: «Не получая средств к жизни от аптеки я стала нуждаться и вынуждена была переехать в Москву к сестре для сокращения расходов. Поэтому обращаюсь к Комитету высылать мне 10 процентов с оборота на наше существование, тем более, что национализации аптек не было и наше имущество находится под покровительством германского консула. Деньги прошу высылать регулярно каждую неделю по адресу: Москва, Сретенка, Малый Головин переулок, д. 3, кв. 14, Софии Осиповне Шабад. Уважающая Вас Е. Бурштейн. Если Вам желательно, буду каждый раз высылать Вам расписку».

Комитет служащих аптеки не возражал пересылать часть денег, и даже фармацевтический подотдел губернского медико-санитарного отдела предложил удовлетворить эту просьбу, ограничив ее суммой не более 1500 руб. в месяц и оговорив необходимость получения подробных инструкций из центра [26]. Но вскоре грянула национализация и вопрос отпал сам по себе. Власьевская аптека, накопившая за столетие деятельности огромный опыт лекарственного снабжения населения, вступила в новую советскую полосу своей истории.

Ссылки

1. Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. 86. Оп. 2. Д. 11. Л. 105.
2. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1892. Т. XVI, кн. 2. Отд. VII.
3. ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 285. Л. 16.
4. ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 913. Л. 30 об.

5. ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 549. Л. 2 об.
6. ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 692. Л. 48 об., 308–308 об.
7. ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 648. Л. 41–49.
8. ГАЯО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 773. Л. 35.
9. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 94. Л. 114, 115, 121.
10. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 15. Л. 14 об. –16.
11. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 65. Л. 15 об.
12. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 191. Л. 76.
13. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1687. Л. 2.
14. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1635. Л. 1 об.
15. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 2401.
16. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 1243. Л. 23.
17. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 977. Л. 77.
18. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 1021. Л. 21–22.
19. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1723. Л. 7–8.
20. Отчет о деятельности Ярославского городского комитета помощи больным и раненым воинам с 24 июля 1914 г. по 1 января 1916 г. Ярославль: Тип. т-ва «Голос», 1916. XXXII, 49 с.
21. ГАЯО. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 24. Л. 164.
22. ГАЯО. Ф. Р-131. Оп. 1. Л. 75.
23. ГАЯО. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 59. Л. 58 об.
24. ГАЯО. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 124. Л. 52.
25. ГАЯО. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 127. Л. 100–101, 104–107.
26. ГАЯО. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 60. Л. 9, 25.

Divorce by Adultery in Peasant Families of the Yaroslavl Province (Second Half of the XIX – Beginning of the XX Century)

Yu. A. Krivosheeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-350-357

Research article
Full text in Russian

The article considers the peculiarities of divorce proceedings initiated by the peasants of the Yaroslavl province due to adultery of one of the spouses. The author's studied the terms, procedure, and documentary formalities of divorces, the reasons that prompted the claimants to file a request for the termination of their marriages, the results of divorce proceedings. The peculiarities of divorces are examined by the gender approach.

Keywords: marriage; divorce; peasantry; adultery; family; Yaroslavl province

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krivosheeva, Yulia. A. | E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru

Funding: Russian Science Foundation (project 22-78-10103).

Развод по прелюбодеянию в семьях крестьян Ярославской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)

Ю. А. Кривошеева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-350-357
УДК 980(470)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются особенности бракоразводных процессов, инициированных крестьянами Ярославской губернии по причине прелюбодеяния одного из супругов. Автором изучены сроки и порядок производства дел, документальные формальности разводов, причины, побуждавшие истцов и истиц подавать прошения о прекращении браков, результаты бракоразводных процессов. Специфика разводов рассмотрена через призму гендерного подхода.

Ключевые слова: брак; развод; крестьянство; прелюбодеяние; семья; Ярославская губерния

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кривошеева, Юлия Александровна | E-mail: y.krivosheeva@uniyar.ac.ru
Старший преподаватель

Финансирование: РНФ (проект № 22-78-10103).

Тема разводов занимает особое место в изучении семейной повседневности российского общества. Проблемы трансформации традиционного семейного уклада, распада семей, отечественного бракоразводного законодательства до революции и трудностей расторжения браков для представителей различных конфессий вызывают несомненный исследовательский интерес [1–9]. Изучение браков и разводов на базе российских и зарубежных материалов представлено в публикациях иностранных исследователей [10–11].

Основу источниковой базы исследования составили 16 бракоразводных дел, отложившихся в фонде Ярославской духовной консистории (Ф. 230) Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), возбуждаемых

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

крестьянами (по 8 прошений для истцов и истиц) по причине прелюбодеяния одной из сторон. Хронологические рамки работы охватывают вторую половину XIX – начало XX в., на которые приходится основная масса бракоразводных исков. География дел охватывает большую часть Ярославской губернии (за исключением Угличского и Рыбинского уездов).

В рассматриваемый период разводы как явления длительные и сложные в отношении бюрократических формальностей не были широко распространены, даже с учетом увеличения их числа к концу рассматриваемого периода. По данным переписи 1897 г. именно лица сельского состояния дали основную массу разведенных в губернии – 64 мужчины и 173 женщины, или 67 % и 81 % от общего числа разведенных мужчин и женщин региона. В целом число лиц обоих полов, получивших развод к концу XIX века, не составило и половины процента от общего числа зафиксированных в переписи крестьян [12, с. 28, 76–77, 126–127, 214–215].

Уважительными причинами для расторжения брачного союза считались доказанные прелюбодеяние супруга, неспособность к брачной жизни, безвестное отсутствие, лишение прав состояния в результате осуждения по закону или ссылка в Сибирь с лишением всех прав и преимуществ. Разводы по «собственному желанию» не допускались к производству духовными начальствами [13, с. 36].

Проблему неверности супруги обычно предпочитали решать «своими силами» – побоями, скандалами, обращением к волостному начальству [14, с. 463]. Тем не менее изучение причин крестьянских разводов в провинциальных регионах показало, что именно прелюбодеяние, чаще женское, становилось причиной расторжения браков [15, с. 20].

Процедура развода включала подачу истцом или истицей прошения с указанием причины развода. К прошению требовались три гербовые марки достоинством 75 коп. (одна шла на оплату копии прошения, которая направлялась ответчику или ответчице), исковая пошлина в размере 1,80 руб. (или квитанция губернского казначейства о внесении означенной суммы). Духовная консистория запрашивала от истцов и истиц сведения о дате и месте совершения брака или выписки из метрических книг о браке, а также адреса ответчиков и ответчиц. Консистория могла приостановить дело в случае непредставления необходимых документов или сведений [16, с. 53–54, 58].

Следующим этапом бракоразводного процесса становились пастырское увещание духовными отцами сторон к прекращению «супружеского несогласия», судоговорение, допрос свидетелей, уведомление сторон по различным вопросам в процессе разбирательства, вынесение консисторией решения по делу, подача апелляции в случае недовольства сторон, а также рассмотрение дела Святейшим Синодом, окончательно утверждавшим либо же отклонявшим решение местных епархиальных начальств.

В случае положительного решения истцу дозволялось вступать в новое супружество, ответчик же обрекался на вечное безбрачие с исполнением епитимии под руководством духовных отцов. Только в 1904 г. прелюбодеи получили дозволение вступать в новый брак, но лишь после прохождения епитимии сроком от двух до семи лет [16, с. 81].

Поводами к разводу для мужчин становилась однократная и многократная измена ответчиц, иногда – с «прижитием» женами незаконных детей, редко – уход к любовнику [17, л. 29–29 об.; 18, л. 36]. На суде в оправдание ответчицы указывали на «молодые годы», длительное отсутствие супруга, находившегося в отходе, грубое и жестокое обращение, конфликты с семьей мужа. Истцы, в свою очередь, упрекали жен в непокорности, нерачительности к хозяйственным делам и распутстве.

Наиболее редким поводом к расторжению брака становилась проституция. В одном из дел ЯДК, начатом Николаем Назаровым, ответчица, выданная замуж «без расположения», из-за грубого обращения мужа, избивавшего ее по совету родителей, и личных «физиологических потребностей» ушла в публичный дом, работала вольной проституткой, после чего пропала без вести [19, л. 70–70 об., 79, 88–89 об.]. На момент подачи прошений все истцы находились в «расходе» с женами, причем максимальный срок «расхода» составил 13 лет.

Ярославская духовная консистория достаточно внимательно относилась к обстоятельствам дел, не реагируя на огульные обвинения истцов и не расторгая браки в отсутствие доказательств вины ответчиц. К примеру, Дорофей Хотилов обвинял в распутстве жену, ушедшую от него после 16 лет брака и 11 лет проживавшую в другой деревне. Доказательств прелюбодеяния супруги им представлено не было [20, л. 8]. Павел Киришин упрекал жену в «грязной и распутной жизни» как во время его отлучки на заработки, так и в дальнейшем «расходе» и рождении незаконного ребенка. Свидетели по делу не сошлись во мнениях относительно поведения ответчицы, упоминание Киришиным «посещений» жены во время отхода вынудили ЯДК, даже в условиях признания последней незаконной связи, отказать истцу в разводе по причине отсутствия убедительных доказательств прелюбодеяния супруги [21, л. 48–53].

В случае обоюдных измен ЯДК, следуя закону, отказывала просителю в разводе, назначая обоим прелюбодеям наказание в виде прохождения церковной епитимии [22, л. 74–75].

Для крестьянок поводом к разводу становился комплекс причин: любовные связи супруга на стороне, жестокое обращение, пьянство, отказ в содержании, обычно сопровождавшиеся «расходом», в большинстве дел достаточно длительным – на протяжении 5–7 лет. В рассмотренных «женских» делах двое ответчиков и одна истица в «расходе» доказано сожительствовали с любовниками, в двух таких «парах» родились внебрачные дети.

С точки зрения формальностей делопроизводства лишь 4 истца и 1 истица правильно подали весь комплект требуемых консисторией документов и денежных сборов, в прочих же случаях правила подачи прошений нарушались. Поводом для запросов со стороны ЯДК служило отсутствие доказательств прелюбодеяния ответчика или ответчицы, а также дополнительные сборы: к примеру, в одном из дел консистория запрашивала от просительницы сбор в 3,15 руб., включавший размещение объявления о пропаже супруга-прелюбодея в газете [23, л. 13 об.].

За редким исключением крестьяне и крестьянки, в отличие от представителей других сословий, вели дела лично, не прибегая к помощи доверенных лиц. В случае невозможности личного участия в процессе сторона дела должна была дать нотариальную доверенность своему поверенному на представление ее интересов и документально обосновать свое отсутствие на суде [16, с. 64].

В рассмотренных делах длительность бракоразводных процессов истцов-крестьян варьировалась от нескольких месяцев до 7 лет, причем 5 дел были окончены разводом. Длительность производства увеличивалась за счет бюрократических формальностей, а также по причине пропажи или нерозыска сторон дела и свидетелей.

Процессы крестьянок производились от 1,5 месяцев до 3,5 лет, однако ни одно из дел не было решено положительно. Основная масса прошений оказалась оставлена консисторией без последствий по недоказанности измены мужей, а также из-за нарушения правил подачи документов. Так, в деле Анны Топниковой за желанием развестись, вероятно, скрывался длительный «расход» и отсутствие содержания, причем истица не предоставила доказательств измены мужа и требуемых консисторией документов и сборов [24, л. 9 об.–10]. Голословно и с нарушением формальной процедуры обвиняли мужей Устинья Антонова и Параскева Колобова, дела которых также были оставлены без последствий [25, л. 67–70; 26, л. 5]. В процессе, начатом Анной Большаковой, измена ответчика была фактически доказана, но ЯДК прекратила производство дела за неявкой истицы на суд без уважительной причины [27, л. 38–38 об.].

Действительным расторжением брака могло завершиться лишь дело Авдотьи и Василия Пимоновых – истице удалось найти 3 свидетелей прелюбодеяния супруга, а также привлечь около 20 соседей, большая часть которых либо слышала о любовной связи ответчика, либо непосредственно видела его вместе с любовницей, причем один из соседей стал непосредственным очевидцем полового акта. В процессе дела ответчик встречно обвинял жену в прелюбодеянии, что якобы и послужило причиной его «охлаждения» к истице, хотя факт измены последней подтвержден не был. Духовная консистория, найдя доказательства измены достаточными, постановила расторгнуть союз, однако до утверждения решения Святейшим Синодом ответчик умер, и дело было закрыто [28, л. 63].

Примечательно, что даже в случаях очевидной измены консистория не спешила трактовать имевшиеся факты в пользу истиц. Так, ЯДК отказала в удовлетворении иска Августе Пучковой, не посчитав достаточным наличие у мужа венерического заболевания. Помимо распутного образа жизни, Дмитрий Пучков злоупотреблял спиртным, бил жену, убил сына, воровал, отбыл срок в тюрьме. Тем не менее ни один из свидетелей не знал о наличии любовных связей ответчика на стороне, сам же Пучков в изменах не признался [29, л. 55].

В семье женщины не были защищены от домашнего насилия, вынуждавшего их покидать супругов. К примеру, работница Ярославской Большой мануфактуры Александра Ваганова, производившая иск против мужа, обвиняла последнего в пьянстве, разгуле, изменах, деспотичном обращении (отбывал срок в тюрьме за нанесение жене раны ножом). Длительное время пребывая в «расходе», истица «по молодости и силе природы», а также взаимному расположению вступила в связь с другим мужчиной, с которым прижила незаконного ребенка. Причиной своего падения Ваганова указывала измены мужа, но вместо того, чтобы обвинять его, предложила консистории свидетелей собственной измены и просила дать ей развод, «чтобы не пребывать в грехе и снова вступить в брак». Несмотря на то что честность истицы была высоко оценена консисторией, ее иск был оставлен без удовлетворения: в свое время пропавший ответчик подал встречный иск о разводе по прелюбодеянию жены [23, л. 3–3 об., 21–22].

Практическая невозможность получить развод заставляла супругов договариваться друг с другом о признании вины в прелюбодеянии и, соответственно, даче ложных показаний. В одном из дел, производившемся ЯДК по просьбе Марии Блиновой, было обнаружено предложение ответчика за деньги (100 рублей) «хлопотать по делу» и признать себя виновным в измене. По итогам разбирательства консистория сохранила брак истицы, т. к. ее супруг, несмотря на данные признательные показания, изначально был готов сознаться в прелюбодеянии за деньги [30, л. 39–39 об.].

Апелляции в бракоразводных процессах крестьян были редки, несмотря на то что в ряде случаев обвиняемая сторона обращалась в ЯДК с заявлением о недовольстве решением епархиального начальства. Лишь в двух делах крестьяне-истцы довели дела до подачи апелляционных жалоб, повлекших за собой расторжение брака [31, л. 80–84 об.; 32, л. 124–124 об., 144–146].

Таким образом, в рассматриваемый период крестьяне практически не имели возможности получить развод по прелюбодеянию супруга – из 16 дел только в 5 случаях истцам удалось добиться от епархиального начальства прекращения брачного союза, причем в 2 случаях – через подачу апелляций. Истцам же формально не было дано ни одного развода.

Процесс расторжения браков в губернии может считаться долгим и бюрократизированным, поскольку консистория регулярно останавливала ход

дел при непредоставлении необходимых документов, пошлин, расписок, пропаже участников процесса и т. д.

Изученные материалы не позволяют сделать вывод о предвзятости решений епархиального начальства, достаточно внимательно относившегося к подробностям расследуемых дел и в своих решениях следовавшего законам. Несмотря на это, документы показали уязвимое положение женщин в крестьянских семьях – факт домашнего насилия вкупе с основной причиной не становился «смягчающим обстоятельством» для сохранения или, напротив, расторжения брачного союза. Решение о сохранении брака не обязывало супругов, пребывавших в «расходе», продолжать совместную жизнь.

Ссылки

1. Веремченко В. А., Тропов И. А. «Расторжение браков» у католиков в России во второй половине XIX – начале XX веков // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 66–71.

2. Гончаров Ю. М. Регламентация расторжения брака по российскому законодательству XIX – начала XX в. // Алтайский юридический вестник. 2018. № 1 (21). С. 13–18.

3. Иванченко И. С. Брак и семья в культуре русского крестьянства Западной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 3. С. 21–28.

4. Котлова Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX вв., 1890–1914 (на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний): автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Иваново, 2003. 46 с.

5. Мухина З. З. Разводы в русской крестьянской семье в пореформенной России: гендерный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 1. С. 49–63.

6. Трефилова М. Н. Трансформация брачно-семейных отношений жителей городов Верхней Волги в конце 1890-х – 1927 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013. 28 с.

7. Трефилова М. Н., Котлова Т. Б. Конфликт как фактор трансформации семьи горожан в конце XIX – первой четверти XX в. (на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1 (58). С. 3–16.

8. Фролова Т. В. Городская семья в XIX в.: на материалах городов Ярославской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 23 с.

9. Спичак А. В. Причины разводов крестьянок в конце XIX – начале XX в. (на материалах Тобольской епархии) // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 88–103.

10. Owens M. Divorce and Family Life in Nineteenth-Century Vanderburgh County // Grand Valley Journal of History. 2019. Vol. 7. Iss. 1. Article 4. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/gvjh/vol7/iss1/4> (дата обращения: 27.12.2022).

11. Wagner W. G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press, 1994. 413 p.

12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Л. Ярославская губерния. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. 249 с.

13. Канторович Я. А. Законы о женщинах: сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола. СПб.: Я. А. Канторович, 1899. 272 с.

14. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1. СПб.: ООО «Навигатор», 2006. 608 с.

15. Ванюшина О. В., Кривошеева Ю. А., Спичак А. В. Причины расторжения браков крестьян в Ярославской, Тверской и Тобольской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2022. № 2 (58). С. 17–25.

16. Максимов В. Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов, с разъяснениями Правительствующего сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего синода: Руководство к ведению бракоразвод. дел. М.: Юрист, 1909. 480 с.

17. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 230. Оп. 9. Д. 22.

18. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1439.

19. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1429.

20. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 444.

21. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 418.

22. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1440.

23. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1546.

24. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 524.

25. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 319.

26. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1617.

27. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1513.

28. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 307.

29. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1608.

30. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 4. Д. 1545.

31. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 288.

32. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 325.

The problem of military leadership of the Corps of Volunteers for Freedom in Italy (1944–1945)

E. A. Skvortsov¹

¹Lomonosov Moscow state University, 27 building 4 Lomonosovskiy prospekt, Moscow 119234, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-358-365

Research article
Full text in Russian

The article examines the problem of creation of the highest military leadership body of the Italian Resistance movement - the General Command of the Corps of Volunteers for Freedom (CVL). As an important aspect of this problem, author regards the creation of the post of Commander in Chief of the Corps, held by General Raffaele Cadorna (1889-1973) in November 1944 - May 1945, and the gradual solution of the issue of the lines of his authority. Author pays special attention to the Cadorna's point of view on the issue and also reveals the involvement of members of the Committee of National Liberation for Northern Italy (CLNAI), representatives of the official Italian government and Anglo-American Allies in addressing this issue.

Keywords: : Italian resistance movement; Raffaele Cadorna Jr. (1889-1973); Corps of Volunteers for Freedom (CVL); National Liberation Committee for Northern Italy (CLNAI)

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Skvortsov, Evgeny A. | E-mail: e-skvortsov@mail.ru
| Postgraduate

Проблема военного руководства Корпусом добровольцев свободы в Италии (1944–1945 гг.)

Е. А. Скворцов¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, 119234, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-358-365
УДК 94(100)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена проблеме создания высшего органа военного руководства итальянского движения Сопротивления – Генерального командования Корпуса добровольцев свободы (ГК КДС). В качестве важного аспекта данной проблемы рассматривается создание должности главнокомандующего в структуре ГК КДС, которую в ноябре 1944 г. – мае 1945 г. занимал генерал Раффаэле Кадорна (1889–1973), а также поэтапное решение вопроса о его полномочиях в составе ГК КДС. В статье отдельное внимание уделяется позиции самого Кадорны, а также участию членов КНОСИ, представителей официального итальянского правительства и англо-американских Союзников в решении данного вопроса.

Ключевые слова: итальянское движение Сопротивления; Раффаэле Кадорна (1889–1973); Корпус добровольцев свободы (КДС); Комитет национального освобождения Северной Италии (КНОСИ)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Скворцов, Евгений | Е-mail: e-skvortsov@mail.ru
Алексеевич | Аспирант

К началу лета 1944 г. обстановка на итальянском театре военных действий изменилась. Итальянское движение антифашистского Сопротивления, начавшееся 8 сентября 1943 г., в связи с оккупацией страны немецкими войсками и восстановлением на захваченной ими части Италии фашистской власти Б. Муссолини, разрослось. На севере страны Сопротивление к лету 1944 г. приняло формы полномасштабной партизанской войны, руководство которой осуществлял Комитет национального осво-

бождения Северной Италии (КНОСИ), состоявший из представителей 5 антифашистских партий (ИКП¹, ПД, ХДП, ИСППЕ, ИЛП). К июню – июлю 1944 г. партизаны Северной Италии создали в тылу врага 15 освобождённых зон, наиболее крупные из которых назывались “партизанскими республиками” [1, с. 164].

Активизация вооружённой антифашистской борьбы, захват и удержание партизанами обширных плацдармов поставили перед руководителями движения Соппротивления целый спектр организационных задач. Особенно остро встала проблема создания единого командования партизанскими силами, номинально объединёнными ещё в январе 1944 г. в Корпус добровольцев свободы (КДС) [2, с. 538]. Для преобразования КДС в полноценную партизанскую армию необходимо было создать в его структуре руководящий военный орган, который осуществлял бы координацию действий всех партизанских подразделений между собой, а также представлял бы объединённые антифашистские силы в военном отношении перед англо-американскими Союзниками и итальянским правительством, которое после отстранения Муссолини от власти возглавлял маршал П. Бадольо².

Стоит отметить, что в структуре КНОСИ уже существовал особый Военный комитет, который занимался отдельными вопросами, связанными с организацией вооружённой борьбы, в частности вопросом о снабжении партизан продовольствием и вооружением³. В июне 1944 г. КНОСИ выпустил директиву, согласно которой «Военный комитет преобразовывается в Генеральное командование (сокр. ГК. – прим. Е. С.) и переименовывается в “Генеральное командование Корпуса добровольцев свободы”» [4, с. 41]. В новое командование вошли представители всех антифашистских партий КНОСИ: Л. Лонго (ИКП), Ф. Парри (ПД), Л. Биньотти (ХДП), Гв. Мосна (ИСППЕ), М. Арджентон (ИЛП), а также генерал Дж. Беллоккио в качестве военного консультанта.

Несмотря на то что в директиве ГК от 24 июня 1944 г. указывалось, что «командование принимает решения коллегиально, его участники обладают равенством голосов» [5, с. 43], ведущую роль в новом руководящем

¹ Здесь и далее используются следующие сокращения названий итальянских политических партий: ИКП – Итальянская коммунистическая партия, ПД – Партия действия, ХДП – христианско-демократическая партия, ИЛП – Итальянская либеральная партия, ИСППЕ – Итальянская социалистическая партия пролетарского единства.

² Правительство Италии, заключившее перемирие с Союзниками, 9 сентября 1943 г., спасаясь от немецкой оккупации, вместе с королём Италии Виктором Эммануилом III бежало на Юг Италии под защиту высадившихся там англо-американских войск. После состоявшегося 4 июня 1944 г. освобождения Рима англо-американскими войсками 18 июля 1944 г.

³ О деятельности Военного комитета КНОСИ см. [3, с. 2–14].

органа, как и в КНОСИ, играли представители ИКП и ПД, так как отряды этих партий занимали соответственно 1-е и 2-е места по численности среди всех партизанских соединений [6, с. 76].

Во второй половине июня 1944 г., вскоре после освобождения Рима и создания нового правительственного кабинета И. Бономи, сменившего правительство Бадольо, военный министр А. Казати послал в КНОСИ телеграмму, в которой подтверждал признание руководящих полномочий КНОСИ на оккупированном Севере Италии со стороны нового правительства, а также потребовал от КНОСИ избрания военного руководителя, которого должны были утвердить в должности сами члены КНОСИ. При этом его кандидатура должна была устраивать итальянское правительство и Союзников [7, с. 115].

Выбор членов КНОСИ пал на генерала Раффаэле Кадорну (1889–1973), потомственного военного, офицера королевских вооружённых сил, сторонника либеральной монархии⁴, известного при этом своей твёрдой антифашистской позицией и принявшего активное участие в вооружённой антифашистской борьбе с первых дней Сопротивления: 9–10 сентября 1943 г. во главе бронетанковой дивизии «Арете» он участвовал в сражении с немцами на подступах к Риму. 25 июня 1944 г., находясь в освобождённой столице, генерал Кадорна получил телеграмму следующего содержания: «Комитет национального освобождения Северной Италии просит назначения генерала Раффаэле Кадорны, который пользуется его (Комитета. – прим. Е. С.) полным доверием, в качестве военного советника» [7, с. 93]. Получив необходимые подтверждения, что послание не было провокацией, генерал принял предложение. 12 августа он был доставлен с помощью авиации Союзников в Северную Италию, и, после того как были установлены необходимые связи с представителями антифашистского подполья, 26 августа Раффаэле Кадорна впервые принял участие в заседании КНОСИ в Милане.

С учётом того, что Союзники и представители правительства изначально отправляли Кадорну на Север в качестве не просто военного эксперта, а «командующего» [9, с. 588], то уже на первых заседаниях КНОСИ с участием Р. Кадорны 26 августа и 3 сентября 1944 г. встал ключевой вопрос о том, какую должность ему следует занять в составе Генерального командования. Изучив различные военные и политические аспекты сложившейся на Севере ситуации, оценив реальную расстановку сил в партизанском движении, в соответствии с которой в руководстве освободительной борьбой главную роль играли представители ИКП и ПД (Лонго и Парри), Кадорна не стал настаивать на получении должности главно-

⁴ О личности и взглядах Р. Кадорны см. [8].

командующего и согласился стать военным советником (вместо генерала Беллокио), не желая, по его собственным словам, принимать «должность командира без серьёзных гарантий того, что работу можно будет выполнять надлежащим образом» [7, с. 128].

Однако на посту военного советника он находился недолго. В середине октября в Швейцарию отправилась дипломатическая миссия КНОСИ в лице А. Пиццони (президент КНОСИ) и Л. Вальяни (представитель ПД в КНОСИ). В ходе неё с представителями англо-американских Союзников обсуждались «возможные полномочия КНОСИ на завершающем этапе войны» [10, с. 154]. В этой связи Союзники настаивали на том, чтобы Кадорна получил должность главнокомандующего. Это было одно из ключевых условий, от которого зависело признание англо-американцами руководящих полномочий КНОСИ в кульминационный момент многомесячной антифашистской борьбы. В результате 3 ноября 1944 г. на заседании КНОСИ было принято окончательное решение: Кадорна становился главнокомандующим, Парри и Лонго назначались его заместителями. Представитель социалистов Мосна возглавил Генеральный штаб ГК. Пост заместителя главы Генштаба по вопросам координации действий и сбору информации получил Арджентон (ИЛП), по вопросам интендантской службы – Э. Маттеи (ХДП).

Однако с назначением Кадорны главнокомандующим не были чётко определены рамки его полномочий, что, по его собственным воспоминаниям, сильно мешало ему [7, с. 235]. Все решения главнокомандующий вынужден был принимать только с одобрения других членов ГК, в первую очередь Парри и Лонго. По воспоминаниям П. Секкьи, генерального комиссара гарибальдийских бригад, ни одно формирование «Гарибальди» не подчинялось директивам, подписанным Кадорной, если оно не было подтверждено представителем гарибальдийцев в ГК КДС или руководством компартии [11, с. 155]. Таким образом, при решении практически всех вопросов реальная роль Кадорны, несмотря на статус главнокомандующего, фактически низводилась до простого члена ГК КДС.

С целью решения данной проблемы Кадорна направил 23 января 1945 г. в КНОСИ, от которого получил в октябре прошлого года «мандат» руководителя, письмо, в котором подчёркивал, что чёткое определение границ полномочий носит принципиальный характер. Среди прочего Кадорна отметил, что требует командных полномочий исключительно в сфере военного руководства и не претендует на решение «вопросов общего и политического характера» [12, с. 237]. Последние, по его мнению, должны были решаться в рамках КНОСИ, в то время как Генеральному

командованию «надлежит заниматься исключительно военными вопросами» [12, с. 237].

Несмотря на настойчивость Кадорны, КНОСИ целый месяц оставлял его запрос без внимания. В результате 23 февраля сложилась кризисная ситуация: Кадорна объявил членам КНОСИ о своей отставке, подчеркнув, что изменит своё решение, только если КНОСИ предоставит ему «чёткое определение и серьёзные гарантии» его полномочий [7, с. 239–240]. На следующий день, 24 февраля 1945 г., состоялась встреча Кадорны с президентом КНОСИ А. Пиццони и представителем ПД в КНОСИ Л. Вальяни, которые выступили в качестве парламентариев. В ходе длинных переговоров был достигнут компромисс. В соответствии с требованиями Кадорны вводилось чёткое разграничение полномочий: главнокомандующий должен был заниматься решением исключительно военных задач, обладая при этом правом решающего голоса, а политической стороной организации вооружённой борьбы должен был заниматься КНОСИ [7, с. 255–256]. В том случае, если характер рассматриваемого вопроса вызывал споры в определении, был ли он сугубо военного характера или нет, тогда другие члены ГК могли воспользоваться правом передать вопрос на рассмотрение КНОСИ [7, с. 255–256]. Кроме того, члены КНОСИ признавали, что Кадорна был делегирован на Север итальянским правительством, но в то же время подчёркивалось, что полномочия главнокомандующего были ему вверены непосредственно КНОСИ. Таким образом, в случае возникновения противоречий между КНОСИ и представителями официального правительства и/или Союзниками, генерал Кадорна должен был выступать на стороне КНОСИ.

Окончательно точка в вопросе о полномочиях главнокомандующего КДС была поставлена в марте – апреле 1945 г. в ходе военно-дипломатических миссий Кадорны (совместно с Парри и Вальяни) в Швейцарию, Францию и Южную Италию. В ходе них представители КДС передали Союзникам (А. Даллесу и Дж. Мак Кэффэри) решения КНОСИ по данному вопросу (принятые в конце февраля) и поставили в повестку обсуждений вопрос о том, в чьём прямом подчинении находился Кадорна (англо-американского командования или КНОСИ). По результатам совещаний Союзниками было принято решение, что фигура главнокомандующего избирается и утверждается в должности членами КНОСИ (с последующим утверждением её Союзным командованием) [7, с. 263–264]. Кроме того, так как, с точки зрения англо-американской стороны, ответственность за освободительную борьбу перед Союзным командованием нес КНОСИ, то указы англо-американцев направлялись его членам, а те уже должны были ставить о них в известность главнокомандую-

щего. Возможность прямых директив от Союзников главнокомандующему также допускалась, но в исключительных случаях, и тогда уже Кадорна, в свою очередь, был обязан ставить членов КНОСИ в известность о полученных им указаниях. В случае возникновения разницы в трактовке директив каждая подобная ситуация должна была решаться в ходе её прямого обсуждения Кадорной с членами КНОСИ.

Таким образом, к весне 1945 г. военное руководство движения Соппротивления вступило в качественно новую фазу: окончательно сформировался руководящий военный орган в составе КДС – Генеральное командование, были чётко определены функции его членов, сложились определённые личные взаимоотношения между ними, был приобретен необходимый опыт организации и координации вооружённой борьбы. Несмотря на ряд трудностей, генералу Кадорне как главнокомандующему удалось обеспечить чёткую субординацию и иерархию внутри Генерального командования, добиться определённого уровня исполнительности от подчинённых, определить совместно с членами КНОСИ, представителями официального итальянского правительства и англо-американскими Союзниками чёткие рамки своих собственных полномочий. Сам Кадорна впоследствии вспоминал, что после возвращения из военно-дипломатической миссии (длившейся почти 2 месяца) в Милан 19 апреля 1945 г. он впервые осуществлял работу Генерального Командования в качестве действительного главнокомандующего [7, с. 297].

Внутренняя консолидация ГК КДС стала важным фактором готовности к национальному восстанию (25 апреля 1945 г.), положившему конец немецкой оккупации и фашистскому режиму в Италии.

Ссылки

1. Комолова Н. П. Движение Соппротивления и политическая борьба в Италии, 1943–1947 гг. М.: Наука, 1972. 444 с.

2. Ordine del giorno sulla creazione di una Giunta militare e del Corpo dei volontari della libertà, approvato dalla Commissione organizzativa e dalla Giunta militare del Comitato centrale di liberazione nazionale (9 gennaio 1944) // Atti del comando generale del Corpo volontari della libertà. Milano: Franco Angeli Editore, 1972. P. 538–539.

3. Rochat G. Nota storica // Atti del comando generale del Corpo volontari della libertà. Milano: Franco Angeli Editore, 1972. P. 1–37.

4. Direttiva № 2 ai Comitati militari regionali e locali, a tutti i Comandi delle formazioni partigiane (22 giugno 1944) // Atti del comando generale del Corpo volontari della libertà. Milano: Franco Angeli Editore, 1972. P. 41–42.

5. Direttiva № 3 ai tutti i Comitati militari regionali, a tutti i Comandi militari regionali (24 giugno 1944) // Atti del comando generale del Corpo volontari della libertà. Milano: Franco Angeli Editore, 1972. P. 42–46.
6. Peli S. Storia della Resistenza in Italia. Torino: Einaudi, 2015. 224 p.
7. Cadorna R. La Riscossa. Milano: Bietti, 1976. 432 p.
8. Brignoli M. Raffaele Cadorna. 1889–1973. Roma: Stato maggiore Esercito, Ufficio storico, 1981. 160 p.
9. Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления. М.: Изд-во иностр. лит., 1954. 660 с.
10. Secchia P., Frassati F. La Resistenza e gli alleati. Milano: Feltrinelli, 1962. 483 p.
11. Secchia P. Aldo dice 26 × 1. Milano: Feltrinelli, 1963. 157 p.
12. Письмо Р. Кадорны членам КНОСИ от 23 января 1945 г. // Cadorna R. La Riscossa. Milano: Bietti, 1976. P. 236–237.

Sweden's Policy of Non-alignment during the Korean War (1950–1953)

A. R. Sadomtseva¹

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-366-375

Research article
Full text in Russian

The article deals with the position of Sweden in the Korean War. It demonstrates the attitude to the conflicting parties and analyzed the decisions of the Swedish government, in particular assistance to South Korea. It is also considered the Swedish politicians' opinion of solving so-called «Korean issue». The basis of source study was formed by the documents of the Security Council and the General Assembly. The author refers to the minutes of the meetings of the Swedish Riksdag (Riksdagens protocol) which allow to determine the position of the Swedish political circles concerning the conclusion of the «Korean issue». Particular attention was paid to the Prime Minister of Sweden Tage Erlander's memories, which were based on his diaries.

Keywords: Sweden; policy of non-alignment; the Korean War; Tage Erlander; Östen Undén

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sadomtseva, Anna R. | E-mail: sadomtzeva-ann@mail.ru
Postgraduate

Внеблоковая политика Швеции в период Корейской войны (1950–1953 гг.)

А. Р. Садомцева¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-366-375

Научная статья

УДК 94: 485+519

Полный текст на русском языке

Статья посвящена позиции Швеции по вопросу Корейской войны 1950–1953 гг. В работе показано отношение шведского руководства к конфликтующим сторонам, анализируются решения, которые принимало шведское правительство, в частности помощь Южной Корее и введение санкций против Китая. Рассматриваются мнения шведских политических деятелей по вопросу о решении так называемого «корейского вопроса». Для раскрытия темы привлечены документы заседаний Совета Безопасности и Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций и резолюции по корейской проблеме. Автор обращается к протоколам заседаний шведского риксдага (Riksdagens protokoll), которые позволяют определить позицию шведских политических кругов к Корейской войне. К исследованию также привлечены воспоминания премьер-министра Швеции Таге Эрландера, которые были написаны на основе его дневниковых записей.

Ключевые слова: Швеция; внеблоковая политика; Корейская война; Таге Эрландер; Эстен Унден

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Садомцева, Анна Романовна | E-mail: sadomtzeva-ann@mail.ru
Аспирант

Корейская война стала вызовом для внешней политики Швеции в послевоенное время. В 1950 г. Швеция, которая после Второй мировой войны стремилась следовать исторически сложившейся политике невмешательства в военные конфликты, отказала в военной помощи великим державам в Корее. Стокгольм, от которого близкий ему исторически и ментально Запад ожидал солидарную позицию «по корейскому вопросу», продемонстрировал стремление и настойчивость в отстаивании соб-

ственной точки зрения, соответствующей традиционно сложившемуся нейтральному курсу.

В самом начале войны шведское руководство четко обозначило позицию своего государства. Премьер-министр Швеции Таге Эрландер и министр иностранных дел Швеции Эстен Унден единодушно пришли к мнению о том, что началом войны послужило наступление северокорейских войск против Южной Кореи [1, с. 128]. Шведская сторона поддержала резолюции Совета Безопасности ООН, принятые 25 и 27 июня 1950 г., которые обозначили виновником войны Северную Корею [2, с. 2–3; 3, с. 3], таким образом выразив солидарность с мнением стран Запада и большинства членов Организации Объединенных Наций. Официальную позицию Стокгольма по вопросу начала Корейской войны высказал глава шведского министерства иностранных дел Э. Унден 1 июля 1950 г., отметивший, что «шведское правительство и все демократическое мнение Швеции разделяют точку зрения, выраженную в резолюциях Совета Безопасности по нападению Северной Кореи, и осуждают его действия» [1, с. 130], что было подтверждено премьер-министром Швеции Т. Эрландером в его выступлениях 2 июля 1950 г. [4, с. 84].

Шведское руководство не поддержало позицию ООН относительно предоставления военной помощи Южной Корее. В новой резолюции от 27 июня 1950 г. членам Организации Объединенных Наций было рекомендовано оказать Южной Корее помощь, чтобы остановить нападение северокорейских войск [1, с. 128]. Ответ шведской стороны обсуждался на заседании комитета по иностранным делам 3 июля. Тогда Э. Унден заявил, что решения Совета Безопасности ООН требовали положительного ответа всех пяти участников Совета, что не было достигнуто в конце июня 1950 года ввиду отсутствия делегации СССР на заседаниях Совета Безопасности [4, с. 90]. В итоге Стокгольм отказался предоставлять свои вооруженные силы Южной Корее [1, с. 130; 4, с. 84; 5, с. 225; 6, с. 380].

Шведское руководство объясняло свои действия тем, что резолюция по корейскому вопросу носит рекомендательный характер, а участие в военных мероприятиях является добровольной, что подчеркивал министр иностранных дел Швеции Эстен Унден также в своем выступлении в Отвидаберге 20 августа 1950 года [7, с. 95; 8, с. 80].

Позиция шведского руководства была подтверждена в ООН 26 сентября 1950 г. На заседании Генеральной ассамблеи Э. Унден отметил, что Стокгольм разделяет общую точку зрения, что война в Корее представляет собой агрессию со стороны Северной Кореи [1, с. 127]. Глава шведского МИДа выступил против заявления советской стороны о том, что война в Корее является гражданской и помощь какой-либо из сторон невозможна, что противоречило Уставу ООН, а именно статье 2 пункту 7.

Согласно данному положению, ООН не имеет права вмешиваться в дела, которые по факту относились во внутреннюю компетенцию государства. Однако Э. Унден вновь обратился к статье 2 (7) и отметил, что в ней предусматривается исключение в отношении принудительных мер, применяемых на основании главы 7 Устава ООН.

Более того, по мнению главы шведского МИДа, Корея представляла собой две оккупационные зоны и отношения между Южной и Северной Кореей подобны отношениям между двумя государствами [9, с. 126–127]. Слова Э. Ундена, таким образом, не отрицали применения мер ООН в урегулировании конфликта.

Швеция, в свою очередь, предоставила помощь Южной Корее. Однако она была ограничена лишь полевым госпиталем [10, s. 141] и материальной помощью. Возможность оказания гуманитарной помощи Швецией Южной Корее обсуждалась на вышеупомянутом заседании комитета по иностранным делам 3 июля [4, с. 93]. Однако предоставление помощи нейтральной Швецией воюющей Южной Корее могло вызвать возражения великих держав. В первую очередь подразумевался Советский Союз, заинтересованный в шведском нейтралитете. В связи с этим глава шведского МИДа Э. Унден поспешил прокомментировать действия Стокгольма. В выступлении 20 августа он отмечал, что гуманитарная помощь Швеции представляется желанием шведской стороны поддержать Организацию Объединенных Наций в ее противостоянии агрессору, что не воспрещалось делать внеблоковому государству и не являлось отказом Швеции от политики нейтралитета [8, с. 80].

Приверженность политике невмешательства в конфликты Стокгольм подтвердил и в ООН. В сентябре 1950 г. события Корейской войны послужили причиной для рассмотрения поправок, которые регламентировали деятельность Организации Объединенных Наций. 20 сентября госсекретарь США Д. Ачесон выступил с рекомендациями о наделении полномочиями Генеральной Ассамблеи по решению вопросов, предусмотренных для Совета Безопасности. Данное положение было предложено в ответ на действия СССР, который блокировал все решения Совета Безопасности ООН о принятии мер с целью защиты Южной Кореи от вооруженных сил Северной Кореи.

Предложение Д. Ачесона вызвало некоторые сомнения у шведского руководства. Э. Унден настороженно воспринял возможность Генеральной Ассамблеи ООН рекомендовать коллективные принудительные меры против какой-либо страны, что юридически в соответствии с Уставом ООН мог делать Совет Безопасности ООН, членом которого Швеция не являлась. С другой стороны, глава шведского МИДа обратил внимание на то, что Швеция заинтересована в повышении эффективно-

сти работы ООН и «план Ачесона» может быть принят как развитие Устава ООН. Вместе с тем у шведского правительства было предварительное условие: Швеции не разрешалось быть морально или технически обязанной выполнять рекомендации Генеральной Ассамблеи ООН без ее собственной независимой экспертизы [1, с. 137].

Особое место в плане Д. Ачесона занимал пункт, который предполагал создание особой части вооруженных сил в странах – членах ООН, которые должны постоянно находиться в готовности для быстрого выполнения заданий Организации в рамках обеспечения порядка. Данный пункт не мог быть принят шведским руководством, так как, во-первых, законодательство Швеции не предусматривало службу солдат-срочников за пределами Швеции, во-вторых, нейтралистский внешнеполитический курс Стокгольма не предполагал участия Швеции в военных операциях [10, с. 143; 11, с. 62; 12, с. 63–64].

Закономерным результатом стало решение Швеции об отказе от голосования по вопросу о создании военных сил в странах ООН в ноябре 1950 г. В то же время Швеция приняла остальные пункты «плана Ачесона» в рамках резолюции «Единство в пользу мира» [13, с. 164–166], которые касались расширения полномочий Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в вопросах, предусмотренных для Совета Безопасности [14, с. 24–25].

Швеция заняла самостоятельную позицию и по китайскому вопросу. В то время как американская сторона предложила обозначить Китай агрессором и ввести санкции против него после вступления последнего в войну на стороне Северной Кореи, руководство Швеции в лице премьер-министра Таге Эрландера и главы МИДа Э. Ундена посчитало данную меру неэффективной и нецелесообразной. Они полагали, что это, наоборот, могло привести к расширению конфликта за пределами корейской территории и началу новой мировой войны [15, с. 11]. В результате шведская делегация в ООН воздержалась от голосования по данному вопросу в феврале 1951 г.

Официальная позиция, которую заняло социал-демократическое руководство Швеции, вызвала дискуссии в стране. Ставилась под сомнение целесообразность дальнейшего следования нейтральному курсу. Лидеры Народной либеральной партии Б. Олин и Умеренной коалиционной партии Я. Яльмарсон считали возможным заручиться поддержкой Запада. Отказ Швеции от вышеуказанных предложений Вашингтона, по мнению шведских политиков, мог привести к изоляции Стокгольма от западного мира, в том числе от близких шведам других Скандинавских стран [4, с. 104–105, 113].

Б. Олин и Я. Яльмарсон рассматривали возможным военное сотрудничество Швеции с Данией и Норвегией, которые, как известно, присоединились к Альянсу в 1949 г. Против позиции шведского руководства выступили находившиеся в США глава шведской делегации в ООН С. Графстрем, бывший министр иностранных дел Швеции в довоенное время и член шведской делегации в ООН Р. Сандлер, бывший секретарь МИДа Швеции в военное время, в 1948–1958 гг. посол Швеции в США Э. Бухеман [1, с. 133; 16, с. 974–976]. Они считали, что действия Швеции могут вызвать негативную реакцию важного экономического партнера Стокгольма – США.

Подобные заявления шведских политиков не имели воздействия на руководство страны. И хотя Т. Эрландер и Э. Унден, а также поддерживавшие их коллеги по социал-демократической партии и партии Центра во главе с Г. Хедлундом тоже были обеспокоены тем, что Корейская война может перерасти в мировую, однако, в отличие от приверженцев пересмотра внеблокового курса Швеции в сторону более тесного сотрудничества с Западом, видели своей главной задачей как можно дольше удерживать страну вне военного конфликта [4, с. 105; 17, с. 13]. Шведская военная помощь Южной Корее и создание шведского военного контингента могли, наоборот, повлечь негативную реакцию Советского Союза, заинтересованного в шведском нейтралитете, и поставить под угрозу безопасность Швеции [4, с. 104–105, 113, 138].

Однако в рамках Корейской войны были два вопроса, по которым позиция Швеции была солидарна с западными странами. Первый вопрос относился к обмену военнопленными. Он был представлен Генеральной Ассамблее ООН в рамках доклада объединенного командования, возглавляемого Соединенными Штатами Америки 18 октября 1952 г. Американская сторона выступала против применения принуждения по отношению к военнопленным при репатриации в соответствии с Женевской конвенцией 1949 г., исходя из «соответствующего уважения к правам этих лиц и из признанных гуманитарных принципов, на которых базируется Организация Объединенных Наций» [18, с. 19–27]. Предложения Вашингтона было поддержано в ООН большинством стран – участников Организации, среди которых была Швеция. В шведских политических кругах официальная позиция Стокгольма столкнулась с критикой со стороны представителей Коммунистической партии, утверждавших, что принцип добровольной репатриации противоречит положениям Женевской конвенции [4, с. 312].

Однако Э. Унден выступал против заявлений коллег из Коммунистической партии, обращая внимание на отказ китайской и северокорейской сторон от предложения командования ООН о возобновлении и беспристрастном расследовании по отношению к военнопленным [4, с. 312]. В ито-

ге Стокгольм поддержал резолюцию от 3 декабря 1952 г., согласно которой запрещалось применять силу по отношению к военнопленным для принуждения возвращения их на родину. В соответствии с данной резолюцией создавалась комиссия по репатриации в составе Швеции, Швейцарии, Польши и Чехословакии [19, с. 8–9; 20, с. 28].

Второй пункт, в рамках которого Швеция поддержала западные страны, стал вопрос об обвинении военных сил ООН со стороны Китая и Северной Кореи в применении бактериологического оружия [4, с. 217]. Расследование было передано в ООН, в апреле 1953 г. была принята резолюция, имевшая название «Вопрос о беспристрастном расследовании обвинений в применении вооруженными силами Организации Объединенных Наций бактериологического оружия». Резолюция, в ответ на отказ Китая и Северной Кореи принять предложение Международного комитета Красного Креста о расследовании обвинений в применении контингентом ООН биологического оружия, постановила создать комиссию с участием Швеции, Бразилии, Египта, Пакистана и Уругвая для «немедленного расследования предъявленных аргументов» [21, с. 4–5]. Данное предложение было доведено до правительств Соединенных Штатов Америки, Корейской Демократической Народной Республики, Китайской Народной Республики, Корейской Республики и Японии [22, с. 1–2]. Однако согласие на проведение расследования было получено лишь от правительств США, Южной Кореи и Японии, в то время как ответа от китайской и северокорейской стороны не последовало [23, с. 1]. Факт отсутствия согласия указанных стран на расследование вопроса об использовании биологического оружия послужил поводом для Стокгольма принять сторону ООН и большинства стран ее участников, в том числе западных [4, с. 291]. Примечательно также решение шведского правительства принять участие в подобном расследовании, что говорит о стремлении Швеции содействовать выяснению причин подобных заявлений и разрешения спорных вопросов в рамках Организации Объединенных Наций.

В Корейской войне шведское руководство, обеспокоенное безопасностью страны и заинтересованное в предотвращении расширения военных действий, видело возможным мирное урегулирование, в котором мог бы принять участие Стокгольм [16, с. 13]. Великие державы принимали во внимание нейтральный курс Швеции и предложили Стокгольму принять участие в комиссии нейтральных государств по наблюдению за прекращением огня в Корее (Neutral Nations Supervisory Commission), которая должна была следить за урегулированием конфликта после его завершения.

Вопрос о возможном участии Швеции в подобного рода комиссии обсуждался в начале декабря 1951 г., когда шведскому послу в Вашингтоне

Э. Бухеману сообщили, что Швеция во время переговоров о прекращении огня упоминалась как страна, которой вместе с другими невоюющими странами может быть поручен контроль за соблюдением условий прекращения огня. Несколько дней спустя Э. Бухемана вызвали к Д. Хикерсону, помощнику государственного секретаря США по делам международных организаций. Шведскому послу стало известно, что участники переговоров на стороне ООН намеревались предложить северо-корейской и китайской сторонам контроль за соблюдением условий прекращения огня. Предполагалось создать комиссию по перемирию, в распоряжении которой будет находиться соответственно нейтральный комитет по мониторингу, в составе представителей шести невоюющих стран, для осуществления инспекционных поездок в Северную и Южную Корею. Изначально предполагалось, что в комиссию войдут Швеция, Швейцария и Норвегия, а также три представителя коммунистических стран. Однако американская сторона выразила сомнение, что коммунистическая сторона согласится на участие в комиссии по наблюдению страны – участника НАТО. В итоге были выбраны Швеция и Швейцария как нейтральные страны, а также Польша и Чехословакия как представители коммунистической стороны [4, с. 216].

Таким образом, Швеция, присоединившись в начале войны к решению ООН признать Северную Корею виновником конфликта, поддержала не все решения Организации. Руководство Швеции выступило против отправки вооруженных сил в помощь Южной Корее, что, по его мнению, не соответствовало проводимому внеблоковому курсу, а также против обвинения Китая и введения санкций из-за опасности расширения конфликта. Позиция правительства Швеции в лице премьер-министра Т. Эрландера и главы МИДа Э. Ундена встретила несогласие у многих шведских политиков, что было связано с опасением, что Швеция попадет в положение опасной изоляции и оторвется от западных стран. Вопреки разногласиям руководство страны считало необходимым следовать собственной внешнеполитической линии, а также в дальнейшем принять участие и в урегулировании военного конфликта.

Швеция в отношении Корейской войны проводила самостоятельную внешнеполитическую линию. Стокгольм был готов сотрудничать с западными странами до тех пор, пока взаимодействие не выходило за рамки исторически сложившегося шведского нейтралитета и внешнеполитической линии, получившей впоследствии определение в виде формулировки министра иностранных дел Э. Ундена «свободы от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета во время войны» [24, с. 122–123, 25, с. 8; 26, с. 34; 27, с. 182; 28, с. 29, с. 102, 163], что и стало отражением сформировавшейся в послевоенные годы внешнеполитической линии Швеции.

Ссылки

1. Erlander T. 1949 – 1954. Stockholm: Tiden, 1973. 388 p.
2. Резолюция Совета Безопасности ООН 82 (1950) от 25 июня 1950 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/82\(1950\)](https://undocs.org/ru/S/RES/82(1950)).
3. Резолюция Совета Безопасности ООН 83 (1950) от 27 июня 1950 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/83\(1950\)](https://undocs.org/ru/S/RES/83(1950)).
4. Stridsman J. Sverige och Koreakriget. En studie av Sveriges hållning till Koreakonflikten 1947–1953. Umeå: Print & Media, Umeå universitet, 2008. 343 p.
5. Кан А. С. Новейшая история Швеции. М.: Международные отношения, 1964. 304 с.
6. Кен О. Н., Рупасов А. И., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы, 1930 – 1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2005. 446 с.
7. Andrén N. Power-balance and non-alignment. A perspective on Swedish foreign policy. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1967. 212 p.
8. Lindholm R. Sverige under kalla kriget: dokumentsamling om neutralitetspolitiken. Stockholm: Santérus, 2000. 188 p.
9. General Assembly, 5th session: 285th plenary meeting, Tuesday, 26 September 1950, Flushing Meadow, New York. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/735605?ln=ru>.
10. Andrén N., Landqvist Å. Svensk utrikespolitik efter 1945. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1965. 294 p.
11. Röstförklaring avgiven av f.d. landshövding Sandler i Förenta Nationernas generalförsamlings första (politiska) utskott den 8 januari // Utrikesfrågor: offentliga document m. m. rörande viktigare svenska utrikespolitiska utrikesfrågor. 1952. Stockholm: Utrikesdepartementet, 1953. P. 62.
12. Sammfattning av utlåtande av landshövding Vougt den 1 mars rörande en svensk militär styrka till Förenta Nationernas förfogande // Utrikesfrågor: offentliga document m. m. rörande viktigare svenska utrikespolitiska utrikesfrågor. 1952. Stockholm: Utrikesdepartementet, 1953. P. 63–64.
13. Anförande av utrikesministern i FN:s politiska utskott den 12 oktober 1950 // Andrén N., Landqvist Å. Svensk utrikespolitik efter 1945. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1965. P. 163–166.
14. General Assembly, 5th session: 279th plenary meeting, Wednesday, 20 September 1950, Flushing Meadow, New York. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/735598?ln=ru>.
15. Riksdagens protokoll. Andra kammaren. 1951. №5.
16. Grafström S. Anteckningar 1945–1954. Stockholm: Samf. för utg. av handskrifter rörande Skandinaviens historia, 1989. 1297 p.

17. Riksdagens protokoll. Andra kammaren. 1950. №26.
18. Специальный доклад объединенного командования, возглавляемого Соединенными Штатами Америки. Письмо председателя делегации Соединенных Штатов Америки на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций от 18 октября 1952 года на имя Генерального Секретаря. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/694525?ln=ru>.
19. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 610 (VII) от 3 декабря 1952 г. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/211409?ln=ru>.
20. Riksdagens protokoll. Första kammaren. 1953. №4.
21. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 706 (VII) от 23 апреля 1953 г. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/211218?ln=ru>.
22. Question of impartial investigation of charges of use by United Nations Forces of Bacterial Warfare. Report of the President. 28.07.1953. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/855404?ln=ru>.
23. Доклад Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН «Вопрос о беспристрастном расследовании обвинений в применении вооруженными силами Организации Объединенных Наций бактериологического оружия» от 31 октября 1953 года. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/856354?ln=ru>.
24. Uppsats av utrikesminister Undén i tidskriften Världenshorisonter, april 1957: Neutralitet och alliansfrihet // Andrén N., Landqvist Å. Svensk utrikespolitik efter 1945. Stockholm, 1965. P. 122–123.
25. Унден Э. Нейтралитет и свобода от союзов // Новое время. 1957. № 28. С. 7–8.
26. Makko A. Ambassadors of realpolitik: Sweden, the CSCE and the Cold War. New York: Berghahn Books, 2017. 287 p.
27. Комаров А. А. К вопросу о нейтралитете Швеции // Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX вв. М.: Ленанд, 2014. С. 178–188.
28. Корунова Е. В. От эвентуального нейтралитета к внеблоковой политике на начальном этапе «холодной войны»: опыт Швеции // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2021. Т. 12, вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840016461-6-1/>.
29. Рупасов А. И., Самуэльсон Л. Советско-шведские отношения: вторая половина 1940-х – начало 1960-х гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 270 с.

Weaving and textile industry as mainstay of economy of Laodicea in Syria in late Roman time

V. M. Kirillov¹

¹ Belgorod State University, 85 Pobedy str., Belgorod 308015, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-376-383

Research article
Full text in Russian

The paper is dedicated to weaving and textile industry in Laodicea in Syria during the late Roman time. Based on the data from the Edict on Maximum Prices and other sources the author makes a list and analyses in details kinds of textile manufactured in the city. Also the author considers salary of workers with cloth, characterizes the niche of Laodicean textile in inner market of the Roman Empire and in international trade. The article proves an outstanding role of weaving and textile industry for economic life of Laodicea.

Keywords: Syria; Laodicea in Syria; the Edict on Maximum Prices; weaving; economy

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kirillov, Vladimir M. | E-mail: vlmkir@yandex.ru
| Postgraduate

Ткачество и производство одежды как основа экономики Лаодикеи Приморской в позднеимперское время

В. М. Кириллов¹

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-376-383
УДК 9.94(394)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается ткачество и производство одежды в Лаодикее Приморской позднеимперского времени. На основании материалов, полученных из Эдикта Диоклетиана о максимальных ценах и других источников, автор составляет список и проводит подробный анализ типов одежды, производимых в городе. В статье также рассматривается денежное довольствие работников, определяется место лаодикейской текстильной продукции на внутреннем рынке Римской империи и за её пределами. В статье показана роль ткачества и производства одежды в экономике Лаодикеи.

Ключевые слова: Сирия; Лаодикея Приморская; Эдикт Диоклетиана; ткачество; экономика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кириллов, Владимир Михайлович | E-mail: vlmkir@yandex.ru
Аспирант

В исследованиях Восточных провинций Римской империи отмечается значительный удельный вес ткачества и производства одежды в экономике позднеантичного общества [1, с. 184]. Эта же отрасль является наиболее полно освещённой с точки зрения источниковой базы сферой ремесла в городах северо-западной части Сирии, в частности Лаодикеи Приморской. Значительная часть информации о производстве одежды происходит из Эдикта о максимальных ценах, изданного во время правления Диоклетиана. В данном документе уделяется большое внимание текстильным товарам сирийского происхождения, что свидетельствует о размахе производства одежды и тканей на этой территории. Несмотря на недавний подробный анализ его сведений в историографии применительно ко всей Сирии [2, с. 151–171], имеется смысл обработки данных Эдикта и их актуализации применительно к изучаемому нами более узкому региону.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Наблюдается тенденция, при которой под Лаодикеей, упомянутой в Эдикте, понимается одноимённый малоазийский город во Фригии теми авторами, которые следуют традиции Страбона (Strabo. XII. 8. 16) и не учитывают временной разрыв [3, р. 13; 4, р. 180–181; 5, с. 37]. Подобное утверждение не соответствует действительности. Ряд авторов используют текст документа применительно к сирийскому региону, не обосновывая такой возможности [6, р. 58; 7, с. 87]. О производстве льна в Лаодикее Приморской в IV в. сообщает анонимный географ, который упоминает город в контексте рассказа об остальных центрах производства в восточном Средиземноморье, ставя его в один список вместе с помещёнными в состав Эдикта Скифополем и Библом (Exp. tot. mund. 31). Также известен пример, когда в позднеантичной традиции под названием Лаодикея при отсутствии уточнений в первую очередь фигурирует именно сирийский город, а лишь затем одноимённые населённые пункты, в том числе и во Фригии (Steph. Byz. A. 37).

При обращении к Эдикту Диоклетиана трудно не обратить внимание на то, в сколь крупных цифрах обозначена цена товара. Это связано с кризисом денежного обращения в империи до начала реформ Диоклетиана–Константина, который выражался в практически полном вытеснении из оборота золотой и серебряной монеты. Количество серебра в денарии, который в момент выпуска Эдикта служил единицей для подсчёта цен, упало до 1–2 % [8, р. 448]. Э. Кропф под денариями понимает мелкие медные фракции весом около 1.5 г, на которых император изображён в лавровом венке. Он же уверенно говорит о стоимости серебряного аргентея в 100 таких денариев [9, р. 169]. Но его гипотеза не решает вопроса о методе вычисления абсолютной цены товаров в начале IV в. В настоящее время возможен только относительный анализ их стоимости, формируемый на основе сравнения с другими категориями в пределах данных Эдикта.

Производимая в Лаодикее шерстяная одежда (табл. 1) представлена достаточно широким рядом наименований, что указывает на город как один из самых развитых в империи центров обработки шерсти. Однако обозначить её место на рынке можно лишь приблизительно, учитывая фрагментарность данных Эдикта, что делает невозможным сравнение стоимости аналогичных товаров и не проясняет принципы ценообразования.

Так, фибулатории производились в разных частях государства и законодатель требовал максимальной цены на них в пределах 2 000–12 500 денариев. Однако только лаодикейский (1), лаодикейский простой (2) и мутинский простой (3) имели отделку пурпуром, что должно было существенно влиять на их стоимость. Известна стоимость только первого и третьего. Они могли отличаться друг от друга фасоном, что также влекло бы разницу в цене. Из всех типов шерстяной одежды поддаются сравнению только бирросы, ценник на которые варьировался от 1 500 до 15 000 денариев. В этом случае обычный лаодикейский биррос находится в центре диапазо-

на. Высокая стоимость изделий из ряда центров (Норик, Нумидия, Африка и пр.) была обоснована, скорее, модой на них при ограниченном объёме поступления на рынок или более высокой себестоимости, а не выдающимся качеством, но проверить данное предположение по понятным причинам не представляется возможным.

Таблица 1

Номенклатура и стоимость шерстяных изделий из Лаодикеи¹

Наименование	Цена в денариях
Фибулаторий лаодикейский простой из шерсти мутинской и лаодикейской, с пурпурной полосой ² в 4 унции	40...
Хламида простая из шерсти мутинской и лаодикейской [с пурпурной полосой] в 9 унций	15 000
Фибулаторий лаодикейский [с пурпурной полосой] в 4 унции	4 000
Биррос лаодикейский	4 500
Биррос лаодикейский по типу Нервия ³	10 000
Далматика простая лаодикейская из тройной нити	2 000
Платье лаодикейское с пурпурной каймой	Не сохранилась ⁴
Пенула лаодикейская высшего качества	5 000
За шерсти лаодикейской мытой 1 фунт	150

Остаётся открытым вопрос, в каком случае упоминаемые Эдиктом города являлись непосредственно центрами происхождения производимых вещей, а когда под ними обозначено название торговых марок или тип фасона. В 25 пункте 19-го раздела Эдикта речь с большой долей вероятности идёт о происхождении изделия, которое могло быть выполнено как из местного, так и привозного материала. Но в пункте 38 наряду с производителем акцент поставлен на фасоне или торговой марке, при этом оригинальный

¹ При составлении таблиц использовано берлинское издание Эдикта о максимальных ценах [10].

² Упоминание пурпурной окраски для этого и следующего изделия сохранилось только в греческой версии документа. Под словом *άλιός* понимался тип пурпура, который в латинских текстах обозначался транслитерацией (*haplia*). Он же имелся в виду под другим словом греческого происхождения – *μονοβαφα*, что раскрывает технологические особенности его производства однократным окрашиванием и объясняет невысокую цену относительно более престижных сортов [11, р. 126, 132].

³ А.Г. Грушевой видит происхождение этого названия в имени галльского племени нервиев, а высокую стоимость рассматривает как свидетельство моды [2, с. 154]. Этноним нервии известен и позже времени издания Эдикта (*Amm. Marc. VIII. 40*), а одетые на странный, особенно варварский, манер люди привлекали к себе повышенное внимание на городских улицах (*Dio. Chrys. LXXII. 3-4*).

⁴ Вероятно, цена и не была указана. В источнике сделан акцент, что стоимость изделия рассчитывается из количества использованной на него краски (*πρoστιθεμένης τῆς τεμνῆ[ς] τῆς πορφύρας τὰ ὑλό[λ]ο[ι]λα ἐνλογεῖσθαι δεῖ*), что делает диапазон возможных значений достаточно широким.

Нервий стоит в полтора раза дороже изготовленного в Лаодикее (Edictum de pretiis. 19. 38) – в городе было освоено производство модного изделия, которое было значительно дешевле оригинала, при этом такие «копии» были широко распространены на рынке империи.

Вышивальщики и валяльщики (табл. 2) получали за аналогичные изделия из мутинской и лаодикейской шерсти одинаковые суммы. Разница в зарплате с другими центрами соотносится с различиями в ценах на готовую продукцию.

Таблица 2

Заработная плата ремесленников

Объём работы	Заработная плата в денариях
1 унция лаодикейской [мутинской ⁵] хламиды	25
Фибуляторий лаодикейский необработанный	200
Хламида лаодикейская необработанная	200
Биррос лаодикейский необработанный	175
1 фунт обработанной тарентской, лаодикейской или альтинской шерсти	30

Данные о стоимости шерсти как сырья показывают, что шерсть из Лаодикеи ценилась несколько ниже италийской (раздел 25). Она либо незначительно уступала ей по качеству, либо имела более низкую себестоимость при производстве. Важно обстоятельство, что только Лаодикея и города Италии входили в число поставщиков самой шерсти. Достаточно высокая стоимость производимых в них готовых товаров, на основе данных источника, указывает не на их ориентацию в качестве производителей сырья, а на наличие его избытка и экспорта. Таким образом, Лаодикея являлась в империи одним из двух основных центров производства шерстяной продукции и была способна выдержать существовавшую мощную конкуренцию на текстильном рынке империи [12, p. 168].

Пространный 26-й раздел Эдикта содержит информацию о ценах на льняную одежду. При этом он имеет хорошо структурированный вид, в котором лаодикейским изделиям всегда отведено одно и то же место, что облегчает анализ. Для примера приводим данные по первому типу одежды полностью, далее обозначены расценки только на продукцию из Лаодикеи.

Сведения о производстве в Лаодикее льняных изделий, сохранившиеся в Эдикте (табл. 3), позволяют прийти к следующим обобщающим выводам. Производимая в городе продукция по стоимости уступала аналогичной, происходившей из Малой Азии (Тарс), Финикии (Библ) и Палестины

⁵ Такое уточнение добавлено в греческих версиях Эдикта, хотя отдельное упоминание мутинской хламиды помещено в предыдущей строке. Вероятно, речь идёт о лаодикейской хламиде, но изготовленной из шерсти италийского происхождения.

(Скифополь). Это может свидетельствовать о более низком качестве лаодикейского льна и, следовательно, изделий из него либо о более низкой себестоимости.

Таблица 3

Номенклатура льняных изделий

Наименование	Цена в денариях за отрез		
	Первый сорт	Второй сорт	Третий сорт
Стриктория простая ⁶			
из Скифополя	7 000	6 000	5 000
из Тарса	6 000	5 000	3 500
из Библа	5 000	4 000	3 000
из Лаодикеи	4 500	3 500	2 500
тарсо-александрийская	4 000	3 000	2 000
Далматика простая женская	8 000	6 500	4 000
Далматика мужская или коловий	7 500	5 000	3 000
Анаболарий ⁷	5 500	4 000	3 000
Полотенце для лица простое	2 250	2 000	1 500
«Плащ Каракаллы» ⁸	2 250	2 000	1750
Салфетка ⁹	600	500	400
...женское ¹⁰	-	-	-
Головная повязка из льна	1 500	1 200	800
Тонкое покрывало для постели	8 000	...50	5 250
Повязка	1 500	1 250	1 200

⁶ Этот тип одежды описывается в историографии как рубаша с длинными рукавами [13, p. 308].

⁷ От греч. ἀναβάλλω – «набрасываю». В поздней латыни под словом anabolarium понималась накидка на голову или некое подобие капюшона [14, p. 330; 15, p. 15].

⁸ Каракалла носил одежду по германской моде, пока находился в Сирии и Месопотамии, затем ввёл своё изобретение и в солдатский обиход. (Dio Cass., LXXIX. 3.3). Появление в Эдикте «плаща Каракаллы» свидетельствует об удобстве и популярности этого изделия на протяжении долгого времени.

⁹ Перевод условен. Греческое ὀράριον восходит к латинскому orarium (от «os» – рот), отражая таким образом первоначальное назначение изделия, созданного для вытирания рта. Контекст употребления слова в позднеантичной латыни позволяет прийти к выводу, что под орарием имеется в виду предмет, сходный по функционалу с современным носовым платком (Aug. De Civi Dei. 22. 8).

¹⁰ Полное наименование изделия не сохранилось. Фраза ἀπὸ λίνου τραχέως εἰς χρῆσιν τῶν ἰδιωτῶν γυναικῶν из предыдущего раздела Эдикта явно относится к этой же категории продукции. Однако из-за содержания стандартной для документа формулы, используемой при описании товаров низкого качества, её использование для реконструкции назначения изделия не представляется возможным. Сообщение, что предмет используется женщинами, может служить указанием на какой-либо специфический предмет гигиены.

Тем не менее все эти центры образовывали достаточно прочную группу производителей лучшей льняной продукции в империи, которая по стоимости резко отличалась от изделий, охарактеризованных в Эдикте как товары «из грубого льна для простолюдинов и рабов», и предназначалась для использования высшими слоями населения. Основываясь на данных Эдикта о зарплатах можно привести пример, в котором для покупки достаточно недорогого лаодикейского плаща Каракаллы, к тому же третьего сорта, представителям не самого низкооплачиваемого ремесла – плотнику или каменщику – нужно отработать 35 дней (*Edictum de pretiis*. 7. 2, 3a). Пример показателен с учетом даже того обстоятельства, что мы не имеем возможности проверить полноту соблюдения положений Эдикта на местах и реальный уровень цен и заработной платы.

Надписями из Дура-Европос зафиксировано, что в середине III в. производимая в Лаодикее одежда являлась важным предметом торговли в восточном направлении [16, № 423, 431]¹¹.

Сама широта номенклатуры изделий свидетельствует о масштабах производства, куда помимо города как центра непосредственного изготовления продукции неизбежно были втянуты окрестности, выступавшие в роли основного поставщика исходного сырья, что влияло на специфику регионального сельского хозяйства.

Обращает на себя внимание обилие терминологии, в которой латинские по своему происхождению слова передаются через транслитерацию греческими буквами. В Лаодикее производилась одежда, обязанная происхождением латиноязычным частям римского мира. На Востоке она предназначалась для живших там выходцев с этих территорий или служила данью моде. Интернационализация экономической и культурной жизни региона обеспечивала интеграцию в состав империи; широта изготовления одежды свидетельствует об ориентации производства на экспорт для внешних по отношению к Сирии рынков и прежде всего западных латиноязычных областей.

Для ранневизантийского времени сохранились данные о производстве в Сирии одежды из шёлка, материал для которой поставлялся по торговым путям из Китая через Индию и Иран. Основными центрами работы с шёлком являлись Берит и Тир (*Procop. Hist. Arcana*. XXV. 14), к ним же по названию одного из сортов ткани стоит отнести и Дамаск [18, p. 143]. Сведений о производстве шёлковых изделий в Лаодикее не сохранилось, но можно допустить, что процветающий центр текстильного ремесла, торговый порт, не остался в стороне от этого процесса.

¹¹ Обозначение названия города в этих надписях имеет свою специфику, но устанавливается достаточно уверенно [17, p. 173].

Ссылки

1. Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 412 с.
2. Грушевой А. Г. Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н. э. – VI в. н. э.). СПб.: Нестор-История, 2013. 380 с.
3. Wild G.P. The Edict of Diocletian, aria and cashmere // *Saitabi. Revista de la Facultat de Geografia i Història*. 2014–2015. № 64–65. P. 11–23.
4. Benda-Weber I. Textile production centres, products and merchants in the Roman province of Asia // *Ancient textiles series*. 2013. Vol. 13. Making textiles in pre-Roman and Roman times: people, places, identities. Oxford: Oxbow Books. P. 171–191.
5. Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. 264 с.
6. Morelli F. Tessuti e endumenti nel contesto economico tardoantico: i prezzii // *Antiquité Tardive*. 2004. № 12. P. 55–78.
7. Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I–III вв. н. э.). М.: Наука, 1977. 310 с.
8. Hendy M. F. *Studies in the Byzantine monetary economy*, с. 300–1450. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. XXI, 773 p.
9. Kropff A. Diocletian's currency system after 1 September 301: an inquiry into values // *Revue Belge de numismatique et de sigillografie*, 2017. CLXIII. P. 160–187.
10. *Diokletians Preisedikt / Herausgegeben von Siegfried Lauffer*. Band 5 der Reihe *Texte und Kommentare*. Berlin: Walter de Gruyter, 1971. 361 p.
11. The copy of Diocletian's edict on maximum prices from Aphrodisias in Caria / T. E. Kenan [et al] // *The Journal of Roman studies*. 1970. № 60. 120–141.
12. West L. C. Commercial Syria under the Roman Empire // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1924. Vol. 55. P. 159–189.
13. Wild J. P., Droß-Krüpe K. *Ars polymita, ars plumaria: the weaving terminology of Taqueté and Tapestry / Textile Terminologies from the Orient to the Mediterranean and Europe, 1000 BC to 1000 AD*. Lincoln: Zea Books, 2017. P. 301–320.
14. Lendinara P. A difficult school text in Anglo-Saxon England: The third book of Abbo's *Bella Parisiaca Urbis* // *Leeds studies in English*. 2007. № 36. P. 321–342.
15. Morgan F. P. Dress and personal appearance in the Late Antiquity. The clothing of the middle and lower classes / *Late Antique Archaeology (Supplementary series)*. Leiden; Boston: Brill, 2018. Vol. 1. 262 p.
16. *Supplementum Epigraphicum Graecum. Volumen septimum / Moderantibus L. Robert, M. N. Tod, E. Ziebarth*. Leiden: Sijthoff, 1934. 180 p.
17. Baur P. V. C., Rostovtzeff M. I., Bellinger A. R. The excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of fourth season of work (1930-1931) // *Revue des Études Grecques*. 1935. Tome 48. P. 172–173.
18. *The Cambridge history of Western textiles / Ed. by D. Jenkins*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 714 p.

"The New Economic Theory of the Family": Critical Notes by a Lawyer

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-384-391

Research article
Full text in Russian

The article gives the author's assessment of modern approaches of economists to the family and family relations. The study was based on the "new economic theory of the family", at the origins of which was the American economist G. Becker. The article notes that a purely economic approach to the family and family relations ignores the subjective element, makes the approach to love and altruism, as the initial elements of family relations, extremely reductive, not to mention the use of economic terminology (value, benefit, efficiency, rarity, etc.) to family law phenomena. As a conclusion, it is emphasized that the arguments of economists are very significant for taking into account the share of a spouse who does not work, but keeps a household, when dividing property during a divorce, when determining the amount of alimony, etc. However, outside of property relations, the economic approach does little to give both law and other humanitarian disciplines.

Keywords: family; New Economic Theory of the Family; G. S. Becker; households

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
| Doc. Sc. (Jurisprudence), Doc. Sci. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

«Новая экономическая теория семьи»: критические заметки юриста

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-384-391
УДК 314.6; 347.61.64

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье дана авторская оценка современных подходов экономистов к семье и семейным отношениям. За основу исследования была взята «новая экономическая теория семьи», у истоков которой стоял американский экономист Г. Беккер. В статье отмечено, что чисто экономический подход к семье и семейным отношениям игнорирует субъективный элемент, делает крайне редуцированным подход к любви и альтруизму как исходным элементам семейных отношений, не говоря уже о применении экономической терминологии (ценность, польза, эффективность, редкость и др.) к семейно-правовым феноменам. В качестве вывода подчеркивается, что аргументы экономистов весьма значимы для учета доли неработающего, но ведущего домашнее хозяйство супруга при разделе имущества при разводе, при определении размера алиментов и др. Однако вне имущественных отношений экономический подход мало что дает как праву, так и другим гуманитарным дисциплинам.

Ключевые слова: семья; Новая экономическая теория семьи; Г. С. Беккер; домохозяйства

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Семья относится к традиционным субъектам целого ряда отраслей права, прежде всего семейного, а также гражданского, государственного, права социального обеспечения и др. Несомненно, что в общественных отношениях, связанных с семьей, может присутствовать существенная имущественная компонента. Это относится в первую очередь к алиментарным, наследственным отношениям, отношениям, связанным с разделом имущества бывших супругов, изменением режима имущества супругов и др.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Все это повышает интерес к экономическим подходам к проблемам семьи. Кроме того, в настоящее время достаточную популярность получил экономический подход ко всем проблемам семьи в рамках так называемого «экономического империализма» [1, с. 80–90].

В этой связи определенный интерес для юристов представляет «новая экономическая теория семьи», автором которой является американский экономист Г. С. Беккер (1930–2013), лауреат Нобелевской премии по экономике (1992). Главной его заслугой считается расширение экономического подхода к любому человеческому поведению в духе уже упомянутого «экономического империализма». Он рассматривал семью не только как совокупность потребляющих людей, но и как генерирующую «совместную полезность» единицу из нескольких человек, которая при помощи исходных ресурсов (время, навыки и знания разных членов семьи) производит не только материальные, но и прочие блага. Это позволило применить теорию производства для анализа поведения домохозяйств. Далее мы рассмотрим данный экономический подход к семье и его применимость для юриспруденции.

Начнем с того, что Беккер шел к созданию «новой экономической теории семьи» долгим и порой окольным путем. В 1960 г. выходит его статья «Экономический анализ рождаемости», в которой анализируются проблемы семьи, включая брак, развод, рождаемость, социальную защищенность, через призму рыночной экономики. В ней постулируется, что основой для экономики домашнего хозяйства, которая изучает потребление и трудовые ресурсы, являются семейные решения, центром принятия которых выступает не индивид, а домохозяйство. Далее Беккер приступил к формированию «новой теории потребления», обнародовав в 1965 г. статью «Теория распределения времени» [2, с. 493–517; 3, с. 75–84; 4, с. 114–127]. В ней он впервые подошел к семейной экономике как своеобразной «фабрике», производящей основные товары (питание, образование, воспитание, досуг и др.) за счет использования рыночных товаров и времени ее членов. Таким образом, именно в семье воспроизводятся кадры работников и обеспечивается первичное разделение труда. Члены семейного хозяйства предлагают свое время и альтернативно его используют на своеобразном рынке труда за определенную, опять же условную, заработную плату, а ее размер восполняет возможные затраты времени каждому производителю семейных благ. Соответственно, основная идея Беккера заключается в том, что любое потребление стоит времени, которое обеспечивается соответствующим вознаграждением. Такой подход, по его мнению, приближает традиционную теорию потребления, оперирующую только ценами и доходом в качестве анализируемых переменных, к реальности. Проблему распределения времени он рассматривал и в дальнейшем, в том числе в работе «Распределение времени и товаров на протяжении жизненного цикла» [5]. Его теорию отчасти можно признать редукционистской и даже вульгарной, но она вносила некоторую ясность в изучение проблематики экономики до-

мохозяйств, однако именно на этом уровне рыночный подход был наиболее проблематичен с учетом важности субъективного фактора.

Наконец, пришло время «новой экономической теории семьи», которая вызвала массу вопросов и даже откровенных насмешек. Начало этой теории положила статья о теории брака, в которой он исследовал проблему распределения ресурсов внутри семьи при условии, что ее члены связаны альтруистическими чувствами [6, р. 813–846; 7, р. 811–828]. Последнее условие необходимо с точки зрения мотивации потребности в детях и принятия решений о рождении детей и затратами капитала на их воспитание. Однако и этот альтруизм оказался сильно экономизирован с учетом обратной зависимости качества и количества детей, экономической выгоды инвестирования в их обучение и воспитание и др. Вершиной его творчества по данной проблематике признается изданный в 1981 г. «Трактат о семье» (2-е изд. в 1991 г.) [8], а также ряд других статей, опубликованных в 80-х – начале 90-х гг. Часть из них были переведены на русский язык [9, с. 12–36; 10 с. 93–107; 11, с. 93–98; 12, с. 308–321]. Важность экономического фактора для семьи, как и важность экономики домохозяйств для макроэкономики, очевидны. Однако рассуждения Беккера о браке как чистом выигрыше (издержки минус выгоды), о соотношении «количество – качество», «затраты – доходы», «цены – качества» применительно к детям («дорогие» и «дешевые»), мужьям и женам («качественные» и «некачественные») уже вызывают вопросы. Так, «качественная жена», по смыслу, – это женщина, которая хорошо и дешево готовит, рождает здоровых детей и воспитывает их, заботится об их обучении, эффективно ведет домашнее хозяйство, ухаживает за мужем. Соответственно, «качественный муж» – это тот, кто выполняет свои супружеские обязанности, связанные с воспроизводством рабочей силы (детей), участвует в воспитании детей, а главное – много зарабатывает и содержит семью. В общем, почти «Домострой» с поправкой на «экономический империализм». Это тем более важно, что «жены высокого качества получают премию, определяющую их дополнительную производительность как жен».

Получается, что семья – это исключительно микроэкономическая ячейка общества и составной элемент макроэкономики. Да и дело вовсе не в конкретной семье, а в некоем семейном ВВП. Оказывается, «...брачный рынок как бы максимизирует не выгоды от вступления в брак по сравнению с жизнью в одиночестве от каждого конкретного брака, а общий выигрыш по всем бракам», тем более что людей по парам «расставляет “невидимая рука” конкуренции на брачном рынке» [9, с.16]. От себя добавим, что людям, имеющим неудачный опыт брака, стоит радоваться хотя бы «выигрышу по всем бракам» и винить во всем не судьбу, не второго супруга и даже не соперника-разлучника, а только «невидимую руку» конкуренции на брачном рынке. Предполагаем, что и оценка женской красоты как исключительно «редкого ресурса», исследование «функции полезности женщин» возмутит не только представительниц прекрасного

пола, но и многих мужчин. Уподобление детей «товарам длительного пользования», ближайшим аналогом которых является холодильник, несколько необычно. Из того же ряда рассуждения об «инвестициях в детей», так как большинство, вероятно, говорило бы о воспитании и обучении детей, требующем любви, а также материальных, физических и душевных затрат. Нетривиален и вывод о том, что, оказывается, «инвестиции в детей» выгоднее пенсионных накоплений, т.к. хорошо воспитанные дети в старости помогут своим родителям. Вероятно, вне «экономического империализма» все думали, что именно плохо воспитанные и нелюбимые дети наиболее часто материально поддерживают пращуров.

Беккер в своих исследованиях не забыл и про любовь, посвятив ей несколько проникновенных строк. Начал он со смелого заявления, что нельзя игнорировать браки по любви. Самое же главное то, что «...влияние любви на равновесную прибавку <...> представляет собой случай влияния различий на предпочтения». Это, собственно, все. Если кто-то подумал, что наш герой забыл про секс, то он глубоко заблуждается. В структуру семейного выпуска, помимо товаров и услуг, он включил «сексуальное удовлетворение и другие блага, которые при подсчете национального продукта никак не учитываются». Однако не все так просто, и без оценки затрат не обойтись и здесь. По его мнению, в отношении брака «в функцию полезности включается физический контакт», так как на «контакт» в браке затраты менее, чем вне брака [9, с. 29]. Короче, интимные услуги жены дешевле аналогичных у проститутки, да и деньги остаются в семье. Действительно, этот мощный аргумент крыть нечем, тем более что и К. Маркс считал буржуазный брак узаконенной формой проституции. В качестве пожелания хотелось бы, чтобы экономисты, наконец, в денежном выражении оценили сексуальное удовлетворение (в долларах или рублях по валютному курсу).

Однако главное открытие Г. Беккера таково: «сортировка пар» на «брачном рынке» связана с тенденцией к «ассортативному» спариванию и идет по похожим признакам, таким как рост, цвет кожи, образование, уровень интеллекта, социальное происхождение и др. Скажем так: звучит свежо и неожиданно, хотя муж и жена могут быть как очень похожими, так и разными до антиподов. Без всякого «империализма» Беккера очевидно, что подсознательно человек ищет себе пару по признакам, хотя бы внешне совпадающим со своими собственными, так как семья предполагает известный уровень единства. Определенное влияние на выбор брачного партнера имеет и образ родителей (для девочки – отца, для мальчика – матери). В любом случае это связано со стереотипами, узнаваемостью, причем круг лиц, ее формирующих, может быть расширен за счет других, с которыми люди длительно и тесно общались. Это могут быть бабушки и дедушки, отчим и мачеха, иные опекуны и попечители. Размышлять об этом в терминах экономической науки с использованием множества формул представляется нам несколько излишним и даже провокационным (особенно про спаривание).

По мнению Г. Беккера, почему-то супруги предпочитают выбирать партнера, отличающегося по уровню заработка. Более того, он считал, что выбор по различию заработной платы является оптимальным, причем чем ближе уровень зарплаты жены к уровню зарплаты мужа, тем вероятнее грядущий развод [9, с. 23]. Даже страшно подумать, что будет, если зарплата жены превысит зарплату мужа. Короче, мужчине следует жениться на бедной, трудолюбивой и глуповатой, но хозяйственной простушке (внешность значения не имеет) и тогда брак будет идеальным.

Про страсть и прочие странности (кроме любви как более дешевого «физического контакта») мы вообще говорить не будем (как и Г. Беккер), напомнив только слова одной из песен В. С. Высоцкого: «А мне плевать, мне очень хочется». Его песенная Нинка, которая «спала со всей Ордынкою», явно не является носителем дорогого «человеческого капитала», относится к женщинам «некачественным» и, что скрывать, «дешевым». Эти утверждения о разнице в уровне заработка также можно назвать прикольными, но вот демографы и социологи эвристического посыла данной теории не разделяют. Даже так называемые неравные браки в большинстве случаев связаны не с получением материального благополучия от более старшего и материально обеспеченного супруга, а с другими, скорее психологическими, факторами. В такие браки вступают, как правило, поздние дети, у которых формируются соответствующие стереотипы, недополучившие в детстве родительской любви и др. В любом случае к экономике это не имеет никакого отношения.

Кроме того, в настоящее время и экономистами констатируется достаточно давняя тенденция гомогамии, когда подавляющая часть супругов по уровню доходов примерно равна (и когда богатые (или потенциально богатые) женятся друг на друге) [13, с. 25, 32–34], притом что подход Беккера отражал реалии 50-х гг. XX в. Неслучайно история в духе фильма «Красотка» с Р. Гиром и Д. Робертс о любви и возможном браке бизнесмена-миллионера и проститутки воспринимается как сказка, как редчайшее исключение и даже патология в духе «любовь зла...» уже с конца 80-х гг. прошлого века.

Кстати, для «империалистов» расторжение брака никак не связано с тем, о чем думает большинство (ушла любовь, замучил быт, супружеская измена и др.). Он обоснован в духе Парето – эффекта, который и в отношении экономики более чем условен, т. е. когда улучшается положение хотя бы одного человека, притом что ничье положение не ухудшается. Сколько разводов привело к трагедиям вплоть до самоубийств, «империалисты» еще не определили.

Вероятно, с учетом этого другой экономист Д. Фридман главной причиной как самого брака, так и его долговечности считает наличие невозвратных затрат, связанных с отношениями. Это множество взаимных вложений, издержек, которые окупятся, только если супруги не разойдутся. Для него брак – это двусторонняя монополия с потенциальными издерж-

ками переговоров, хотя начинались последние и на конкурентном рынке. Соответственно, долгосрочные отношения являются одним из способов сократить эти издержки с сохранением внутри брака пространства для переговоров, но при устранении угрозы, что кто-то встанет и уйдет. При этом шансы «заполучить» имеющуюся жену составляют один на десять тысяч (романтики, признаваясь в любви, видимо, привирают про одну на миллион, хотя по уровню достоверности оба числа равны). Причины развода также сугубо экономические, связанные с нарушением условий договора или взаимного инвестирования. Обратное начисто отрицается: «Насколько я знаю, – писал Фридман, – ни с кем пока еще не разводились на том основании, что он плохо готовит или занимается сексом» [13, с. 302–314]. Сдается, что «знает» он далеко не все. Напротив, по мнению социологов и психологов, супруг ищет вне семьи то, чего ему в семье не хватает, и это уж точно не взаимные инвестиции, а скорее секс и даже вкусная еда. При этом собственно любовь, эмоциональная привязанность, взаимный альтруизм – это только средство уменьшения проблем в игре в переговоры с двусторонней монополией, каковой и является брак [13, с. 302]. От себя добавим, что если в данном повествовании вас что-то не устраивает, то вы точно не являетесь сторонником экономического подхода к семейному праву.

Подчеркнем, что суждения Беккера весьма оригинальны, причем для получения каждого из них он исписал несколько страниц с десятками формул. Так, причиной выхода человека на брачный рынок он считал ожидания, «что его доход в браке будет больше, чем при одинокой жизни», а ключевой вопрос брака – это «издержки производства в домашнем хозяйстве». При этом женитьба на «качественной» женщине, как оказалось, скрытая форма полигамии, как замена явной полигамии, так как одна «качественная» женщина заменяет несколько «некачественных» (примерно так же рассуждала и одна из жен Абдуллы в фильме «Белое солнце пустыни»). Кроме того, «качественная» жена усиливает успешность качественного мужа, для некачественного мужа качественная жена может компенсировать некоторые его недостатки. Весьма интересен вывод о том, что, оказывается, стройные и красивые женщины предпочитают выбирать богатых и успешных мужчин [9, с. 18–19, 24]. Получается, что расчетливые рационалистки-красотки бессовестно продают свой «редкий ресурс» на брачном рынке, а богатые бонвиваны и успешные бизнесмены под влиянием такого предложения просто вынуждены периодически менять своих старых жен-«моделей» на более новые «модели». Звучит весьма жизненно.

Совсем неслучайно, по мнению российских поклонников, американец блестяще доказывал, что любовь – это особое соглашение, при котором взаимные инвестиции не обусловлены ничем, кроме возможностей инвестора [14–15]. Что ж, лучше и не скажешь. В итоге главная заслуга Беккера, по мнению его поклонников, заключается в том, что он ввел в качестве переменных в теорию семьи альтруизм и любовь, чем расширил горизонт экономических исследований. Однако, что может сказать экономика

об альтруизме и любви, кроме того, что последняя – это соглашение, дополненное «физическим контактом»? Ничего, впрочем, как и юриспруденция. Иначе говоря, любовь лучше учитывать как «временно постоянную», ибо она, согласно современной книге и фильму, «живет три года». Впрочем, за определение точного «возраста любви» лучше обратиться к последователям Беккера. Они его точно вычислят, но позже.

В качестве вывода отметим, что аргументы экономистов весьма весомы для учета доли неработающего, но ведущего домашнее хозяйство супруга при разделе имущества при разводе, при определении размера алиментов и др. Однако вне имущественных отношений (причем в весьма ограниченном спектре) экономический подход практически ничего не дает как праву, так и другим гуманитарным дисциплинам.

Ссылки

1. Лушников А. М. Право и экономика. М.: Проспект, 2019. 192 с.
2. Becker G. A theory of the allocation of time // *The Economic Journal*. 1965. № 75, September. P. 493–517.
3. Беккер Г. Теория распределения времени (по изд. 1965) // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 1. С. 75–84.
4. Беккер Г. Теория распределения времени. (по изд. 1965) // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 2. С. 114–127.
5. Becker G., Ghez G. The allocation of time and goods over the life cycle. New York: National Bureau of Economic Research Distributed by Columbia University Press, 1975. 150 с.
6. Becker G. S. A Theory of Marriage: Part I // *Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81, Issue 4. P. 813–846.
7. Becker G. S. A Theory of Marriage: Part II // *Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 82. P. 811–828.
8. Becker G. A treatise on the family. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1991 (по изд. 1981).
9. Беккер Г. С. Выбор партнера на брачном рынке (по изд. 1981) // *THESIS*. 1994. Вып. 6. С. 12–36.
10. Беккер Г. С. Экономика семьи и макроповедение // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 2. С. 93–107.
11. Беккер Г. С. Экономика семьи и макроповедение // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 3. С. 93–98.
12. Беккер Г. С. Семья // *Экономическая теория* / под ред. Дж. Итуэлла [и др.]. М.: Инфра, 2004. С. 308–321.
13. Миланович Б. Капитализм и ничего больше. Будущее системы, которая правит миром. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 400 с.
14. Фридман Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 576 с.
15. Янковский К. Э. Несколько примеров методологии, или «Экономистам не в чем каяться!» // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 8–14.

"Dead souls" as part of a corporate legal entity

O. M. Rodnova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-392-401

Research article
Full text in Russian

The publication reveals the consequences of the loss of legal capacity by a corporation participant: in the event of the death of a member of a business company, the liquidation of a participant—a legal entity or its exclusion from the Unified State Register as invalid. It is concluded that the failure in the implementation of corporate rights and obligations is caused not by the loss of legal capacity by a corporation participant, but by uncertainty about the identity of the owner of corporate rights. The problem of the legal fate of shares or shares in an LLC owned by participants who have lost contact with the business company is resolved. It is concluded that it is impossible to qualify shares or participation interests in LLC as ownerless property. We believe that by analogy of the law, Articles 72 and 75 of the JSC Law cannot be applied to recognize the right of a joint-stock company to shares owned by participants who have lost contact with the corporation. The possibility of recognizing the rights of a business company to its shares or participation shares belonging to «lost» participants on the basis of paragraph.

Keywords: corporate legal relations; right of shareholder; share; interest in LLC; ownerless property

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Rodnova, Olga M. | E-mail: rodnova@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

«Мертвые души» в составе корпоративного юридического лица

О. М. Роднова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-392-401
УДК 347.191

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье раскрываются последствия утраты участником корпорации правоспособности в случае смерти члена хозяйственного общества, ликвидации участника – юридического лица либо исключения его из ЕГРЮЛ как недействующего. Сделан вывод, что сбой в реализации корпоративных прав и обязанностей вызван не утратой правоспособности участником корпорации, а неопределенностью в вопросе личности обладателя корпоративных прав. Разрешается проблема правовой судьбы акций или доли в ООО, принадлежащих участнику, утратившим связь с хозяйственным обществом. Высказано соображение о невозможности квалификации акций или долей участия в ООО как бесхозяйное имущество. Полагаем, что в порядке аналогии закона не могут быть применены ст. 72 и 75 Закона об АО для признания права акционерного общества на акции, принадлежащие участникам, утратившим связь с корпорацией. Обоснована возможность признания прав хозяйственного общества на его акции либо доли участия, принадлежащих «потерянным» участникам, на основании абз. 4 и 5 п. 1 ст. 34 Закона об АО и п. 3 ст. 16 Закона об ООО, применяемых в порядке аналогии закона.

Ключевые слова: корпоративное правоотношение; право членства; акция; доля участия в ООО; бесхозяйное имущество

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Роднова, Ольга Михайловна	E-mail: rodnova@uniyar.ac.ru
	Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса

Корпоративная практика¹ остро поставила вопрос о судьбе акций, долей участия в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, ранее принадлежавших членам хозяйственных обществ, утративших правоспособность. К таковым относятся: умершие граждане, ликвидированные юридические лица, юридические лица, исключенные из ЕГРЮЛ как недействующие, которым ранее принадлежали акции либо доли участия. Во всех перечисленных случаях правоспособность лица прекращается, оно не может быть носителем прав и обязанностей, в том числе прав на акцию, долю участия. Корпоративное правоотношение носит относительный характер, соответственно, необходимо определиться не только с судьбой акций или долей участия, но и с юридическими последствиями утраты участником правоспособности для корпорации в целом².

На первый взгляд отсутствует проблема, нуждающаяся в разрешении. И акция, и доля в уставном капитале ООО представляют собой субъективное имущественное право, соответственно, они могут переходить к другим лицам в порядке правопреемства.

В силу прямого указания ст. 1176 ГК РФ и акции, и доли в уставном капитале ООО умерших участников входят в состав их наследственной массы, а значит, переходят к их наследникам по завещанию или по закону, в том числе наследующим выморочное имущество.

Аналогично при ликвидации хозяйственного общества: принадлежащее им имущество подлежит распределению между лицами, указанными в законе.

Относительно прекращения деятельности корпораций еще Д. Д. Гримм отмечал: «Что касается судьбы имущества упраздненной корпорации, то прежде всего принимается во внимание, не имеют ли определенные частные лица права на все имущество или на часть его. Такие права третьих лиц (кредиторов) и бывших членов ее остаются в силе и по упразднении корпорации... Поскольку нет ни того, ни другого, имущество упраздненной корпо-

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС22-13675 от 24.01.2023 по Делу № А40-146631/2021. URL: kad.arbitr.ru; решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.08.2021 по Делу № А40-215358/20-173-1409 URL: kad.arbitr.ru; решение Арбитражного суда Новосибирской области от 19.03.2019 по Делу № А45-46102/2018. URL: kad.arbitr.ru; решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.10.2017 по Делу А56-40241/2017. URL: kad.arbitr.ru

² В рамках корпоративных правоотношений не только реализуются корпоративные субъективные права участников корпораций, но и исполняются корпоративные обязанности, которым корреспондируют субъективные права корпорации в целом (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ). Конституционный Суд РФ отмечает: «...Доля в уставном капитале как объект гражданского оборота не может рассматриваться как простой набор имущественных прав, поскольку наличие доли связывает ее обладателя определенными обязанностями» (Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».

рации по господствующему взгляду рассматривается как выморочное и переходит к фиксу» [1, с. 100].

Для дореволюционного российского гражданского права было характерно подобное положение дел. Д. И. Мейер указывал: «Возникает вопрос о судьбе имущества юридического лица по прекращении последнего — имущества, оставшегося по ликвидации его дел... Большой частью преемниками имущественных отношений юридического лица — совокупности лиц физических — бывают члены союза, возведенного в значение юридического лица. И это очень естественно, потому что юридическая личность целого все-таки признается лишь ради отдельных членов, а когда уже нет надобности в олицетворении целого, когда члены союза расходятся, то каждому и следует получить известную часть имущественных прав, составляющих достояние целого» [2, с. 134–135].

На сегодняшний день имущество ликвидируемого юридического лица, в том числе состоящее из акций или долей участия, подлежит распределению между его кредиторами либо участниками (п. 8 ст. 63 ГК РФ). Исключение из ЕГРЮЛ недействующего юридического лица приравнивается по правовым последствиям к ликвидации организации, а значит, также распределяется между его кредиторами и участниками (п. 2 ст. 64.2 ГК РФ).

Таким образом, сама по себе утрата правоспособности акционером или участником ООО не несет каких-либо негативных последствий для корпорации и корпоративного правоотношения, право владения акцией либо долей члена корпорации, утратившего правоспособность, переходит к его правопреемникам. Кажется бы, никаких новых неразрешимых вопросов жизнь не поставила перед юриспруденцией в связи с утратой правоспособности членами корпораций.

Сбой в реализации корпоративных прав и обязанностей вызван не утратой правоспособности участником корпорации, а неопределенностью в вопросе личности обладателя корпоративных прав. Если проанализировать дела, рассмотренные арбитражными судами, то можно прийти к заключению, что поводом для обращения в суд послужила именно неизвестность носителя корпоративно-правового статуса, а в каких-то случаях и отсутствие интереса у правопреемника в реализации корпоративных прав.

Если наследство после умершего члена корпорации никем не принято, к нему не проявляет интерес наследник выморочного имущества, если в состав имущества ликвидированного юридического лица входят акции или доли участия и они в процессе ликвидации не распределены ни между кредиторами, ни между участниками, то причиной нереализации корпоративных прав и обязанностей является бездействие последних, а не утрата правоспособности бывшими владельцами. Аналогичные последствия — невозможность реализации корпоративных прав и обязанностей — возникают в связи с утратой актуальности в сведениях об имени/наименовании, месте жительства/месте нахождения участника хозяйственного общества.

Таких неизвестных корпорации членов стали называть «мертвые души», «потерянные» участники, «недействующие» акционеры, «участники, утратившие связь с юридическим лицом», а принадлежащие им доли или акции «осиротевшими».

Появление в составе членов корпорации «мертвых душ» затрагивает интересы прежде всего юридического лица и, опосредованно, интересы действующих («живых») участников.

Негативные последствия могут заключаться как в блокировке деятельности организации, так и в несении хозяйственным обществом бессмысленных расходов на исполнение корпоративных обязанностей, в которых не заинтересован «потерянный» участник.

Так, продолжение деятельности акционерного общества может оказаться затруднительным при смерти акционера, обладающего более чем 50 % голосующих акций общества, если его наследники не заинтересованы в реализации корпоративных прав. Наличие сведений об умершем акционере в реестре владельцев именных ценных бумаг учитывается при определении кворума общего собрания. Соответственно, принятие решений по вопросам повестки дня общего собрания становится невозможным, если не прибегать к процедуре повторного общего собрания.

В обществах с ограниченной ответственностью подобные проблемы не возникают. В ООО вопрос кворума не существует, так как решения на общем собрании принимаются большинством голосов от общего количества голосов участников корпорации.

Кроме того, право на долю необходимо отличать от права членства в ООО, которое носит имущественный характер и в то же время тесно связано с личностью правообладателя. Следовательно, право членства не может переходить к наследникам умершего участника общества, равно как и к иным правопреемникам при утрате правоспособности членом ООО. Поэтому мы полагаем, что голоса, принадлежавшие умершему участнику, не учитываются при определении результатов голосования на общем собрании, пока его наследники не приобретут право членства в обществе.

Наследник, принявший наследство умершего члена ООО, не становится участником общества в порядке универсального (наследственного) правопреемства, к нему переходит лишь право требовать выплаты действительной стоимости унаследованной доли. Право членства у наследника возникает из следующего юридического состава: наличие права требовать выплаты действительной стоимости доли, волеизъявление наследника, при соответствующем указании в уставе согласие иных участников на принятие наследника в состав членов общества, внесение записи в ЕГРЮЛ [3, с. 58–67].

Таким образом, голосование должно осуществляться без учета голосов, принадлежавших умершему участнику, до тех пор, пока его наследники не будут приняты в состав членов ООО.

Если же «мертвой душой» ООО является участник, утративший интерес к деятельности компании и не предпринимающий никаких действий для выхода из нее, то такая неопределенность может быть преодолена путем предъявления иска об исключении потерянного участника из состава общества (ст. 10 Закона об ООО³).

Но не все так безоблачно и в ООО при наличии в его составе «потерянных» участников. Исключение сведений об умершем участнике из ЕГРЮЛ возможно либо путем вступления его наследников в состав общества, либо путем выплаты наследникам действительной стоимости доли, ранее принадлежавшей умершему.

Общество по своей инициативе исключить из ЕГРЮЛ сведения об умершем участнике не вправе, равно как и произвести его замену на наследника без волеизъявления последнего. В то же время наличие в реестре такой информации является основанием внесения налоговыми органами в ЕГРЮЛ записи о недостоверности сведений о юридическом лице и в последующем для исключения общества из ЕГРЮЛ как недействующего юридического лица.

Уже из приведенных примеров мы видим, что «мертвые души» могут парализовать корпорацию либо привести к прекращению ее существования. В исследованиях по данному вопросу приводятся примеры и иных негативных последствий утраты участниками связи с корпорацией [4, с. 5].

На сегодняшний день законодательство не содержит норм, определяющих судьбу «потерянных» участников корпораций и принадлежащих им акций, долей участия. Судебная практика предпринимает пока тщетные попытки устранения данного пробела в праве.

Арбитражными судами был принят ряд решений, в которых акции или доли участия, ранее принадлежавшие «потерянным» членам хозяйственных обществ, признавались бесхозяйным имуществом. Применяя в качестве аналогии закона ст. 225 ГК РФ, суды удовлетворяли иски о требованиях корпораций и признавали за ними права на акции или доли участия, владельцы которых в силу различных обстоятельств стали неизвестны⁴.

Мы полагаем, для квалификации акций или долей участия, ранее принадлежавших «потерянным» участникам, как бесхозяйное имущество в порядке аналогии закона согласно ст. 225 ГК РФ нет оснований. Одно из условий аналогии закона — это сходство неурегулированных отношений с отношениями, которые регулируются законом [5, с. 45–46]. Отношения по владению

³ Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.08.2016 по Делу № А49-2517/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/8MUfBZL7BI5c/> (дата обращения: 25.06.2023); Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.09.2018 по Делу № А40-106136/15. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PCQn1owt1zUj/> (дата обращения: 25.06.2023).

вещами и по реализации права собственности на них и отношения по обладанию акциями, долями участия нельзя признать тождественными.

Вещь — это телесный объект окружающей действительности, это предмет материального мира. Акция и доля участия — бестелесны, нематериальны, так как представляют собой субъективное гражданское право.

Вещь может существовать без обладателя, без собственника. «Выступая в гражданском обороте как объект права, имущество вместе с тем имеет субъекта, которому оно принадлежит. Возможны, однако, случаи, когда имущество в силу тех или иных юридических фактов оказывается бесхозяйным (бессубъектным). Согласно ст. 225 ГК бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо вещь, от права собственности на которую собственник отказался» [5, с. 307].

Акция и доля участия в ООО представляют собой субъективное имущественное право. Любое субъективное право существует до тех пор, пока существует его обладатель. Очевидно, что субъективное право не может быть бессубъектным, природе субъективного права противоречит статус бесхозяйного имущества.

С учетом правовой природы вещей право собственности на них может возникнуть в результате оккупации, завладения.

«Оккупация есть одностороннее завладение вещью. Она влечет за собою приобретение права собственности на вещь, если вещь никому не принадлежала и не входит в число вещей, изъятых из гражданского оборота; *res nullius primo occupanti cedit*» [1, с. 246].

«Завладение известно законодательству некоторых стран, где признается, что, если вещь никому не принадлежит, собственником вещи становится тот, кто ею первый завладеет (*res nullius cedit primo occupanti*)» [6, с. 397–398].

Завладеть субъективным правом невозможно, оккупация субъективного права противоречит природе последнего. Применение норм о приобретении владельцем права собственности на бесхозяйную вещь в порядке аналогии закона при определении судьбы «осиротевших» акций либо долей участия недопустимо ввиду отсутствия тождества обозначенных отношений.

Еще один вариант устранения рассматриваемого пробела предложила судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ⁵. Верховный Суд РФ указал, что, в случае утраты интереса в дальнейшем участии в обществе, акционер в соответствии со статьями 72, 73, 75, 76 Закона № 208-ФЗ⁶ в установленных данными нормами случаях наделяется правом требовать у акционерного общества выкупа его акций. Исключение акционера из ЕГРЮЛ *приводит к тем же последствиям, что и выход участника*

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации № 304-ЭС22-10636 от 15.12.2022 по Делу № А27-24426/2020. URL: kad.arbitr.ru

⁶ Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

из общества применительно к корпоративным правам и обязанностям. Ликвидация юридического лица – акционера, в ходе которой не происходит правопреемства в отношении принадлежащих ему акций, свидетельствует по существу о фактически состоявшемся добровольном выходе акционера из корпорации. Поэтому по аналогии закона акции ликвидированного акционера могут перейти к эмитенту на основании положений статей 72, 73, 75, 76 Закона об акционерных обществах, определяющих порядок приобретения и выкупа обществом размещенных акций, а именно положений об органе, который вправе принять решение о таком выкупе (пункт 2 статьи 72), об ограничениях, препятствующих такому выкупу (статья 73), о порядке и размере выплаты стоимости акций (пункт 3 статьи 75, пункт 41 статьи 76), а также порядке дальнейшей реализации таких акций (пункт 6 статьи 76).

Мы не можем согласиться и с данным способом определения судьбы «осиротевших» акций, долей участия.

Во-первых, потому, что акционерное законодательство не знает института «выхода из состава акционерного общества».

Во-вторых, в основе выхода из состава юридического лица, если он допустим законодательством о соответствующем виде корпорации, лежит волеизъявление участника. В то время как «осиротевшие» доли участия или акции появляются в связи с тем, что их обладатели бездействуют, они не проявляют свою волю на реализацию корпоративных прав и обязанностей, что парализует корпоративное правоотношение.

Как мы указали выше, номинально у «осиротевшей» акции или доли участия всегда есть обладатель. Однако он утратил интерес к реализации тех корпоративных прав и обязанностей, которые возникают в связи с обладанием долей или акцией и в первую очередь утратил интерес к реализации права членства. Поэтому об изъявлении воли члена корпорации на выход из состава последней не приходится говорить.

В-третьих, ст. 72, 73 и 75, 76 Закона об АО предусматривают, соответственно, порядок приобретения и порядок выкупа своих акций обществом. В основе приобретения обществом своих акций лежит обязанность акционеров их продать. В основе выкупа обществом своих акций лежит право акционеров требовать их выкупа. И в первом и во втором случаях отчуждение акционером акций обществу осуществляется по воле участника. В рассматриваемом же случае волю акционера установить не представляется возможным [4, с. 12–13].

Мы полагаем, что до соответствующего законодательного решения восполнение пробела возможно за счет применения к анализируемым отношениям в порядке аналогии закона норм абз. 4 и 5 п. 1 ст. 34 Закона об АО и п. 3 ст. 16 Закона об ООО.

Перечисленные нормы предусматривают переход к обществу не оплаченных учредителями при учреждении юридического лица распределенных между ними акций или долей участия.

В чем на наш взгляд проявляется сходство урегулированных отношений и отношений нуждающихся в упорядочении?

В основе учреждения юридического лица лежит акт волеизъявления учредителей — решение о создании общества. В рамках последнего каждый из учредителей принимает на себя обязанность в течение срока, установленного законом, если более короткий срок не будет предусмотрен уставом, оплатить распределенное между ними количество акций или соответствующую долю участия.

Неоплата акций либо долей участия влечет переход последних к обществу. Общество обязано в течение года с момента такого перехода распорядиться ими либо уменьшить уставный капитал.

Указанная неоплата объясняется утратой интереса к учреждаемому обществу, отсутствием намерения в дальнейшем опосредованном осуществлении предпринимательской деятельности, нежеланием осуществления права членства в корпорации. Неоплаченная доля или акция утрачивает своего обладателя, становится «осиротевшей». Законодатель в абз. 4 и 5 п. 1 ст. 34 Закона об АО и п. 3 ст. 16 Закона об ООО определил дальнейшую их судьбу указанием на переход к обществу.

Возникновение корпоративного правоотношения, возникновение у лица права членства связано с приобретением акции или доли участия [7, с. 75–76] [8, с. 62–65]. Корпоративное правоотношение, как любое относительное правоотношение, — это двусторонняя правовая связь, оно мыслимо между членом корпорации (обладателем акции или доли участия) и самой корпорацией. Переход акции или доли участия в обладание корпорации неизбежно приводит к прекращению корпоративного правоотношения, к прекращению права членства. С. Ю. Филиппова отмечает, что «на практике сложился подход, согласно которому имущество может быть передано в оплату уставного капитала только добровольно... Следуя указанному подходу, суды считают, что неоплата уставного капитала в качестве последствия приводит не к возникновению права требовать принудительного ее исполнения, а к прекращению правоотношения путем перехода неоплаченной доли к обществу (п. 3 ст. 16 Закона об ООО)» [9, с. 276–286].

Таким образом, появление «осиротевших» акций или долей участия на основании абз. 4 и 5 п. 1 ст. 34 Закона об АО и п. 3 ст. 16 Закона об ООО, применяемых в порядке аналогии закона, должно влечь их переход в обладание общества и, как следствие такого перехода, прекращение права членства в корпорации.

В основе возникновения корпоративного правоотношения лежит возмездное приобретение акций или долей участия. Оплачивая акцию или долю участия при создании корпорации, учредитель приобретает право членства, носящее имущественный характер, имеющее имущественную ценность, имеющее стоимостной эквивалент в виде номинальной стоимости акций или номинальной стоимости доли, которые в то же время имеют рыночную

стоимость. Прекращение права членства не может влечь лишение бывшего члена корпорации его имущества, право на которое гарантировано Конституцией РФ⁷.

Поэтому за бывшим членом корпорации, утратившим интерес в реализации права членства и основанных на нем корпоративных прав, либо его правопреемниками должно сохраняться право на получение рыночной стоимости акции либо действительной стоимости доли участия в ООО, перешедших к корпорации.

Ссылки

1. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2003. 495 с.

2. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 1997. Ч. 1. 290 с.

3. Роднова О. М. Переход корпоративных прав участника ООО в порядке наследования // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. тр. / под ред. доц. В. В. Бутнева. Ярославль, 2017. №7. С. 58–67.

4. Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. К вопросу о судьбе акций, принадлежащих акционеру, утратившему правоспособность // Вестник экономического правосудия. 2023. № 2. С. 4–19.

5. Гражданское право: учебник / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996. Ч. I. 552 с.

6. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 2: Советское гражданское право. СПб., 2004. 511 с.

7. Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Право членства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 12. С. 71–77.

8. Роднова О. М. Отдельные основания возникновения и прекращения корпоративных прав участников хозяйственных обществ // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Бутнева. Ярославль, 2014. № 4. С. 60–71.

9. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» / под ред. И. С. Шиткиной; автор комментария к статье 16 С. Ю. Филиппова. М., 2021. Т. 1. 622 с.

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское». Конституционный Суд РФ отметил: «Граждане и юридические лица, приобретая акции и осуществляя акт распоряжения своим имуществом, приобретают и определенные имущественные права требования к акционерному обществу — на участие в распределении прибыли, на получение части имущества в случае ликвидации общества и т. д. Имущественные права требования также являются «имуществом», а следовательно, обеспечиваются конституционно-правовыми гарантиями, включая охрану законом прав акционеров, в том числе миноритарных (мелких) акционеров как слабой стороны в системе корпоративных отношений, и судебную защиту нарушенных прав (статья 35, части 1 и 3, Конституции Российской Федерации)»

Common property of spouses: features of definition in notarial and judicial practice

M. P. Korotkevich¹

¹Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Republic of Belarus

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-402-413

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of determining the composition of the property of spouses in notarial and judicial practice. The article analyzes the main provisions of the codified acts of the Republic of Belarus, regulatory legal acts regulating notarial activity, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus containing the rules for determining the property entering the common joint property of spouses. There are some differences in approaches to the content of the constructions «common property of spouses» and «joint property of spouses» – both at the regulatory level and in the legal positions of the courts. The features of determining the status of individual objects of property acquired in marriage and the practical implementation of these features are considered.

Keywords: spouses; former spouses; common joint property of spouses; composition of the common property of spouses; common debts of spouses; notarial practice; judicial practice

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Korotkevich, Maria P. | E-mail: MKorotkevich@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Общее имущество супругов: особенности определения в нотариальной и судебной практике

М. П. Короткевич¹

¹Белорусский государственный университет, проспект Независимости, 4, Минск, 220030, Республика Беларусь

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-402-413
УДК 347.62; 347.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу особенностей определения состава имущества супругов в нотариальной и судебной практике. Проанализированы основные положения кодифицированных актов Республики Беларусь, нормативных правовых актов, регулирующих нотариальную деятельность, постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, содержащие правила определения имущества, поступающего в общую совместную собственность супругов. Отмечены некоторые различия в подходах к содержанию конструкций «общее имущество супругов» и «совместная собственность супругов» как на нормативно-правовом уровне, так и в правовых позициях судов. Рассмотрены особенности определения статуса отдельных объектов имущества, нажитого в браке, и практической реализации данных особенностей.

Ключевые слова: супруги; бывшие супруги; общая совместная собственность супругов; состав общего имущества супругов; общие долги супругов; нотариальная практика; судебная практика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Короткевич, Мария Павловна	E-mail: MKorotkevich@mail.ru Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
----------------------------	---

Как известно, семейные правоотношения характеризуются личным характером связи их участников, специальным субъектным составом, приоритетностью личной компоненты перед имущественной, отсутствием, по общему правилу, компенсационного начала, длительностью своего существования (кроме некоторых исключений), проникновением в их содержание, в той или иной форме, нравственных конструктов. Означенное в полной мере относится и к правоотношениям супружества, в том числе © ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ле режиму построения отношения собственности в браке. Имущественная сфера отношений супругов вызывает большое количество дискуссионных вопросов, практических проблем, которые анализируются в научной литературе [1–6]. Среди имеющих место проблем на сегодняшний день сохраняют актуальность и проблемы определения принадлежности имущества, поступившего супругам в период нахождения в брачном союзе, в том числе с учетом дискуссионности соотношения понятий «общее имущество супругов» и «имущество, находящееся в общей совместной собственности супругов» [7, с. 281; 8].

В связи с тем, что гражданам, в том числе и супругам, могут принадлежать не только вещные права, но и права, которые не относятся к категории вещных [9, с. 699], а объекты гражданских прав, права на которые приобретают супруги в период брака, весьма разнообразны и правовая природа некоторых из них вызывает дискуссии [2] при определении общего имущества супругов, возникают проблемы как в судебной, так и в нотариальной практике.

С учетом указанного целью настоящего исследования выступает анализ особенностей определения общего имущества супругов в нотариальной и судебной практике.

Проблематика поставленной цели предопределена регулированием исследуемой сферы отношений рядом нормативных правовых актов, имеющих разную направленность регулирования. Так, Гражданский кодекс Республики Беларусь¹ (далее – ГК), включая общую совместную собственность супругов в сферу регулирования, определяет право совместной собственности как вид права общей собственности. Согласно п. 3 ст. 246 ГК общая собственность на имущество является долевой, за исключением случаев, когда законодательными актами допускается образование совместной собственности на это имущество. В ГК также имеется норма об общей собственности супругов (ст. 259).

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье² (далее – КоБС) регулирование имущественных прав и обязанностей супругов в отношении имущества, нажитого в период брака, общую совместную собственность рассматривает как базу для формирования общего имущества супругов, в состав которого в первую очередь включается имущество, поступающее в общую совместную собственность супругов, а также права требования и общие долги супругов.

По нашему мнению, правоприменители при решении вопроса о составе имущества должны учитывать особенности подхода КоБС к общности имущества супругов. Следует разграничивать «имущество, являющее-

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 № 218-З // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 7–9, ст. 101 (с изм. и доп.).

² Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 № 278-З // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 23, ст. 419 (с изм. и доп.).

ся совместной собственностью супругов» и «общее имущество супругов». Под общим имуществом супругов в семейных отношениях следует понимать не только имущество, которое принадлежит супругам на праве собственности (совместно нажитое имущество), но и иное имущество, включая имущественные права (в частности, носящие обязательственный характер как право на долю в уставном фонде хозяйственного общества), в том числе общие долги супругов [9, с. 71]. При этом широкое понимание имущества, принадлежащего супругам, свидетельствует о необходимости переосмысления также и общетеоретических представлений о некоторых элементах структуры семейных правоотношений, в частности объектов семейных правоотношений, и их видах [2, с. 281].

КоБС закрепляет ряд специальных правил, касающихся общей совместной собственности супругов. В частности, в ч. 1 ст. 24 КоБС содержатся правила определения долей супругов в праве собственности, допуская отступление от их равенства; ч. 3 ст. 24 КоБС предусматривает возможность заключения супругами (бывшими супругами) соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов; ч. 5 ст. 24 КоБС предусматривает необходимость учета судом при разделе имущества, нажитого супругами во время брака, общих долгов супругов и прав требований. Последняя из указанных норм КоБС закрепляет особенность раздела имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов. Эта норма – уникальность семейно-правового регулирования. ГК таких правил не содержит.

В КоБС также определены особенности раздела вещей, имеющих целевое назначение, – вещей профессиональных занятий супругов (ст. 25 КоБС).

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь³ (далее – ГПК) не устанавливает каких-либо специальных норм для рассмотрения и разрешения дел рассматриваемой категории судами первой инстанции и вышестоящими судами. Особенности рассмотрения судами дел о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, закреплены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.12.2022 № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»⁴ (далее – постановление Пленума № 7), а также в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.03.2003 № 2 (в редакции постановления от 31.03.2022) «О применении судами законодательства при разрешении

³ Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 № 238-З // Ведымаці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 10–12, ст. 102 (с изм. и доп.).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.12.2022 № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». URL: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civil/matrimony/518b783ed2e04e33.html (дата обращения: 25.06.2023).

споров, связанных с правом собственности на жилые помещения»⁵ (далее – постановление Пленума № 2).

Осуществление нотариальной деятельности регулируется Законом Республики Беларусь от 18.07.2004 «О нотариате и нотариальной деятельности»⁶ (далее – Закон о нотариате и нотариальной деятельности), Инструкцией о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23.10.2006 № 63⁷ (далее – Инструкция № 63), иными нормативными правовыми актами. Как отмечает Т. А. Белова, нотариат разрешает дела бесспорной юрисдикции с соблюдением предусмотренных законом и иными актами законодательства правил [10, с. 6].

В нотариальной практике необходимость определения состава общего имущества супругов чаще всего возникает в следующих случаях.

Во-первых, при обращении супругов за нотариальным удостоверением поименованных в КоБС семейно-правовых соглашений, условия которых касаются имущества, нажитого супругами в период брака, в частности таких, как брачный договор, соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, соглашение о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (далее – соглашение об уплате алиментов).

В частности, нотариус должен определить, какое имущество относится к имуществу супругов в тех случаях, когда стороны желают включить в брачный договор условия относительно изменения установленного законодательными актами режима общей совместной собственности супругов (которое имеется в наличии на момент удостоверения брачного договора), когда супруги или бывшие супруги для раздела имущества, нажитого в период брака, решают заключить соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, а также в тех случаях, когда для заключения соглашения об уплате алиментов также необходимо определить природу имущества, если плательщик алиментов (один из супругов, бывших супругов) желает уплатить алименты путем передачи в собственность ребенка этого имущества.

Во-вторых, необходимость определения состава общего имущества супругов возникает в случае обращения супругов (бывших супругов) к но-

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.03.2003 № 2 (ред. от 31.03.2022) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения». URL: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civil/housing/2ab104f607734769.html (дата обращения: 25.06.2023).

⁶ Закон Республики Беларусь от 18.07.2004 «О нотариате и нотариальной деятельности» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2004. № 120, 2/1055 (с изм. и доп.).

⁷ Инструкцией о порядке совершения нотариальных действий, утвержденная постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23.10.2006 № 63. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W20615268> (дата обращения: 25.06.2023).

тариусу с письменным заявлением для получения свидетельства о праве на доли в имуществе, нажитом супругами в период брака (ст. 88 Закона о нотариате и нотариальной деятельности), возможность получения которого предусмотрена в главе 14 Закона о нотариате и нотариальной деятельности, главе 14 Инструкции № 63. О таком свидетельстве нет указаний ни в ГК, ни в КоБС.

Аналогичное свидетельство выдается нотариусом по письменному заявлению пережившего супруга (бывшего супруга) и (или) одного либо нескольких наследников, принявших наследство, в случае смерти одного из супругов, а также наследников супругов, в случае смерти обоих супругов. Таким образом, проблема определения состава имущества супругов в нотариальной практике возникает и в случае смерти одного или обоих супругов, в том числе в целях определения имущества, подлежащего включению в наследственную массу.

В Инструкции № 63 содержатся и иные указания. Определение принадлежности имущества супругам на праве общей совместной собственности должно определяться в случае удостоверения договоров об отчуждении и о залоге такого имущества (п. 18, 19 Инструкции № 63), а также в случае необходимости удостоверения договора об отчуждении транспортного средства (п. 50 Инструкции № 63).

Обратим внимание на задачи, которые решает нотариус в своей деятельности. В соответствии со ст. 4 Закона о нотариате и нотариальной деятельности наиболее важным выступает обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, государственных интересов путем совершения нотариальных действий. Кроме того, задачами нотариальной деятельности выступают: нотариальное удостоверение сделок, бесспорных прав и фактов в целях придания им юридической достоверности и обеспечения стабильности гражданского оборота; оказание юридической помощи в порядке, установленном законодательством; формирование уважительного отношения к закону. Нотариус обеспечивает соблюдение законодательства при совершении любых нотариальных действий и отказывает в их совершении, если это противоречит требованиям (п.1 ст. 71 Закона). В настоящее время (особенно после внедрения в пространство семейного права различных договорных конструкций) чрезвычайно актуальной стала именно возможность заявителей получить исчерпывающее разъяснение о последствиях совершаемых ими действий. Это позволяет уменьшить число споров в будущем.

Важным отличием правовых возможностей, предоставляемых супругам законодателем при обращении к нотариусу, по сравнению со случаями защиты нарушенных прав в судебном порядке можно назвать допустимость совершения нотариальных действий при отсутствии договоренности супругов (а также спора) о разделе общих долгов супругов, например

по кредитному договору, заключенному в целях приобретения общего имущества.

Так, в случае раздела имущества в судебном порядке спорящие стороны с большей степенью вероятности заявляют требование о разделе, кроме спорного имущества, также и общих долгов. Данная возможность зафиксирована в ч. 5 ст. 24 КоБС, п. 20 постановления Пленума № 7 – при разделе имущества судом учитываются общие долги супругов. Такой спор затрагивает права третьих лиц, права кредитора должны быть соблюдены судом (п. 18 постановления Пленума № 7). Исходя из п. 12 постановления Пленума № 2, с согласия кредитора по кредиту должно осуществляться разделение обязанностей между супругами с возложением обязанностей по дальнейшему погашению кредита на каждого из них, если спорное жилое помещение приобреталось за счет средств, полученных супругами в кредит в период совместного проживания и ведения общего хозяйства.

При удостоверении нотариусом семейно-правовых соглашений супруги (бывшие супруги) могут не ставить вопрос о разделе общих долгов (а при обращении за получением свидетельства о праве собственности на доли в имуществе, нажитом в период брака, и не могут, исходя из положений главы 14 Инструкции № 63). Исходя из того, что супруги – субъекты права общей совместной собственности, которые на равных выступают субъектами права собственности на имущество, выдача свидетельства не меняет субъектный состав, но меняет вид общей собственности – на долевую в праве собственности на соответствующее имущество. Поэтому выдача такого свидетельства в нотариальной практике рассматривается как реализация прав субъектов общей совместной собственности. Полагаем, что при удостоверении соответствующего соглашения о разделе имущества супругов, нажитого ими в период брака, если сторонами не заявлено условие о разделе долгов супругов, нотариусы могут руководствоваться таким же подходом.

Следует также констатировать, что распределение имущества супругами по согласию между собой без получения подтверждающих документов у нотариуса (в устном порядке) может повлечь негативные последствия. Согласно положениям ГК, прекращение права совместной собственности имеет место в случае раздела имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов (ст. 257 ГК), или в случае смерти одного или обоих супругов. Согласно п. 3 ст. 257 ГК основания и порядок раздела общего имущества и выдела из него доли определяются по правилам ст. 255 ГК («Раздел имущества, находящегося в долевой собственности, и выдел из него доли»), поскольку иное для отдельных видов совместной собственности не установлено законодательством и не вытекает из существа отношений участников совместной собственности. Полагаем, порядок и основания раздела общего имущества супругов, предусмотренные КоБС, Инструкцией № 63, постановлением Пленума № 7, как раз свидетельствуют о необходи-

мости соблюдения либо судебного порядка раздела имущества, либо обращения к нотариусу для оформления прав по соглашению.

Указанное повышает значимость деятельности нотариусов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов граждан путем совершения нотариальных действий, удостоверяющих сделки и бесспорные права в целях придания им юридической достоверности и обеспечения стабильности гражданского оборота. Кроме того, с учетом специфики правоотношений супружества и семейных правоотношений в целом (например, в браке с общими детьми), преследуется и другая не менее важная (а возможно, и более) цель – охрана и защита интересов слабой стороны в брачном союзе и интересов детей.

Имущество супругов

КоБС к общей совместной собственности относит имущество, нажитое супругами в период брака, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из супругов внесены денежные средства (ч. 1 ст. 23). В п. 1. ст. 259 ГК указание: имущество, нажитое супругами во время брака, находится в их совместной собственности. Ни КоБС, ни ГК не содержат примерного перечня имущества, которое составляет общую совместную собственность супругов.

Действующее постановление Пленума № 7 также не содержит уточнений относительно перечня такого имущества (п. 19).

К такому имуществу супругов следует относить имущество, которое может принадлежать на праве совместной собственности.

При этом и в КоБС, и в ГК закреплен перечень случаев, когда имущество поступает в раздельную собственность супругов (собственность каждого из супругов), тем самым закрепляя исключения из правила части первой ст. 23 КоБС и п. 1 ст. 259 ГК. Следует согласиться, что допустимость формирования раздельного имущества супругов можно обусловить наличием у супруга личных потребностей [11] и иными фактически и юридически значимыми причинами.

Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 26 КоБС, ч. 1 и ч. 2 п. 2 ст. 259 ГК собственностью каждого из супругов является: имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак; имущество, полученное супругами в период брака в дар; имущество, полученное супругами в период брака в порядке наследования; вещи индивидуального пользования каждого из супругов (за исключением драгоценностей и других предметов роскоши).

В ч. 3 ст. 41 КоБС также содержится уточнение, что, если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства (что подлежит специальному доказыванию) супруги совместно имущество не приобретали, суд производит раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью до прекращения ведения общего хозяйства.

Учитывая, что перечень случаев, когда имущество поступает в раздельную собственность супругов, излагается в иных нормах данных законодательных актов (п. 1 и п. 2 ст. 259 ГК, ч. 1 ст. 23 и ч. 3 ст. 41 КоБС), такое уточнение должно быть отражено уже в ч. 1 ст. 23 КоБС, которую следует изложить в новой редакции [1, с. 168], а также в п. 1 ст. 259 ГК.

Кроме того, указанные в кодифицированных актах правила отнесения имущества к раздельному дополняются положениями постановления Пленума № 7. Так, часть четвертая п. 19 постановления Пленума № 7 к раздельному имуществу супругов также относит имущество, приобретенное одним из супругов исключительно за счет его личного имущества, в том числе в результате мены, или на денежные средства, полученные от реализации его личного имущества, а также имущество, приобретенное каждым из супругов после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства, в том числе когда их брак не был расторгнут в установленном законом порядке. Семейный кодекс Российской Федерации⁸, в отличие от КоБС, прямо предоставляет суду право (по своему усмотрению) «признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них» (п. 4 ст. 38) [1]. Практика показывает, что это кажущееся простым правило весьма непросто применяется в конкретных конфликтных ситуациях, так как между супругами нередко возникают разногласия именно о факте фактического прекращения (без расторжения брака) их семейных отношений.

Следует обратить внимание, что постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»⁹ также дополняет основания поступления имущества в категорию раздельного имущества супругов, которые определены в Семейном кодексе РФ. Согласно абз. 4 п. 15 постановления Пленума не является общим совместным имуществом, приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак (также полученное в дар или в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши).

При этом в российской судебной практике приобретение имущества на личные средства одного из супругов трактуется еще шире, чем закреплено в постановлении, «приобретение имущества в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, также исключает такое

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // Российская газета. 1996. 27 января (с изм. и доп.).

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

имущество из режима общей совместной собственности»¹⁰ (т. е. без привязки к основанию, дате поступления личных средств в распоряжение супруга). Кроме того, приобретение имущества частично за счет средств, полученных одним из супругов по безвозмездной сделке, но на имя второго супруга, не меняет природы личного имущества супруга, доли сторон в праве собственности на квартиру определяются пропорционально вложенным личным денежным средствам одного из супругов и совместным средствам сторон¹¹.

Имущество, «нажитое» супругами в период брака

Как показывает практика судов не только Республики Беларусь, но и Российской Федерации в судебном порядке, в отличие от нотариальной практики, возможно удовлетворение требований о разделе имущества, нажитого в период брака, регистрация права собственности на которое осуществлена после его расторжения¹². Такие примеры показывают значимость в судебной практике критерия при характеристике имущества супругов как «нажитое в период брака», вне зависимости от момента государственной регистрации создания объекта недвижимости (ст. 220 ГК). Одной из причин подобной констатации можно назвать реализацию судами правоприменительного усмотрения в форме толкования, конкретизации правовых норм, а также, в обоснованных пределах, и судебного нормотворчества [12].

В случае обращения бывших супругов к нотариусу аналогичный подход невозможен. Нотариус проверяет принадлежность имущества супругов, при этом может затребовать и документы, закрепляющие **время и способ приобретения** имущества, в отношении недвижимого имущества нотариус истребует документы, подтверждающие возникновение права собственности, проверяет факт государственной регистрации недвижимого имущества, прав, ограничений (обременений) прав на него по информации из регистра недвижимости (п. 60-² Инструкции № 63).

Таким образом, только в судебном порядке учитываются в наибольшей степени интересы того из бывших супругов, на чье имя не оформлялся объект недвижимости в период состояния в браке.

Также только в судебном порядке возможно признание раздельного имущества супругов их общей совместной собственностью. Следует обра-

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.10.2016 № 45-КГ16-16 (О разделе совместно нажитого имущества) // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.10.2016 № 45-КГ16-16 (О разделе совместно нажитого имущества) // СПС КонсультантПлюс.

¹² Определение судебной коллегии по гражданским делам Минского городского суда от 17.02.2022 (дело № 95ГИП216300/А) (Об отмене решения суда) // СПС КонсультантПлюс; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 декабря 2012 г. № 41-КГ12-21 // СПС КонсультантПлюс.

титель внимание, что, согласно ч. 3 ст. 26 КоБС, в дополнение к норме ч. 3 п. 2 ст. 259 ГК признание имущества каждого из супругов их общей совместной собственностью может быть осуществлено только судом. Как закреплено в КоБС, имущество каждого из супругов может быть признано судом их общей совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака за счет общего имущества супругов или личного имущества другого супруга были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, реконструкция и т. п.) (иное может быть предусмотрено брачным договором) (ч. 3 ст. 26 КоБС). В постановлении Пленума № 2 содержится важное уточнение о том, что доли супругов признаются равными в праве собственности на все жилое помещение, а не только в части произведенных в нем улучшений (п. 11).

В аналогичном порядке, согласно п. 3-1 ст. 259 ГК, супруг участника хозяйственного товарищества, общества с ограниченной ответственностью, общества с дополнительной ответственностью либо члена производственного кооператива вправе требовать признания за ним права на причитающуюся ему часть доли (пая) его супруга в уставном фонде соответствующего товарищества или общества. Иного порядка удостоверения такого права в законодательстве пока не предусмотрено.

Однако, учитывая обязательственную (а не вещную) природу прав участников (членов) к указанным юридическим лицам (ч. 2 п. 2 ст. 44 ГК), данное правило не следовало размещать в ст. 259 ГК, имеющей наименование «Общая собственность супругов», так как данные права супругов не могут выступать объектом права собственности. При этом следует признать, что наличие такого правила в ГК решает проблемы, возникающие при разделе имущества супругов, если один из них выступил учредителем, являясь участником (членом) указанных коммерческих юридических лиц.

Таким образом, как в судебной, так и в нотариальной практике при определении имущества супругов из состава общей собственности исключительно подлежит разделению имущество супругов, в отношении остального имущества правоприменители анализируют критерий «нажитости имущества» в период состояния в брачном союзе. На основании проведенного анализа нормативных правовых актов, судебной практики можно сделать вывод, что в судебной практике критерий «нажитости» в отношении имущества супругов трактуется шире, чем в нотариальной практике.

Также в судебной практике существуют особенности определения состава общего имущества супругов по сравнению с нотариальной практикой ввиду предоставления законодателем различных правовых возможностей этим правоприменителям.

С учетом всего изложенного отметим, что подходы в нотариальной и судебной практике при определении факта нахождения имущества в общей совместной собственности супругов имеют некоторые отличия ввиду объективного законодательного регулирования нотариальной деятельности

и порядка разрешения судами споров о разделе имущества супругов. Только в судебном порядке имущество одного из супругов может быть признано общей совместной собственностью и только при соблюдении определенных условий.

Полагаем, в целях обеспечения баланса интересов супругов, которым поступает имущество, относимое законодателем к разделному, интересов семьи, нуждающейся в материальной основе своего функционирования, затронутые в настоящем исследовании вопросы требуют внимания законодателя, науки и практики.

Ссылки

1. Короткевич М. П. Возникновение права совместной собственности супругов // Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект : материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к юбилею до-ра юрид. наук, проф. Ю. Ф. Беспалова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 162–169.
2. Короткевич М. П. Ценные бумаги в составе общего имущества супругов (подп. 4.9) // Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации: монография / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2019. 448 с.
3. Матвеев А. Г. Режим совместного имущества супругов и исключительное право на товарный знак: ошибки судебной практики // Российский судья. 2023. № 2. С. 18–22.
4. Ильина О. Ю. Оценочные категории в Семейном кодексе Российской Федерации // Социально-юридическая тетрадь. 2022. № 12. С. 54–61.
5. Низамиева О. Н. Презумпция общности имущества супругов и их ответственность по обязательствам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 90–95.
6. Рузанова В. Д. Практические проблемы, возникающие при разделе общего имущества супругов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2. С. 39–49.
7. Короткевич М.П. К вопросу о соотношении понятий «общее имущество супругов» и «имущество, находящееся в совместной собственности супругов» // Право.ру. 2012. № 4. С. 69–73.
8. Короткевич М. П. Страховые выплаты в составе общего имущества супругов // Социально-юридическая тетрадь. 2021. № 11. С. 57–69.
9. Гражданское право: в 3 т.: учебник / А. В. Каравай [и др.]; под ред. В. Ф. Чигира. Минск: Амалфея, 2008. Т. 1. 864 с.
10. Белова Т. А. Нотариальное право: курс лекций для студентов юрид. фак. спец. 1-24 01 02 «Правоведение». Минск: БГУ, 2013. 66 с.
11. Мохов А. Ю. Правовой режим имущества каждого из супругов: дискуссионные вопросы теории // Семейное и жилищное право. 2023. № 1. С. 8–10.
12. Тарусина Н. Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 254–273.

Public Interest as a Criterion for Making Decisions on Compulsory Sale or Alienation of Residential Property (As Illustrated by the Legislation of the Republic of Belarus)

T. M. Khaletskaya¹

¹Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 17 Moskovskaya str., Minsk 220007, Republic of Belarus

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-414-425

Research article
Full text in Russian

The author analyzes the correlation of private interest of the residential property owner and public interest when making a decision on compulsory alienation of the residential property or a decision on compulsory sale of the residential property. Having considered and analyzed the legislation of the Republic of Belarus, legislative and regulatory compliance practices, and scientific findings on this issue, the author concludes that the concept of “public interest” is vague and it is necessary to reconsider the concept of “social property relations” to protect the interests of the residential property owner and prevent the violation of the property inviolability principle and the right to housing.

Keywords: property; property right; residential property; property inviolability principle; public interest; private interest; compulsory alienation of the residential property

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Khaletskaya, Tatyana M. | E-mail: Tania80@rambler.ru
Cand. Sci. (Jurisprudens), Associate Professor

Общественные интересы как критерий принятия решений о понуждении к продаже или принудительном отчуждении жилого помещения (на примере законодательства Республики Беларусь)

Т. М. Халецкая¹

¹Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, Минск, 220007, Республика Беларусь

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-414-425
УДК 347.2/3

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье предпринята попытка проанализировать соотношение частных интересов собственника жилого помещения и общественных интересов при принятии решения о понуждении собственника к отчуждению жилого помещения или решения о принудительной продаже жилого помещения. На основе анализа белорусского законодательства, правоприменительной практики, научных воззрений на обозначенную проблему сделан вывод о неопределенности содержания понятия «общественные интересы», а также о необходимости переосмысления концепции «социального характера» отношений собственности в целях защиты интересов собственника жилого помещения, недопущения нарушений принципа неприкосновенности собственности и права на жилище.

Ключевые слова: собственность; право собственности; жилое помещение; принцип неприкосновенности собственности; общественные интересы; частные интересы; принудительное отчуждение жилого помещения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Халецкая, Татьяна Михайловна

E-mail: Tania80@rambler.ru

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и хозяйственного права

Жилье – одна из первостепенных потребностей человека. От степени удовлетворенности потребности в жилье во многом зависит социальное и экономическое поведение людей, психологическое состояние и здоровье человека, его социальная безопасность и производственная деятельность, духовное и материальное благосостояние и развитие [1, с. 158]. В статье 21

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Конституции Республики Беларусь¹ закреплено право каждого на достойный уровень жизни, «включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий». Конституционный Суд Республики Беларусь, оценивая в своем решении от 29 июня 2012 г. № Р-728/2012² соответствие Жилищного кодекса Республики Беларусь³ Конституции Республики Беларусь (далее – ЖК Республики Беларусь) декларировал: признание права каждого на жилище имеет большое значение для обеспечения достойного уровня жизни граждан; человеческое достоинство и качество жизни каждого во многом зависят от пригодного и безопасного места проживания.

Одним из способов удовлетворения потребности в жилище является приобретение жилого помещения в собственность. Полагаем, что принадлежность человеку жилого помещения именно на праве собственности вносит стабильность в его жизнь, обеспечивает возможность создания семьи, воспитания детей, приобретения и накопления имущества. Хотя в научной литературе можно встретить мнение, что частная собственность не является свойством человеческой природы, да и в целом мешает человечеству поступательно двигаться к «более совершенному человеческому устройству» [2, с. 66], в реальной жизни вряд ли найдется много приверженцев кочевого образа жизни, не тяготящихся постоянными поисками жилья и бесконечными переездами.

Собственник жилых помещений наделен правами владения, пользования и распоряжения принадлежащими ему жилыми помещениями (ст. 136 ЖК Республики Беларусь). Детализируя содержание указанных прав, С. Н. Исмаилов отмечает, что содержание права собственности на жилые помещения включает в себя: а) правомочия на собственные действия, предполагающие возможность собственника действовать в отношении такого помещения самостоятельно и независимо; б) право на устранение попыток неправомерного воздействия на имущество со стороны третьих лиц; в) несение бремени собственности (содержание, ремонт, охрана, ответственность и т. д.) [3, с. 172].

К специфическим признакам, присущим правомочиям собственника (в том числе и собственника жилого помещения), зачастую относят возможность собственника осуществлять свои правомочия по своему усмотрению. Собственник, по мнению З. К. Кондратенко, «не связан волей дру-

¹ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах от 24.11.1996 г., 17.10.2004 г. и 27.02.2022 г.) // ИПС «Эталон».

² О соответствии Конституции Республики Беларусь Жилищного кодекса Республики Беларусь Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2012 г. № Р-728/2012 // ИПС «Эталон».

³ Жилищный кодекс Республики Беларусь от 28 августа 2012 г. № 428-З (ред. от 30.12.2022 г.) // ИПС «Эталон».

гих лиц в выборе и совершении действий в отношении своего имущества, чем выгодно отличается от субъектов иных вещных прав на данное имущество» [4, с. 78]. Право собственности, по мнению Е. В. Васьяковского, «самое важное и самое обширное среди вещных прав» [5, с. 275]. Именно право собственности предоставляет своему обладателю «наибольшую меру власти, какая только может существовать в общежитии над телесными вещами» [5, с. 275]. К. И. Скловский считает, что собственность обнаруживается в свойствах личности, именно в собственности выражены качества личности, в связи с этим – собственность является наиболее полным и неограниченным правом, «формой бытия свободы человека» [6]. Правом всеобъемлющего, высшего, наиболее полного и исключительного господства над вещью считал право собственности А. В. Венедиктов [7, с. 299]. Полнейшим, в сравнении с другими правами, господством лица над вещью признавал право собственности Д. И. Мейер [8, с. 327]. У собственника всегда есть стремление к абсолютизации своих прав на вещь, пишет Г. Г. Харченко [9]. Да, стремление к абсолютизации своих прав на вещь у собственника, очевидно, есть, однако реализация этого стремления неизбежно упирается в стену, на которой большими буквами выведено «общественные интересы»⁴.

Собственник при реализации своих полномочий должен был учитывать интересы других членов общества еще со времен римского права. Анализируя ограничения собственности, существовавшие в римском праве, Д. В. Дождев пишет: «Понятие ограничения собственности относится к полномочиям собственника и не затрагивает сущности института: понятие собственности не принимает идею ограничений» [11, с. 344]. Ограничения собственности, имевшие место в римском праве, носили естественный характер и позволяли снять противоречия «между частным присвоением материального мира и общественной природой человеческого бытия» [11, с. 345]. Зависимость собственника от иных членов общества отчетливо проявлялась в так называемых «правах по соседству». При этом защита указанных прав осуществлялась посредством предъявления соответствующего иска (иска об удержании дождевой воды, негативного иска и т. д.), но не посредством понуждения к совершению положительных действий, применяемого публичной властью к собственнику [11, с. 344–350].

Мы не ставим задачу проследить историческую трансформацию института собственности, отметим лишь, что со временем идея о том, что право собственности предполагает установление господства «свободной воли в сфере предметных интересов» [11, с. 342], сменилась на диаметрально противоположную. После 1917 г. на собственность перестали смотреть как на «выявление самой личности и ее свободы в гражданских отноше-

⁴ Проблемы соотношения индивидуальной юридической свободы с другими правами и свободами в своих научных трудах затрагивает Н. Н. Тарусина [10, с. 8–21].

ях», объясняя это тем, что «социальный опыт прошлого века наглядно показал, что институт частной собственности не может охранять всех интересов человека, что в некоторых своих проявлениях он является предпосылкой для умаления человеческой личности, т. е. на нем основана экономическая эксплуатация и частная, хозяйская власть одного над другим» [12, с. 33]. Сегодня в специальной литературе можно встретить негативную оценку абсолютного характера права собственности, поскольку он порождает у собственника «эгоизм, неуместный в обществе» [13, с. 63].

Осмелимся предположить, что каждый собственник жилого помещения считает, что его право собственности охраняется законом. Ведь именно такой вывод должен следовать из закрепленного в Конституции Республики Беларусь (ст. 44) принципа неприкосновенности собственности, равно как и из закрепленных в статье 3 ЖК Республики Беларусь принципов неприкосновенности жилых помещений и недопустимости произвольного лишения жилых помещений. Но действительно ли указанные принципы являются работающим механизмом, позволяющим собственнику не просто «испытывать состояние защищенности», а действительно «быть защищенным»⁵?

Анализируя содержание принципа неприкосновенности собственности, Н. Л. Бондаренко указывает, что его ценность «проявляется только тогда, когда, пользуясь его защитой, собственник своим поведением не несет угрозу правам и интересам других субъектов гражданского права. Именно поэтому на современном историческом этапе неприкосновенность собственности рассматривается не как полная невозможность для кого бы то ни было оказывать влияние на право собственности помимо собственника, а скорее как способ наиболее разумного сочетания интересов каждого конкретного собственника и всего общества в целом, т. е. признается возможность принудительного ограничения или прекращения права собственности» [15, с. 75]. Иными словами, принцип неприкосновенности собственности гарантирован государством только при условии, что собственник, реализуя принадлежащие ему правомочия, будет соблюдать интересы неопределенного круга лиц – общества (т. е. интересы общества выступают пределами реализации правомочий собственника, в том числе и собственника жилого помещения). Верность данного утверждения подтверждается положениями: части 2 статьи 136 ЖК Республики Беларусь (действия собственника жилого помещения не должны противоречить общественной пользе и безопасности, не должны влечь причинения вреда окружающей

⁵ В свете тех ограничений, в рамках которых вынужден действовать собственник, все больше хочется согласиться с мнением о том, что «в современных условиях право частной собственности не существует, вместо него создана юридическая конструкция, которая может быть названа правом на право частной собственности или, точнее, бенефициарным владением» [14, с. 97].

среде, историко-культурным ценностям, не должны ущемлять прав и законных интересов других граждан и организаций); статьи 90 ЖК Республики Беларусь (собственники жилых помещений обязаны обеспечивать сохранность жилых помещений)⁶.

Нарушение установленных законодательством обязанностей, а также пределов осуществления права собственности может повлечь за собой применение к собственнику жилого помещения различного рода мер ответственности [17, с. 116], в том числе и такой специальной меры ответственности, как понуждение собственника жилого помещения к его возмездному отчуждению или принудительное отчуждение жилого помещения.

Примечательно, что основания, влекущие применение указанной меры ответственности, закреплены не в гражданском законодательстве Республики Беларусь, а в жилищном. Более того, в статье 2 ЖК Республики Беларусь содержится указание на то, что действие ЖК Республики Беларусь распространяется на отношения по «возникновению, осуществлению и прекращению права собственности и (или) владения и пользования жилыми помещениями». Подобное законодательное решение вызывает вопрос об отраслевой принадлежности отношений собственности. Полагаем, что ответ очевиден – отношения собственности, независимо от объекта данного права, составляют предмет гражданско-правового регулирования. Это настолько очевидно, что Л. В. Щенникова, внесшая значительный вклад в развитие теории вещных прав, комплементарно отзываясь о белорусском законодательстве, указывает: «...Страны, совершенствующие свое гражданское законодательство на постсоветском пространстве, такие как Белоруссия и Казахстан, исключили бесхозяйственное содержание жилья из перечня оснований прекращения права собственности» [18, с. 162]. Л. В. Щенникова права лишь в том, что гражданское законодательство Республики Беларусь не предусматривает подобного основания. В Гражданском кодексе (далее – ГК) Республики Беларусь⁷ имеется лишь указание на то, что «жилое помещение может быть изъято у собственника в случаях и порядке, предусмотренных законодательными актами»⁸

⁶ Социальную природу «бремени собственника по отношению к своей вещи» обосновывает в своих трудах С. И. Суслова [16].

⁷ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 № 218-З // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь». 1999. № 7-9, ст. 101 (с изм. и доп.).

⁸ Анализ положений ст. 275-1 ГК Республики Беларусь выявляет некоторое противоречие положениям ст. 44 Конституции Республики Беларусь, определяющей, что условия и порядок принудительного прекращения права собственности должны определяться законом, а не законодательными актами, как это предусмотрено в ст. 275-1 ГК Республики Беларусь. Напомним, что к законодательным актам, в соответствии со ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», относятся не только Конституция Республики Беларусь и законы, но и декреты и указы Президента Республики Беларусь.

(ст. 275-1 ГК Республики Беларусь). Однако такое основание с 2013 г. обна- руживается в статье 137 ЖК Республики Беларусь.

В решении проблемы соотношения гражданско-правового и жилищно-правового регулирования тех или иных отношений солидаризируем- ся с позицией Е. А. Суханова, выделяющего в жилищных отношениях две составляющие: гражданско-правовую и административно-правовую. Жи- лищное законодательство должно касаться «лишь публично-правовых жи- лищных отношений», тогда как «содержание и осуществление вещных ... прав на жилые помещения как объекты недвижимости составляют бес- спорный предмет гражданско-правового, а не какого-то особого, «жилищ- но-правового» регулирования» [19].

Итак, в статье 137 ЖК Республики Беларусь в числе оснований, вле- кущих отчуждение жилого помещения, указано на привлечение собствен- ника жилого помещения к административной ответственности три и бо- лее раза в течение года:

– за нарушение собственником жилого помещения правил пользова- ния жилыми помещениями, содержания жилых и вспомогательных поме- щений, выразившееся в разрушении, порче жилого помещения либо ис- пользовании его не по назначению⁹;

– иные нарушения требований ЖК Республики Беларусь, делающие невозможным для других проживание с собственником в одной квартире или в одном жилом доме, ограничивая указанными действиями права и за- конные интересы других граждан.

При наличии данных оснований уполномоченное лицо, которым в соот- ветствии с пунктом 1 статьи 137 ЖК Республики Беларусь является мест- ный исполнительный и распорядительный орган, обязано в письменной форме предупредить собственника о необходимости устранить наруше- ния, а также назначить собственнику соразмерный срок для ремонта жи- лого помещения, если указанные нарушения повлекли разрушение и (или) порчу жилого помещения.

В тех случаях, когда предупреждения оказались безрезультатными, местный исполнительный и распорядительный орган вправе подать в суд иск о понуждении собственника жилого помещения к возмездному отчуж- дению жилого помещения. При принятии судом решения о понуждении соб- ственника жилого помещения к возмездному отчуждению жилого помеще- ния этот собственник обязан произвести такое отчуждение в течение года с момента вступления в законную силу решения суда. Если в течение года после вступления в законную силу решения суда о понуждении собствен-

⁹ Сами эти правила определены в ст. 91 Жилищного кодекса Республики Беларусь, а также в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 2013 г. № 399 «Об утверждении Правил пользования жилыми помещениями, содержания жилых и вспо- могательных помещений» (в ред. 08.07.2022 г).

ника жилого помещения к его возмездному отчуждению оно не было отчуждено, местный исполнительный и распорядительный орган вправе подать в суд иск о принудительной продаже этого жилого помещения.

При принятии судом решения о принудительной продаже жилого помещения оно подлежит принудительной продаже с публичных торгов.

Положения статьи 137 ЖК Республики Беларусь, таким образом, исходят из того, что в случае конфликта интересов собственника и общества побеждает общество и собственник лишается жилого помещения. При этом если содержание интересов собственника жилого помещения очевидно, то содержание общественных интересов законодатель не раскрывает. Научная расшифровка термина «общественный интерес» также отсутствует¹⁰, несмотря на то что он становится «критерием при принятии решений, способных ограничивать свободу субъектов гражданского права» [21, с. 85].

Узнать, какие общественные интересы могут быть нарушены собственником жилых помещений при реализации его правомочий, можно, изучив практику привлечения собственников жилых помещений к административной ответственности за нарушение правил пользования жилыми помещениями (ст. 22.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях¹¹). Так, имеют место случаи привлечения к ответственности за нарушения, выразившиеся в том, что гражданин «15 февраля 2021 г. в 17:15, 16 февраля 2021 г. в 17:08, 17 февраля 2021 г. в 07:27, 18 февраля 2021 г. в 07:26 и 16:53, 19 февраля 2021 г. в 07:25 и 16:52 громко топал ногами на лестничной клетке 2-го этажа»¹² или «бегал по квартире»¹³ или «в 06:30 18 мая 2020 года по месту жительства допустил действия, создающие шум: громкий стук»¹⁴. Мы не знаем наверняка, но позволим себе предположить, что привлечение к административной ответственности за столь «серьезные» нарушения могут быть объяснены особенностями соседских

¹⁰ В некоторых публикациях встречается попытка разграничить понятия «публичные интересы» и «общественные интересы» и делается вывод о том, что содержательно данные понятия не совпадают. Вывод делается, а понятие общественных интересов не формулируется [20, с. 55–59.]

¹¹ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (ред. от 09.12.2022 г.) // ИПС «Эталон».

¹² Физическое лицо привлечено к административной ответственности и подвергнуто административному взысканию в виде штрафа: Постановление суда Ленинского района города Могилева от 14 апреля 2021 г. // ИПС «Эталон».

¹³ Апелляционная жалоба на постановление суда, которым правонарушитель подвергнут штрафу: Постановление суда Центрального района города Гомеля от 17 марта 2022 г. // ИПС «Эталон».

¹⁴ Жалоба на постановление суда, которым обвиняемый подвергнут административному взысканию в виде штрафа. Постановление суда оставлено без изменений, а жалоба без удовлетворения: Постановление Гомельского областного суда от 16 апреля 2021 г. // ИПС «Эталон».

взаимоотношений, а не реальной невозможностью для других проживать с собственником в одном жилом доме.

Требуют отдельного рассмотрения и особенности реализации правил об отчуждении жилого помещения, принадлежащего собственнику, по основаниям и в порядке, закрепленным в статье 137 ЖК Республики Беларусь, а также о последствиях их реализации.

Сразу оговоримся, что нам не удалось обнаружить примеров отчуждения жилых помещений на основании статьи 137 ЖК Республики Беларусь. Полагаем, что если такое отчуждение в Республике Беларусь и происходило, то не часто. Однако наличие такого основания в белорусском законодательстве означает, что когда-нибудь оно будет применено. Примечательна здесь российская практика выселения собственника из жилых помещений по основаниям, закрепленным в статье 287.7 «Прекращение права собственности на бесхозно содержимое помещение» ГК РФ. В отношении применения данной нормы в литературе отмечалось следующее: «На протяжении многих лет обнаружить в российской судебной практике примеры не только удовлетворения, но и даже подачи соответствующих исков было невозможно. Несмотря на то обстоятельство, что даже в случае виновного поведения собственник может быть лишен права собственности только на возмездных началах, основной тенденцией правоприменения можно было считать защиту прав проживающего со ссылкой на общую норму ст. 40 Конституции РФ о том, что каждый гражданин имеет право на жилище. В последние несколько лет ситуация несколько изменилась... иски о прекращении права собственности и о продаже жилого помещения с публичных торгов стали не только подаваться, но и удовлетворяться» [16].

Итак, в случае принудительной продажи жилого помещения с публичных торгов бывшему собственнику жилого помещения местным исполнительным и распорядительным органом в течение двух месяцев передается в собственность другое жилое помещение, по общей площади менее занимаемого им жилого помещения и (или) уступающее ему по своим потребительским качествам (п. 5 ст. 137 ЖК Республики Беларусь). Предоставляться жилое помещение может как в том населенном пункте, где находилось отчужденное жилое помещение, так и в ином населенном пункте (а в сельской местности – за пределами территории сельсовета, на которой находилось проданное жилое помещение). Также собственнику выплачивается стоимость проданного жилого помещения за вычетом стоимости передаваемого в собственность жилого помещения и затрат на его отчуждение.

Возможность практической реализации указанных правил вызывает сомнения.

Во-первых, очевидно, что для предоставления собственнику жилого помещения взамен реализованного с публичных торгов местный исполни-

тельный и распорядительный орган должен обладать свободным жилым помещением. С этим могут быть определенные проблемы. Кроме того, положения пункта 5 статьи 137 ЖК Республики Беларусь предусматривают, что предоставляемое жилое помещение может быть по площади менее того, которое реализовано с публичных торгов. Возникает вопрос: на сколько «менее»? В судебной практике Республики Беларусь можно встретить примеры выселения собственника жилого помещения вследствие наличия задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг в течение шести месяцев подряд (данное основание также установлено в ст. 137 ЖК Республики Беларусь) из квартиры в комнату в двухкомнатной квартире¹⁵. Вряд ли подобное решение будет отвечать правам собственника, лишеного жилого помещения, а также правам членов (бывших членов) его семьи, подлежащих выселению вместе с ним (п. 7 ст. 137 ЖК Республики Беларусь). Полагаем, что, предоставляя другое жилое помещение взамен отчуждаемого, местный исполнительный и распорядительный орган должен, как минимум, исходить из установленного законодательством минимального размера обеспеченности жилой площадью.

Во-вторых, реализация положений статьи 137 ЖК Республики Беларусь видится затруднительной в случаях, когда жилое помещение принадлежит супругам на праве общей совместной собственности, а к административной ответственности по статье 22.12 КоАП привлекается только один из них. Даже если допустить, что доля супруга-нарушителя будет выделена, что реализация права преимущественной покупки доли вторым дольщиком (вторым супругом) не встретит затруднений, принудительное выселение супруга-нарушителя из жилого помещения в другое жилое помещение, а значит, и принудительное разделение супругов, вряд ли согласуется с закрепленным в статье 3 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье принципом защиты семьи государством.

В-третьих, неясен механизм применения правил статьи 137 ЖК Республики Беларусь в отношении жилого помещения, находящегося в залоге (ипотеке), а также приватизированного жилого помещения, выкуп которого осуществляется в рассрочку.

Итак, очевидно, что закрепленное в статье 137 ЖК Республики Беларусь основание принудительного прекращения права собственности на жилое помещение исходит из идеи о том, что собственник обязан служить не столько своим интересам, сколько интересам общества. Однако нет ответа на вопрос, почему, регулируя отношения собственности, имеющие частноправовую природу, законодатель исходит из абстрактных интересов абстрактной группы лиц – общества. Нет ответа и на вопрос, почему инте-

¹⁵ Заочное решение именем Республики Беларусь от 14 декабря 2021 г. г. Брест // ИПС «Эталон».

рессы соседей при решении вопроса о принудительном отчуждении жилого помещения ставятся выше интересов членов (бывших членов) семьи собственника жилого помещения, его возможных кредиторов да и самого собственника, который может быть принудительно лишен жилого помещения «с легкой руки» соседей, которых раздражает топот, музыка, лай собаки, стук и т. п.?

Полагаем, что в целях защиты интересов самого собственника, недопущения нарушений принципа неприкосновенности собственности и права на жилище необходимо пересмотреть концепцию «социального характера» отношений собственности. «Права соседей», без сомнения, должны учитываться собственником, реализующим свои полномочия в отношении жилого помещения, но с обязательным учетом того, что отношения собственности должны подвергаться частноправовому, но не публичному регулированию. И здесь возможно, например, пойти по модели, существующей в США, где действует концепция «сосед-друг» и в рамках нее существует «презумпция добрососедства». В рамках данной модели при возникновении конфликта между соседями стороны этого конфликта обращаются в суд, который разрешает спор исходя из того, действовал ли сосед намеренно с целью причинить вред и была ли враждебность в его действиях [22, с. 73]. Либо можно пойти по пути, предложенному Л. В. Щенниковой [18, с. 162], и ввести в гражданское законодательство новый принцип – противовес принципу неприкосновенности собственности – принцип внимательного использования и уважения права другого собственника

Ссылки

1. Социальное государство и социальная политика: пособие / С. В. Лапина [и др.]; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020 г. 216 с.
2. Каримов А. В. Свобода и частная собственность // Вестник ТГУ. Вып. 2. 1999. С. 65–66.
3. Исмаилов С. Н. Жилое помещение как объект права собственности // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 5. С. 172–175.
4. Кондратенко З. К. Некоторые вопросы содержания конституционного права на частную собственность // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. № 3. С. 76–84.
5. Васьяковский Е. В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.
6. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. URL: <https://private-right.ru/wp-content/uploads/Скловский-К.И.-Собственность-в-гражданском-праве.pdf> (дата обращения: 07.04.2023).
7. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. Л., 1948. 840 с.

8. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Сатут, 2003. 831 с.
9. Харченко Г. Г. Категория собственнического интереса в отношениях собственности // ИПС «Эталон».
10. Тарусина Н. Н. Ограничение права как свобода: актуализация размышлений в пандемические времена // Социально-юридическая тетрадь. № 11. 2021. С. 8–21
11. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: ИНФРА М-НОРМА, 1997. 704 с.
12. Агарков М. М. Ценность частного права // Изв. вузов. Сер. Правоведение. 1992. № 2. С. 31–48.
13. Федосеев П. С., Шматов М. А. К вопросу о «соседских правах» как объекте гражданско-правового регулирования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 57–65.
14. Серегин А. В. Иллюзия права частной собственности и реальность бенефициарного владения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 94–97.
15. Бондаренко Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь: монография. Минск: БГЭУ, 2007. 179 с.
16. Суслова С. И. Прекращение права собственности в случае бесхозяйного содержания жилого помещения // Пролог: журнал о праве = Prologue: Law Journal. 2016. № 1. С. 45–52.
17. Дулатова Н. В. Прекращение жилищных правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 186 с.
18. Щенникова Л. В. Принцип неприкосновенности собственности и прекращение прав собственника на бесхозяйственно содержимое жилое помещение // Общество и право. 2019. № 3. С. 160–163.
19. Суханов Е. А. Проблемы совершенствования кодификации российского гражданского законодательства // Актуальные вопросы российского частного права: сборник, посвященный 80-летию В. А. Дозорцева / сост. Е. А. Павлова, О. Ю. Шилохвост. М.: Статут, 2008. С. 18–35.
20. Исакова Н. А. Публичный интерес как основание для ограничения или прекращения права собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 55–59.
21. Бондаренко Н. Л. Основные начала гражданского законодательства России, Украины и Беларуси: национальные особенности и перспективы унификации // Юристъ-правовед. 2007. № 1. С. 84–87.
22. Емелькина И. А. Соседское право в гражданском праве Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, США: сущность и закономерности развития // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 70–73.

Criminal-legal assessment of cyberextortion

I. D. Prudnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-426-433

Research article
Full text in Russian

The article discusses the issues of qualification of cyberextortion. In particular, this act is analyzed as a kind of ordinary extortion, as well as a kind of exclusively informational crime. It is concluded that in addition to the threats characteristic of article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation, there are also threats that are not included in the list of methods of committing a crime listed in this article, and, accordingly, the impossibility of bringing a person to criminal responsibility for a number of variations of cyberextortion under article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation. Since it also seems problematic to qualify such acts according to the totality of article 163 and the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on crimes in the field of computer information, the author believes that it is necessary to modernize the criminal law and proposes to supplement the disposition of article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation with new ways of committing this crime.

Keywords: computer crimes; cyberextortion; ransomwares; cryptocurrencies; criminal law

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Prudnikov, Ilya D. | EE-mail: ilya.prudnikov.97@gmail.com
Postgraduate

Уголовно-правовая оценка кибервымогательства

И. Д. Прудников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-426-433
УДК 343.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются вопросы квалификации кибервымогательства. В частности, данное деяние анализируется как разновидность обычного вымогательства, а также как разновидность исключительно информационного преступления. Делаются выводы, что помимо угроз, характерных для ст. 163 УК РФ, имеют также место и угрозы, которые не входят в перечень способов совершения преступления, перечисленных в указанной статье, а соответственно, и о невозможности привлечения лица к уголовной ответственности за ряд вариаций кибервымогательства по ст. 163 УК РФ. Ввиду того что квалифицировать такие деяния по совокупности ст. 163 и норм УК РФ, посвящённых преступлениям в сфере компьютерной информации, также видится проблематичным, автор считает, что необходимо модернизировать уголовный закон, и предлагает дополнить диспозицию ст. 163 УК РФ новыми способами совершения указанного преступления.

Ключевые слова: компьютерные преступления; кибервымогательство; программы-вымогатели; криптовалюты; уголовный закон

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прудников, Илья Дмитриевич | E-mail: ilya.prudnikov97@gmail.com
Аспирант

Ни для кого не секрет, что с каждым днём информационные технологии всё чаще проникают в нашу жизнь: большинство людей пользуется смартфонами, социальными сетями, а компании постоянно автоматизируют различные рабочие процессы (например, складской учёт, документооборот и прочее). Вместе с тем лица, совершающие преступления, используют подобные технологии для получения доступа к охраняемой законом тайне и информации, торговли наркотиками, оружием и ряда иных незаконных деяний. Одним из вариантов выступает кибервымогательство.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Под кибервымогательством мы понимаем вид обычного вымогательства, при котором выдвигаются определённые в ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) имущественные требования 1) за возвращение лицу доступа к компьютерной системе, части компьютерной системы (например, зашифрованным файлам) или информационно-телекоммуникационной сети (обычно браузеру в сети Интернет); 2) неkopирование и нераспространение данных, к которым правонарушители получили доступ; 3) отказ от совершения другой кибератаки лицами, совершающими преступление (например, DDoS-атаки).

Для того чтобы проверить, является ли кибервымогательство разновидностью деяния, предусмотренного ст. 163 УК РФ, необходимо сравнить их признаки. У данных правонарушений полностью идентичны признаки субъекта и субъективной стороны, поэтому на них мы позволим себе не останавливаться.

Исходя из местонахождения ст. 163 в УК РФ, основным объектом преступления выступают отношения собственности, а дополнительным – личность, а точнее, здоровье, честь, достоинство, законные интересы [1, с. 376]. Объекты обычного вымогательства, с одной стороны, идентичны объектам кибервымогательства, поскольку при последнем также: а) требуется передать чужое имущество или право на чужое имущество или выполнить иные действия имущественного характера; б) могут дополнительно пострадать здоровье, честь, достоинство, законные интересы личности (например, когда посягающие получают доступ к сведениям, позорящим потерпевшего или его близких, и угрожают такие сведения распространить).

С другой стороны, при одной из самых распространённых вариаций кибервымогательства, когда используются программы-вымогатели (называемые «Ransomware»), дополнительно подвергаются опасности общественные отношения, характерные для преступлений в сфере компьютерной информации. Правонарушители при использовании таких программ, получая доступ к охраняемой законом компьютерной информации, её блокируют, копируют или уничтожают. Сейчас можно назвать два вида подобных программ: программы-блокираторы и программы-шифровальщики. Последний вариант представляет наибольший интерес с точки зрения уголовно-правовой оценки, а также составляет огромную часть деяний, относимых нами к кибервымогательству.

По сведениям компании «Лаборатория Касперского», за период с 2017 по 2020 год от крупнейшего семейства программ-шифровальщиков WannaCry понесли убытки пользователи в 150 странах. Размер этих убытков составил не менее 4 млрд. долларов. Кроме того, некоторые преступные группы, занимающиеся киберпреступлениями, добавляют программы-шифровальщики в свой «арсенал» (например, Lazarus) [2].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18–20 июня (с изм. и доп.).

Об опасности такого рода программ пишут и некоторые исследователи, отмечая, что распространение программ типа «Ransomware» остаётся одной из наиболее значительных угроз в сфере компьютерной информации на протяжении последних лет [3, с. 706].

Атаки, при которых используются программы-шифровальщики, создают ряд проблем:

Первая связана с невозможностью разблокировать данные никаким иным способом, кроме как воспользоваться ключом дешифровки, находящимся у лиц, требующих чужое имущество. Это связано с высокой сложностью используемых алгоритмов шифрования и недостаточной мощностью существующей на настоящий момент в массовом сегменте компьютерной техники. Некоторые авторы отмечают, что подобные программы, используемые правонарушителями и предназначенные для несанкционированной модификации пользовательских данных в компьютерных системах, в большинстве случаев применяют стойкие криптографические алгоритмы, что делает невозможной самостоятельную расшифровку модифицированной информации [3, с. 706];

Вторая проблема связана с высокой сложностью расследования таких деяний, поскольку зачастую пересылаемые атакующим денежные средства направляются в криптовалюту. Криптовалютой признаётся любой вид валюты в цифровой или виртуальной форме. Для защиты транзакций в этой валюте используется шифрование (криптография). Вместе с тем отсутствует центральный орган по выпуску или регулированию криптовалют, а для записи транзакций и выпуска новых единиц используется децентрализованная система [4]. В качестве примера можно назвать Bitcoin или Ethereum. Кроме того, любая из криптовалют может быть обменена на обычные денежные средства.

Итак, предметами преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, исходя из её диспозиции, выступает чужое имущество; право на имущество; другие действия имущественного характера, совершаемые потерпевшим в пользу вымогающего. Предметом кибервымогательства зачастую являются денежные средства, пересылаемые, как мы отмечали ранее, в криптовалюту.

Возникает вопрос: может ли криптовалюта являться каким-либо из предметов преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ? На наш взгляд, криптовалюта является чужим имуществом. Подобный вывод подтверждается, как минимум:

1) продвижениями в законодательном поле. Например, Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее – ФЗ № 259) признаёт цифровую ва-

² См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Россий-

люту средством платежа (ч. 3 ст. 1). В силу ч. 3 ст. 14 ФЗ № 259, под организацией обращения в Российской Федерации цифровой валюты понимается деятельность по оказанию услуг, направленных на обеспечение совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций, влекущих за собой переход цифровой валюты от одного обладателя к другому, с использованием объектов российской информационной инфраструктуры (то есть прямо написано, что с криптовалютой, как разновидностью цифровой валюты, допустимо совершать, в частности, гражданско-правовые сделки). И хотя ФЗ № 259 устанавливает также некоторые ограничения на оборот такой валюты, например на оплату ею товаров, работ и услуг в определённых обстоятельствах (ч. 5 ст. 14), думается, это не мешает обменивать рассматриваемую валюту на иную (например, на рубли) и обратно;

2) продвижениями в правоприменительном поле. Так, в абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»³ отмечается, что предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты);

3) доктринальными соображениями. Оценивая криптовалюту по четырём признакам предмета преступлений против собственности [5, с. 75], можно отметить, что этот вид ценностей будет подпадать под все признаки, так как он: а) имеет стоимость (*экономический критерий*), ввиду того что данную вариацию валюты можно обменять на привычные денежные средства; б) является результатом деятельности человека (*социальный критерий*), поскольку указанная валюта кем-то выпускается (хотя и не централизованным органом); в) не принадлежит вымогающему лицу на праве собственности (*юридический критерий*), потому что находится в собственности у потерпевшего; г) хотя и не является осязаемым, но по своим свойствам похож, в частности, на безналичные деньги и, следовательно, подпадает под *физический критерий* в рамках исключения.

Объективная сторона вымогательства, исходя из диспозиции ст. 163 УК РФ, заключается, с одной стороны, в имущественных требованиях, а с другой – в угрозах совершить некоторые неблагоприятные для потерпевшего действия. Аналогичные требования и угрозы могут быть осуществлены также в «цифровом мире» и, соответственно, выступать объективной стороной кибервымогательства (например, угрожать насилием или унич-

ской Федерации» // СПС.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «Консультант Плюс».

тожением чужого имущества правонарушитель может и посредством сообщений в информационно-телекоммуникационной сети Интернет). Так, Т. М. Лопатина справедливо отмечает, что «с точки зрения закона нет разницы, совершено вымогательство в реальной жизни или в виртуальном пространстве» [6, с. 119].

Тем не менее есть одна вариация угроз, которая объективной стороной ст. 163 УК РФ не охватывается. Она относится к воздействию на компьютерную информацию – это блокировка, а равно копирование и распространение указанной информации. Кроме того, в ряде случаев информация может быть уничтожена. Последнее – это единственное, что можно попробовать подвести под диспозицию ст. 163 УК РФ, но в таком случае придётся признать компьютерную информацию имуществом.

Проанализировав компьютерную информацию через призму четырёх ранее названных признаков предмета преступлений против собственности, мы сделали следующие выводы:

1) физическому признаку компьютерная информация отвечает в рамках исключения, поскольку в настоящий момент в качестве предметов имущественных преступлений могут выступать в том числе и нематериальные объекты внешнего мира, например безналичные деньги и бездокументарные ценные бумаги;

2) юридическому признаку указанная информация не соответствует, ввиду того что она должна находиться в собственности у другого лица. В собственности у другого лица может быть лишь имущество, которое является таковым с точки зрения гражданского законодательства. Так, само требование перечислить денежные средства под угрозой уничтожения информации (базы данных) не может быть квалифицировано по ст. 163 УК РФ, несмотря на то что оно направлено на завладение чужим имуществом, так как информация и базы данных не относятся к имуществу с точки зрения гражданского законодательства, а могут лишь в некоторых случаях быть объектом гражданских прав [7, с. 193–194];

3) под экономический критерий рассматриваемая информация подпадает лишь частично, потому что с одной стороны, представляется достаточно трудным оценить стоимость, например, файла курсовой работы; с другой стороны, думается, не очень сложно оценить стоимость подписанного электронной цифровой подписью кредитного договора, где содержатся сведения о должнике и сумма выданных банком денежных средств;

4) социальный признак присутствует, в силу того что компьютерная информация создаётся посредством труда человека.

Исходя из описанного выше, исследуемая информация полностью признакам предмета преступления против собственности не отвечает. Соответственно, признать компьютерную информацию имуществом нельзя.

Таким образом, при кибервымогательстве имеют место угрозы, которые не входят в перечень способов вымогательства, перечисленных в ст. 163

УК РФ. В этой связи, думается, привлечь лицо к уголовной ответственности по ней при угрозе блокирования доступа к данным, их копирования и распространения, а равно уничтожения невозможно.

Кроме того, и признать кибервымогательство сугубо разновидностью преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, нельзя, потому что имеет место объект (общественные отношения, возникающие в сфере компьютерной информации или обеспечивающие безопасность компьютерной информации [8]), который охраняется нормами гл. 28 УК РФ, а также способы совершения преступления, которые характерны скорее для таких норм, а не для вымогательства. Не является кибервымогательство разновидностью и только преступлений в сфере компьютерной информации, так как оно обладает сильной имущественной составляющей; зачастую правонарушители вымогают у потерпевших имущество, в том числе криптовалюту, которая имеет значительный денежный эквивалент.

Возникает вопрос, можно ли квалифицировать соответствующие действия вымогающих лиц по совокупности ст. 163 и норм УК РФ, посвящённых преступлениям в сфере компьютерной информации. На наш взгляд, нет. Если с квалификацией «компьютерной» составляющей данного деяния проблем не возникает, так как характер реализуемых угроз и действия правонарушителей по использованию программ-вымогателей прямо подпадают под действия ст. 272 и 273 УК РФ (за исключением неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, и ее распространения, поскольку перед распространением информации происходит её копирование), то ст. 163, как отмечалось ранее, не содержит нужного способа совершения преступления.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о необходимости модернизации действующего уголовного закона. Думается, это можно сделать двумя путями: 1) ввести в него новую норму или 2) дополнить ст. 163 УК РФ новыми способами совершения преступления.

Некоторые авторы предлагают пойти по первому пути, обосновывая это, в частности, тем, что включение дополнительного вида угроз непосредственно в диспозицию ч. 1 ст. 163 УК РФ будет перегружать состав, статья будет громоздкой и неудобной в применении [9, с. 143–144]. Мы же считаем, что основания для введения новой нормы отсутствуют.

Угрозы, относящиеся к кибервымогательству не повышают и не понижают общественную опасность и наказуемость деяния по сравнению со способами обычного вымогательства, поскольку между ними нет принципиальной разницы (например, угроза уничтожения имущества очень похожа по уровню общественной опасности на уничтожение компьютерной информации). Кроме того, большинство угроз, свойственных обычному вымогательству, направлены на дополнительный объект. Так, применение насилия направлено на причинение вреда здоровью потерпевшего, а угроза распространения указанных в диспозиции ст. 163 УК РФ сведений –

на причинение вреда чести, достоинству и законным интересам личности. То же самое с угрозами при кибервымогательстве. В соответствии с ранее отмеченным они направлены на воздействие на компьютерную информацию. Следовательно, добавление новых вариаций угроз в виде *блокирования, копирования или уничтожения компьютерной информации либо условия для прекращения блокирования, копирования или уничтожения компьютерной информации* будет органично вписываться в диспозицию ст. 163 УК РФ.

Ссылки

1. Мелентьев А. В. Вымогательство: уголовно-правовая характеристика и современные тенденции // Образование и право. 2020. № 4. С. 375–379.
2. Программы-вымогатели в цифрах: оценка глобального влияния угрозы. URL: <https://securelist.ru/ransomware-by-the-numbers-reassessing-the-threats-global-impact/101318/> (дата обращения: 26.04.2023).
3. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция вредоносных программ как способов совершения компьютерных преступлений: классификации и технологии противоправного использования // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 5. С. 699–709.
4. Что такое криптовалюта и как она применяется? URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-cryptocurrency>.
5. Улезько С. И. Понятие предмета в преступлениях против собственности в современном уголовном праве // Общество и право. 2015. №1 (51). С. 75–78.
6. Лопатина Т. М. Условно-цифровое вымогательство, или кибершантаж // Журнал российского права. 2015. № 1(217). С. 118–126.
7. Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право: журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 189–211.
8. Чекунов И. Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // Российский следователь. 2014. № 18. С. 53–56 // СПС «Консультант Плюс».
9. Овсяков Д. А. Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении вымогательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2 (123). С. 140–145.

Criteria for the decision to transfer to the upbringing of a child: historical and legal aspect

E. E. Lekanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-434-445

Research article
Full text in Russian

The relevance of the study of the rights and obligations of parents (persons replacing them) for education using a comparative historical and legal method (by referring to Soviet legal experience) is due to the fact that it was during the Soviet period that criteria were developed that are still used by the courts to resolve cases of placing a child in foster care. The courts of the Soviet period, in the framework of cases on the placement of a child for upbringing in order to comply with the principle of the best interests of the child, were guided by the following factors as decisive: 1) the nature of the relationship between the child and the potential caregiver; 2) housing conditions; 3) moral qualities; 4) marital status; 5) the actual opportunity to engage in the upbringing of the child; 6) the opinion of the child; 7) the attachment of the child to brothers and sisters. The system of criteria for resolving cases on the transfer of a child to foster care in the course of Soviet law enforcement practice began to actively form from 1928 in connection with the participation of guardianship and guardianship authorities in such cases. However, the system of such criteria was not enshrined by the legislator either in the text of the 1926 Code of Civil Procedure of the Year or in the text of the Code of Civil Procedure of 1969. The absence of these factors in the legislation is a kind of omission of the Soviet legislator, which allowed the courts to resolve disputes about the upbringing of children without their analysis and consideration, which was especially widespread in the early years of Soviet power. Only in the post-Soviet period, an approximate system of such criteria was reflected in the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: Soviet family law; minor children; parents; right to education; dispute about education; criteria for resolving cases of education; law enforcement presumption

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lekanova, Ekaterina E. | E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-4350-7955

Критерии разрешения дел о передаче ребенка на воспитание: историко-правовой аспект

Е. Е. Леканова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-434-445
УДК 347.63

Научная статья
Полный текст на русском языке

Актуальность исследования права и обязанности родителей (лиц, их заменяющих) на воспитание при помощи сравнительного историко-правового метода (путем обращения к советскому правовому опыту) обусловлена тем, что именно в советский период были выработаны критерии, до сих пор используемые судами для разрешения дел о передаче ребенка на воспитание. Суды советского периода в рамках рассмотрения дел данной категории в целях соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка руководствовались в качестве решающих следующими факторами: 1) характером отношений между ребенком и потенциальным воспитателем; 2) жилищными условиями; 3) нравственными качествами; 4) семейным положением; 5) фактической возможностью заниматься воспитанием ребенка; 6) мнением ребенка; 7) привязанностью ребенка к братьям и сестрам. Система критериев для разрешения дел о передаче ребенка на воспитание в ходе советской правоприменительной практики начала активно формироваться с 1928 года в связи с участием в таких делах органов опеки и попечительства. Однако система критериев их разрешения не была закреплена законодателем ни в тексте КЗоБСО 1926 года, ни в тексте КоБС 1969 года. Отсутствие указанных факторов в законодательстве является своего рода упущением советского законодателя, которое позволяло судам решать споры о воспитании детей без анализа и учета необходимых данных, что особенно сильно было распространено в первые годы советской власти. Только в постсоветский период примерная система подобных критериев нашла свое отражение в Семейном кодексе РФ.

Ключевые слова: советское семейное право; несовершеннолетние дети; родители; спор о воспитании; критерии разрешения дел о воспитании; правоприменительная презумпция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леканова, Екатерина Евгеньевна | E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-4350-7955

Исследование права и обязанности на воспитание родителей (лиц, их заменяющих) целесообразно при помощи сравнительного историко-правового метода (путем обращения к советскому правовому опыту, так как именно в советский период были выработаны **критерии, до сих пор используемые судами для разрешения дел о передаче ребенка на воспитание (дел о воспитании)**).

КЗАГС 1918 года [1], КЗоБСО 1926 года [2], КоБС 1969 года [3] содержали практически одинаковые **правила разрешения дел о передаче ребенка на воспитание**. Если отдельно проживающие родители (а в некоторых случаях и иные лица, которые были вправе претендовать на воспитание ребенка) не могли прийти к соглашению, кто будет проживать совместно с ребенком, то возникал спор о детях, который подлежал разрешению в судебном порядке (ст. 158 КЗАГС 1918 года, ст. 40 КЗоБСО 1926 года, ст. 55 КоБС 1969 года). При разрешении такого спора суд должен был руководствоваться принципом наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст. 153 КЗАГС 1918 года, ст. 33 КЗоБСО 1926 года, ст. 55 КоБС 1969 года).

Ни КЗАГС 1918 года, ни КЗоБСО 1926 года, ни КоБС 1969 года не содержали даже примерного перечня критериев, в зависимости от которых суд должен был отталкиваться, решая, кому на воспитание должен был передан ребенок. Это говорит о сугубо **ситуационном характере** законодательной регламентации вопроса по передаче ребенка на воспитание, то есть при разрешении данной категории дел усмотрение судей в советский период было крайне широким.

Так, в 1924 году гражданка К. М. Ф. обратилась в суд с «исковым прошением» о **расторжении брака, оставлении с ней ребенка, родившегося в этом браке, и взыскании с мужа на содержание ребенка 5 рублей ежемесячно**. Истица в качестве мотива для развода указала то, что ее полгода назад «выгнал муж из дому» и жить она теперь с ребенком стала у отчима и матери. При этом весной 1924 года, аккуратно перед рассмотрением анализируемого дела, у отчима истицы «погорел» дом.

Свидетели со стороны истицы указали на следующие факты. Жизнь истицы К. М. Ф. в хозяйстве была плохая, в семье ее ненавидели. Гражданин К. Н. В., отец ребенка, бил свою жену. Ребенок должен находиться у матери, так как мать К. М. Ф. любит ребенка больше, чем отец. У отца ребенка имеется любовница, у которой родился от него ребенок. Хозяйство К. Н. В. среднее, а хозяйство отчима истицы плохое.

Ответчик гражданин К. Н. В. сообщил, что ребенка хочет воспитывать сам. Домохозяином в семье ответчика выступал его отец. Семья ответчика после расставания с женой составляла пять человек. Их общее хозяйство включало в себя земельный участок, лошадь, корову, «подтелка», овцу.

Свидетель со стороны ответчика, гражданин Б. Н. С. показал, что хозяйство у гражданина К. Н. В. среднее: земельный участок и дом, требующий большого ремонта. Другой свидетель гражданин Л. П. М. указал

на следующие факты, известные ему: «Гражданин К. Н. В. имеет плохой дом, лошадь, одну корову, овцу. Хозяйство [у него] ниже среднего. 5 рублей ежемесячно брать из хозяйства для ответчика очень обременительно. К ребенку ответчик относится очень хорошо. Хозяйство отчима истицы в настоящее время плохое. Весной этого года у них погорели дом и двор. Жену свою Крылов не гнал; ее уговорила уйти от мужа мать». Отец ответчика К.В.Е. сказал, что внука принять в свое хозяйство желает.

Поверенный ответчика гражданин Г. С. М., член Коллегии защитников, заявил: «В хозяйстве его доверителя ребенок может получить более хорошее воспитание, чем у матери, ибо мать имеет беспокойный характер, что она доказала тем, что несколько раз уходила от мужа и опять возвращалась. Содержать ребенка в равных долях должны и отец, и мать. В крестьянском хозяйстве истратить на воспитание ребенка 10 рублей немыслимо».

В своем решении Народный Суд 2-го района Угличского уезда Ярославской губернии относительно воспитания ребенка ограничился одной фразой: «Рожденный от этого брака сын А. (1 год 7 месяцев) остался на воспитании у матери своей». Также суд присудил с гражданина К. Н. В. в пользу истицы на воспитание и содержание сына А. взыскать до достижения ребенком десятилетнего возраста по 3 рубля в месяц и с десятилетнего возраста до достижения совершеннолетия по 5 рублей в месяц¹.

На наш взгляд, недостатком данного судебного решения выступает то, что в нем отсутствует мотивировочная часть. Суд не разрешил по существу вопрос, кем из родителей должен воспитываться ребенок, а только ограничился указанием факта нахождения ребенка на воспитании у матери на момент рассмотрения дела. Несмотря на то что протокол судебного заседания содержит многочисленные свидетельские показания, суд не дал им оценку в своем решении и в целом не пояснил, почему ребенок должен остаться на воспитании у матери. Более того, из материалов дела следует, что дом, в котором стала проживать мать с ребенком после расставания с мужем, сильно пострадал от пожара, что делало невозможным надлежащее проживание в нем. В свою очередь, семья отца ребенка готова была принять ребенка на воспитание, дом у них был в лучшем состоянии, чем у семьи истицы, и фактов плохого обращения ответчика со своим ребенком суд не установил. В связи с этим полагаем, что ребенку было бы целесообразней остаться с отцом, во всяком случае, до улучшения жилищных условий матери.

Также среди документов Государственного архива Ярославской области в г. Угличе нам встретилось дело, согласно материалам которого в 1928 году крестьянка А. М. К. предъявила иск к своему бывшему мужу К. А. Н. **об оставлении ребенка с ней и взыскании алиментов на содер-**

¹ См. подробнее: Решение Народного суда 2-го района Угличского уезда Ярославской губернии РСФСР от 14 мая 1924 по делу № 8 // Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 6–9, 11–12

жание ребенка в размере 3 рублей в месяц. Истица указала, что отец ребенка, по ее сведениям, служит в пастухах и не оказывал несколько месяцев помощи по содержанию ребенка. Ответчик просил оставить ребенка с ним и сообщил, что не имеет денежных средств для уплаты истице на содержание дочери. Народный суд 6-го района Угличского уезда Ярославской губернии установил, что гражданка А. М. К. вместе с дочерью (2 года) на момент рассмотрения дела проживала в доме, «оставленном при совместной жизни с мужем». Кроме этого дома с огородом, общее хозяйство бывших супругов, раздел которого был запланирован в Земельной комиссии на 21 сентября 1928 года, включало в себя сарай, двух овец и четырех ягнят. Гражданин К. А. Н. поселился «в доме своей матери на квартире». Ответчик пояснил в суде, что только два летних месяца работал пастухом за 40 рублей.

В своем решении суд отметил, что «не усмотрел достаточных оснований из представленных доказательств со стороны ответчика для оставления ребенка у него». Суд пришел к выводу, что гражданин К. А. Н. может и обязан оказывать помощь своему ребенку. Согласно решению Народного суда 6-го района Угличского уезда Ярославской губернии от 20 сентября 1928 года, ребенок был оставлен с матерью, а отец должен был уплачивать по 3 рубля в месяц на его содержание².

Получается, что именно в первые годы советской власти при решении судом вопроса об оставлении ребенка с одним из родителей начала применяться законодательно не закрепленная **презумпция преимущественного права матери на оставление у нее ребенка дошкольного возраста** при отсутствии исключительных обстоятельств, препятствующих совместному проживанию ребенка с матерью.

Сразу необходимо оговориться, что по данному вопросу имеется иная точка зрения. Так, В. А. Рясенцев отрицает существование данной презумпции во все периоды советской эпохи: «Советское право не знает никаких презумпций в пользу отца или матери при решении спора о ребенке. <...> Хотя дети в раннем, в особенности в грудном возрасте, больше нуждаются в материнском уходе, однако исходя из конкретных условий, суд вправе оставить ребенка и у отца, если в его семье может быть обеспечен надлежащий уход за ребенком. Поэтому является ошибочным взгляд, что дети в дошкольном возрасте всегда должны передаваться матери» [4, с. 144].

Презумпция преимущественного права матери на оставление у нее ребенка дошкольного возраста носит международно-правовой характер. В соответствии с положением принципа 6 Декларации прав ребенка 1959 года [5] «малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исклю-

² См.: Решение Народного суда 6-го района Угличского уезда Ярославской губернии РСФСР от 20 сентября 1928 года по делу № 524 // Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 8–11.

чительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью». В международно-правовом поле верхняя граница малолетнего возраста составляет 7 лет, так как по смыслу ст. 14, 38, 50, 132 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года [6] недопустимым является разлучение матерей с детьми, не достигшими 7 лет, даже в период войны. Н. Н. Тарусина отмечает, что правоприменительная (фактическая) презумпция преимущественного права матери на оставление у нее ребенка при раздельном проживании родителей должна уходить в прошлое, что, в принципе, и происходит, но не в отношении малолетнего ребенка, так как оставление с матерью ребенка такого возраста соответствует жизненным обычкновениям, природной и социальной сущности материнства [7, с. 81].

На наш взгляд, необходимо также обратить внимание на то, что в указанном деле суд не провел в отношении родителей комплексную оценку факторов, оказывающих влияние на возможности надлежащего воспитания ребенка. Решение об оставлении ребенка с матерью было вынесено за день до предстоящего раздела совместно нажитого имущества, что не позволяло оценить жилищные условия родителей. Ни в протоколе, ни в самом судебном решении не содержится показаний свидетелей о характере отношений между ребенком и его родителями, о нравственных качествах родителей и др. Мотивировочная часть решения суда представлена крайне слабо: суд только указал, что отец ребенка не смог доказать, что ребенка нужно оставить именно с ним, в то время как истица так же, как и ответчик, ограничилась предоставлением сведений о себе, не объяснив суду, почему именно с ней проживать ребенку лучше.

Кроме того, 18 июня 1928 года было принято и вступило в силу Положение об органах опеки и попечительства, утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР, согласно пп. «м» п. 10 которого на окружные, уездные и губернские отделы народного образования возлагается представление народному суду заключений при спорах родителей, не живущих вместе, при ком из них должны проживать дети, а также по делам лишения родительских прав и об отмене усыновления [8]. До 1928 года законодательство (в том числе Инструкция Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР 1919 года «Об организации подотделов опеки»³, Инструкция Главсоцвоса Наркомпроса РСФСР 1922 года «О порядке учреждения опеки и назначения опекунов»⁴) не содержало в качестве обязательного тре-

³ Инструкция Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР 1919 года «Об организации подотделов опеки» // ГАРФ. Ф.А-1575. Оп. 10. Д. 5. Л. 14–15 об (Цит. по: Полянский П. Л., Яковлева В. А. Инструкция об организации и порядке деятельности подотделов опеки 1919 года // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. № 2. С. 105–107).

⁴ Инструкция Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей Наркомпроса РСФСР 1922 года «О порядке учреждения опеки и назначения опекунов» // ГАРФ. Ф.А-1575. Оп. 10. Д. 5. Л. 51 (Цит. по: Полянский П. Л., Яковлева В. А. Ин-

бования для рассмотрения дел, связанных с воспитанием ребенка, наличие заключения органов опеки и попечительства об условиях жизни родителей [9, с. 104–107].

Решение Народного суда 6-го района Угличского уезда Ярославской губернии было принято 20 сентября 1928 года, то есть суд должен был затребовать от отдела народного образования заключение об условиях жизни обоих родителей. Обследование жилищных условий, на наш взгляд, желательнее было бы провести уже после раздела совместно нажитого имущества. Непроведение обследования условий жизни лиц, претендующих на воспитание ребенка, являлось основанием для отмены судебного решения⁵.

Более профессиональным образом стало происходить рассмотрение судебных дел о передаче ребенка на воспитание после 1928 года. Еще одним правоприменительным примером **спора о воспитании детей** выступает дело по иску матери ребенка Ч. К. С. к отцу ребенка Т. А. В. о передаче ей сына на воспитание, рассмотренное Народным судом 1-го участка Красно-Пресненского района города Москвы 28 января 1929 года.

Суд отложил рассмотрение данного дела для привлечения в качестве 3-го лица Московский отдел народного образования (МОНО), чтобы имеющееся при нем опекуновское управление произвело обследование на предмет выяснения условий жизни обеих сторон. Из актов обследования, составленных опекуновским управлением, суд установил следующие факты.

Гражданка Ч. К. С., 23 лет, беспартийная, безработная, член профсоюза, получает пособие с биржи труда. Ч. К. С. замужем состояла два раза, имела от первого мужа дочь Ч. Л. (2 года 7 месяцев) и от второго мужа сына Ч. А. А. (1 год). Ее дочь Ч. Л., от первого брака, находится на попечении бабушки со стороны матери, а не у самой матери на воспитании. Сын А. А. был помещен в ясли, а по вечерам забирался домой. Гражданка Ч. К. С. не проживала в последнее время по месту регистрации. Со слов хозяина дома Щ. С. Г., в котором зарегистрирована по месту жительства мать ребенка, гражданка Ч. К. С. являлась «женщиной легкого поведения, пьяницей, имела мужчин без числа».

Отец ребенка Т. А. В., 33 года, беспартийный, не являлся членом профсоюза, не работал и не состоял на бирже труда. Кроме того, гражданин Т. А. В. имел 2 судимости. Первый раз за спекуляцию был выслан в Соловки на 2 года, второй раз осужден за изнасилование 14-летней девушки на 5 лет, после чего был освобожден досрочно. В настоящее время женат на другой женщине Т. Е. А., вместе с которой воспитывает дочь Т. В. А. (6 месяцев). Отец Т. А. В. отказался взять к себе сына на воспитание. Согласно

струкция об организации и порядке деятельности подотделов опеки 1919 года // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. № 2. С. 104).

⁵ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 27 июля 1942 года по делу № 36/620 // ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 5. Д. 975. 10 л.

показаниям гражданки В. Е. Р., хозяйки дома, в котором проживал отец ребенка, гражданин Т. А. В. «пропивал каждую попавшую к нему копейку».

На основе выявленных фактов Опекунское управление МОНО постановило просить в суд о лишении обоих родителей родительских прав и передачи сына Ч. А. А. в ведение МОСЗДРАВА. Народный суд 15-го участка 4 марта 1929 года по делу № 15-2.120 удовлетворил просьбу МОНО⁶.

Таким образом, суд, принимая решение о лишении родительских прав родителей, руководствовался следующими факторами: 1) характером отношений между ребенком и потенциальным воспитателем; 2) нравственными качествами; 3) семейным положением; 4) фактической возможностью заниматься воспитанием ребенка; 5) жилищными условиями. Можно заметить, что после принятия в 1928 году Положения об органах опеки и попечительства рассмотрение дела происходило на более высоком по качеству уровне. В отличие от свидетелей, приглашаемых сторонами по делу, сотрудники отделов народного образования являлись беспристрастными и профессиональными субъектами, предоставляющими характеристику личности и материальных условий лиц, претендующих на воспитание. Привлечение к участию в делах о воспитании органов опеки и попечительства придавало рассмотрению дел данной категории более профессиональный характер.

Еще одним правоприменительным примером спора о воспитании детей выступает *дело по иску гражданки К. А. П. к Ш. В. И. о взыскании алиментов и по встречному иску Ш. В. И. к К. А. П. о передаче ребенка на воспитание*. Из материалов дела следует: ребенок родился в зарегистрированном браке в 1944 году; мать ребенка умерла в 1945 году; с согласия отца Ш. В. И., который учился в военном училище, опекуном его дочери Ш. Т. В. стала бабушка К. А. П. (со стороны матери ребенка). В 1948 году бабушка К. А. П. решила взыскать с Ш. В. И. алименты, а Ш. В. И. предъявил встречный иск о передаче ему дочери на воспитание. Ленинградский городской суд 25 октября 1948 года постановил аннулировать опекунство бабушки К. А. П. и передать девочку на воспитание Ш. В. И., руководствуясь тем, что отец девочки имеет надлежащие материальные условия для воспитания ребенка. По кассационной жалобе К. А. П. Верховный Суд РСФСР указанное решение отменил и отправил дело на новое рассмотрение. Ленинградский городской суд решением от 14 февраля 1949 года взыскал с Ш. В. И. алименты в размере $\frac{1}{4}$ заработной платы ежемесячно до совершеннолетия ребенка и отказал во встречном иске.

Верховный Суд РСФСР 26 марта 1949 года оставил это решение в силе. Однако прокурор СССР просил пересмотреть решение по делу. Верховный Суд СССР, изучив предыдущие судебные решения и заключение отдела народного образования, выявил из них следующие факты, отрицательно

⁶ Решение Народного суда 15-го участка от 4 марта 1929 года по делу № 15-2.120 // Центральный государственный архив Московской области. Ф. Р-966. Оп. 5. Д. 15. 14 л.

характеризующие отца ребенка в качестве его потенциального воспитателя. Во-первых, за 4 года Ш. В. И. ни разу не навещал ребенка, хотя проходил военную службу в городе, где проживала дочь. Во-вторых, Ш. В. И. не предоставлял 4 года материального содержания дочери, несмотря на наличие такой возможности и просьбы бабушки. В-третьих, не имел намерения взять дочь на воспитание до предъявления к нему иска о взыскании алиментов. В-четвертых, вторая жена Ш. В. И., которая в случае удовлетворения требований последнего должна бы заменить ребенку мать, не знает ребенка, к тому же, будучи студенткой техникума, лишена возможности уделить то внимание ребенку, какое уделяет ему бабушка К. А. П. В-пятых, сам Ш. В. И. на момент рассмотрения дела откомандирован для прохождения службы в отдаленную местность и, таким образом, лично участвовать в воспитании ребенка не может. В свою очередь, как следует из заключения отдела народного образования бабушка девочки, напротив, имеет в квартире две комнаты для проживания вдвоем с внучкой, создала все условия, в том числе и материальные, для соответствующего воспитания ребенка, который чувствует к ней привязанность, как к матери.

Верховный Суд СССР указал, что при разрешении вопроса о передаче детей на воспитание от одного лица другому суд в силу ст. 44 КЗоБ-СО РСФСР 1926 года не связан формальным правом родителей и должен исходить при этом исключительно из интересов детей. Верховный Суд РСФСР в заседании от 30 августа 1949 года отклонил протест прокурора СССР, так как сам по себе факт более хорошей материальной обеспеченности отца ребенка не является обстоятельством, достаточным для удовлетворения требования о передаче ему ребенка на воспитание, признав условия для воспитания, созданные бабушкой девочки, наиболее отвечающими интересам ребенка⁷.

Анализ данного дела показывает, что в 1940-х годах суды выносили достаточно аргументированные решения по спорам о воспитании ребенка. Суды, принимая решение об оставлении ребенка на воспитании у бабушки, в качестве решающих факторов в данном деле сочли следующие: 1) характер отношений между ребенком и потенциальным воспитателем; 2) нравственные качества (искреннее желание бабушки заботиться о внучке и корыстный мотив отца «спастись» от уплаты алиментов); 3) семейное положение потенциального воспитателя; 4) фактическую возможность заниматься воспитанием ребенка; 5) жилищные условия. Советские ученые В. А. Рясенцев и Г. М. Свердлов, анализируя практику Верховного Суда СССР, отмечали, что не являлось решающим в спорах о детях превосходство материального положения той или иной стороны в плане получаемых доходов, так как недостаточные средства лица, у которого ребенок находит-

⁷ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 30 августа 1949 года по делу № 36/981 // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 12. С. 39–40.

ся на воспитании, должны были восполняться за счет алиментов на содержание ребенка. Кроме того, родитель, отдельно проживающий от ребенка, был вправе снабжать его дополнительными материальными средствами. В свою очередь, жилищные условия имели гораздо более существенное значение [4, с. 145; 10, с. 200–201]. Данный тезис нашел подтверждение и в проанализированном нами деле.

Также интересным с правовой точки зрения представляется *дело, в котором спор о воспитании детей возник между разводящимися супругами*. Сталинградский областной суд 6 апреля 1950 года удовлетворил иск гражданина Ч. о расторжении брака, оставил дочь Т., 1939 года рождения, на воспитание отцу, а сына Ю., 1941 года рождения, постановил передать матери. Верховный Суд РСФСР 29 мая 1950 года оставил в силе судебное решение в части передачи по одному ребенку на воспитание каждому из родителей. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР сочла решение суда первой инстанции ничем не мотивированным. Верховный Суд СССР указал на наличие привязанности детей друг к другу и на сформированность практически одинаковых условий для надлежащего воспитания у каждого из родителей. Кроме того, Генеральный прокурор СССР предоставил дополнительные материалы о том, что оба ребенка желают проживать вместе с отцом, а с матерью жить отказываются. Еще до расторжения брака супруги жили раздельно, а дети проживали с отцом, а сын Ю. даже не помнит свою мать. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР 29 ноября 1950 года отправила данное дело на новое рассмотрение⁸. Таким образом, в 1940-х годах встречались недостаточно мотивированные решения по спорам о воспитании, но это было уже достаточно редким явлением в отличие от 1920-х годов, с которым эффективно «боролись» высшие судебные инстанции. В данном деле решающими факторами выступили характер отношений между ребенком и потенциальным воспитателем и привязанность детей друг к другу.

Применяя метод обобщения, мы можем увидеть, что суды советского периода в рамках дел о передаче ребенка на воспитание в целях соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка руководствовались в качестве решающих следующими *факторами*: 1) характером отношений между ребенком и потенциальным воспитателем; 2) жилищными условиями; 3) нравственными качествами; 4) семейным положением; 5) фактической возможностью заниматься воспитанием ребенка; 6) мнением ребенка; 7) привязанностью ребенка к братьям и сестрам.

Необходимо обратить внимание, что именно в первые годы советской власти при разрешении дел о воспитании начала применяться правоприменительная презумпция преимущественного права матери на оставление

⁸ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 29 ноября 1950 года по делу № 36/1193 // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1951. № 2. С. 41–42.

у нее ребенка дошкольного возраста (при отсутствии исключительных обстоятельств, препятствующих этому).

После принятия в 1928 году Положения об органах опеки и попечительства рассмотрение дела происходило на более профессиональном уровне, так как к участию в делах о воспитании привлекались органы опеки и попечительства. До этого рассмотрение дел о воспитании было крайне формальным. Исследование доказательств должным образом не производилось. Также ни законодатель, ни правоприменитель не требовали производить специализированными органами обследование жилищных условий родителей при выборе того из них, кто будет воспитывать ребенка в случае расторжения брака. В судебных актах отсутствовало и надлежащее обоснование принятого судом решения. В большинстве случаев дети оставались по умолчанию с матерями, несмотря на то что отцы также претендовали на их воспитание.

В свою очередь, можно прийти к выводу, что система критериев для разрешения дел о передаче ребенка на воспитание в ходе советской правоприменительной практики начала активно формироваться с 1928 года в связи с участием в таких делах органов опеки и попечительства. Это позволило постсоветскому законодателю разработать норму о факторах, имеющих юридическое значение при разрешении дел о передаче ребенка на воспитание, которая нашла свое отражение в абз. 2 п. 3 ст. 65 СК РФ: «При отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. При этом суд учитывает привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род деятельности, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и другое)».

Однако, на наш взгляд, исходя из накопленного судебной практикой правоприменительного опыта за 1920–1940 годы, возведение в букву закона факторов выбора судом субъекта воспитательного воздействия для ребенка могло произойти гораздо раньше – в тексте КЗоБСО 1926 года и в тексте КоБС 1969 года. Отсутствие указанных факторов в законодательстве является своего рода упущением советского законодателя, которое позволяло судам решать споры о воспитании детей без анализа и учета необходимых данных, что особенно сильно было распространено в первые годы советской власти.

Ссылки

1. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77, ст. 818 (утратил силу в связи с изданием Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 07.03.1927).

2. Кодекс законов о браке, семье и опеке (введен в действие Постановлением ВЦИК от 19.11.1926) // СУ РСФСР. 1926. № 82, ст. 612 (утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 16.01.1970).
3. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. законом РСФСР от 30.07.1969) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. С. 43 (утратил силу в связи с принятием СК РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ и ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ).
4. Рясенцев В. А. Семейное право: учебник. М.: Юридическая литература, 1967. 224 с.
5. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 385–388.
6. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Заключена в г. Женеве 12.08.1949) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами.. М., 1957. Вып. 16. С. 204–280.
7. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 7. С. 68–84. DOI 10.12737/jrl.2022.073
8. Положение об органах опеки и попечительства (утв. Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 18.06.1928) // СУ РСФСР. 1928. № 75, ст. 524 (утратило силу 16.01.1970).
9. Полянский П. Л., Яковлева В. А. Инструкция об организации и порядке деятельности подразделов опеки 1919 года // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. № 2. С. 90–109.
10. Свердлов Г. М. Советское семейное право: учебник. М.: Юридическая литература, 1958. 295 с.

The content and specifics of the microstructural organization meta-thinking (article two)

A. V. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-446-463

Research article
Full text in Russian

The paper presents theoretical and experimental materials aimed at solving one of the main problems of modern metacognitivism: the question of the existence of independent content in the main metacognitive processes, as well as its specificity in relation to cognitive processes. The main result of the considered experimental results is the substantiation of a positive solution to this issue and proof that additional procedural content is generated in the main metacognitive process – meta-thinking. It is shown that the meaning and functional purpose of this content is to expand the resource capabilities of the cognitive subsystem of the psyche. The determinative role of synergetic effects of the organization of basic mental operations in relation to the individual measure of the development of meta-thinking is revealed.

Keywords: meta-thinking; structure; thinking; organization; metacognitivism; metacognitive processes; structural patterns

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Anatoly V. | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Doc. Sc. (Psychology), Professor, Corresponding Member
of RAO

Funding: Russian science foundation (project 21-18-00039).

Содержание и специфика микроструктурной организации процесса метамышления (статья вторая)

А. В. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-446-463
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены теоретические и экспериментальные материалы, направленные на решение одной из главных проблем современного метакогнитивизма – вопроса о существовании у основных метакогнитивных процессов самостоятельного содержания, а также о его специфике по отношению к когнитивным процессам. Основным итогом полученных экспериментальных результатов является обоснование позитивного варианта решения данного вопроса и доказательство того, что в основном в метакогнитивном процессе – метамышлении – генерируется дополнительное процессуальное содержание. Показано, что смысл и функциональное предназначение этого содержания состоит в расширении ресурсных возможностей когнитивной подсистемы психики. Выявлена детерминационная роль синергетических эффектов организации базовых мыслительных операций по отношению к индивидуальной мере развития метамышления.

Ключевые слова: метамышление; структура; мышление; организация; метакогнитивизм; метакогнитивные процессы; структурные закономерности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Анатолий | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Викторович | Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Финансирование: Российский научный фонд (проект № 21-18-00039).

I

В работе [1] были рассмотрены результаты, полученные при исследовании важного в теоретическом отношении вопроса о структурной организации одного из основных метакогнитивных процессов – метамышления. Его значимость обусловлена прежде всего тем, что он непосредственно сопряжен с решением, пожалуй, наиболее сложной и в то же время определяющей проблемы всего метакогнитивизма – проблемы обоснования самостоятельности статуса метапроцессов как такового. Это, в свою очередь,

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

требует доказательства наличия у них дополнительного специфического содержания. Лишь в этом случае можно говорить об их несводимости – нередуцируемости к содержанию тех «первичных» когнитивных процессов, на основе которых они базируются и продуктами качественных трансформаций которых они выступают. Резюмируя полученные в данной работе результаты исследования этого вопроса, напомним, что их наиболее общий и принципиальный смысл как раз и состоит в том, что все они должны быть рассмотрены как аргументы в пользу позитивного решения данного вопроса. Действительно, разными путями и различными экспериментальными средствами в ней было показано, что содержание процесса метамышления в целом не может быть сведено к содержанию «первичного» процесса – мышления, продуктом усложнения которого оно является. На уровне этого «вторичного» процесса генерируются новые процессуальные характеристики, обуславливающие дополнительное по отношению к самому «первичному» процессу содержание. В самом деле, в работе [1] было показано, что в основе процесса метамышления лежит механизм функциональной обратимости. По отношению к процессу метамышления как «вторичному» он реализуется посредством специфического типа его организации – через автовзаимодействие двух основных модусов мышления – агрегативного, представленного как аддитивная совокупность его основных операций, и интегративного, представленного как их общая организация, то есть как их системный синтез. В первом модусе мышление выступает как активный оператор, а во втором – как относительно пассивный операнд. В ходе автовзаимодействия двух базовых модусов «первичного» процесса мышления имеет место разворачивание средств собственно интегративного типа, приводящих к возникновению эффектов синергетического плана, которые, в свою очередь, приводят к генерации дополнительного процессуального содержания, не представленного в каждом из интегрируемых модусов. Порождение этого дополнительного содержания является доказательством наличия у метамышления как «вторичного» – метакогнитивного – процесса качественной специфичности по отношению к тому «первичному» процессу, на основе которого он формируется – мышлению. Однако эта специфичность не отрицает качественной определенности самого «первичного» процесса, а, напротив, конституируется посредством ее трансформации и качественного усложнения. Все полученные в работе [1] результаты могут и должны быть рассмотрены как аргументы в пользу позитивного решения вопроса о наличии у метамышления специфического процессуального статуса. В свою очередь, это содействует рению наиболее общего и принципиального вопроса всего метакогнитивизма – вопроса о содержании его предмета в целом и критериях его демаркации в особенности.

Вместе с тем все эти результаты, равно как и их интерпретация, с логической необходимостью приводят к постановке новых и также значимых вопросов, причем таких, которые непосредственно обусловлены самими

этими результатами, то есть выявленными в работе [1] особенностями метамышления. Другими словами, именно эти особенности и лежащие в их основе закономерности сами требуют своего дальнейшего исследования – выявления и объяснения их смысла и содержания, что и составляет основную цель данного исследования.

II

В самом деле, главный и наиболее общий из этих результатов, повторяем, состоит в том, что в процессе метамышления генерируется дополнительное, специфическое ему содержание. В свою очередь, в его основе лежат значимые взаимодействия, развертывающиеся между двумя его базовыми модусами и, не исключено, уровнями организации. Действительно, поскольку его главная особенность состоит в том, что он базируются на принципе (и даже механизме) операндно-операторной обратимости, то именно он и должен быть использован как средство его изучения. Конкретно это означает, что исследованию должно подлежать взаимодействие именно этих двух модусов «первичного» процессе, которое и порождает «вторичный» процесс. Следовательно, процедура исследования должна предполагать необходимость и возможность экспликации его и операторного и операндного модусов. В связи с этим, однако, совершенно очевидно, что операторный модус образован тем, что и составляет сущность любого процессуального образования, – его *операционным составом*. Наряду с этим, столь же понятно, что операндный модус также эксплицируется естественным образом в итоговых, результативных проявлениях и эффектах процесса мышления, в качестве которых выступает *интеллект* как таковой. В силу этого исследованию должны быть подвергнуты взаимодействия между двумя основными модусами мышления, выступающими одновременно и как уровни его организации. Первый – базовый, операторный (агрегативный) уровень, на котором оно представлено как совокупность его операционного состава. Он, в свою очередь, эксплицирует его собственно операционный аспект общего: в нем «первичный» процесс – мышление – представлен в составе «вторичного» процесса – метамышления в статусе активного *оператора*. Второй – производный, операндный уровень (интегративный). На нем оно же эксплицируется как целостность, как эффект и следствие собственно системной организации; мышление представлено уже в ином статусе – в его результативном проявлении и, следовательно, как относительно пассивный *операнд*, то есть уже не то, *чем познается*, а тем, *что познается*. Однако в связи с этим возникает вопрос, каково содержание и, более того, смысл этого взаимодействия и, следовательно, предназначение самого дополнительного процессуального содержания, которое порождается вследствие него? Если обнаруженное в предыдущей работе взаимодействие в микроструктурной организации метамышления этих двух модусов выступает механизмом его порождения, то каков, так сказать, «механизм этого механизма», т. е. на основе чего и благодаря

чему он становится возможным и в чем его функциональная роль в общей организации психических процессов?

В плане решения данного вопроса целесообразно вновь обратиться к одному из полученных в работе [1] результатов и подвергнуть его дальнейшей интерпретации. Напомним также, что в целях решения данного вопроса был использован следующий методический прием. В первом из указанных модусов – операторном – мышление образовано вполне специфическим операционным составом [2]. Тем самым в этом модусе мышление должно быть представлено как совокупность основных мыслительных операций, которая и должна выступить средством его экспериментальной экспликации. Существенно меньшие сложности сопряжены с операционализацией предмета во втором модусе – операндном. Дело в том, что именно в нем он, как правило, и представлен в его результативном проявлении – в интеллекте как таковом. Интеллект – это и есть во многом или даже в его определяющем плане результативный аспект мышления как процессуального образования, хотя, конечно, он включает и ряд иных собственно когнитивных составляющих, соотносящихся с другими когнитивными процессами. Тем не менее важнейшую и определяющую роль в его структуре играет все-таки мышление. Поэтому для количественной экспликации двух модусов мышления использовались показатели диагностики совокупности мыслительных операций, с одной стороны, и интеллекта – с другой. Как было показано в отмеченной работе, между этими модусами существуют значимые взаимодействия, которые могут быть эксплицированы в том числе и средствами факторного эксперимента. Так, на рис. 1 представлены данные, полученные при его реализации.

Они уже были предметом нашего рассмотрения в указанной работе; однако именно они являются необходимыми и во многом достаточными для решения и того вопроса, который сформулирован выше. В самом деле, если вновь обратиться к ним, точнее, к коэффициенту взаимодействия между двумя факторами (в данном случае – двух модусов мышления), то можно констатировать следующую очень показательную картину.

Расчеты, произведенные на основе представленных выше данных, показывают, что на долю автономного влияния фактора, связанного с агрегативным (операторным) модусом, приходится $(69,5 - 59,5) = 10$ единиц «внешнего критерия»; на долю автономного влияния фактора, связанного с интегративным (операндным) модусом, – $(71,5 - 57,5) = 14$ единиц. Отметим, что обе эти величины являются статистически значимыми ($p < 0,05$). Вместе с тем наиболее показательно, что коэффициент взаимодействия между этими факторами, то есть между операторным и операндным модусами (кАМ x ИМ), определенный по известному методу вычисления «разности двух разностей» [3], равен

$$\text{кАМ x ИМ} = (55 - 64) - (60 - 79) = 14 \text{ единиц.}$$

	A ⁻	A ⁺
I ⁻	A ⁻ I ⁻ (1 подгруппа)	A ⁻ I ⁺ (2 подгруппа)
I ⁺	A ⁻ I ⁺ (3 подгруппа)	A ⁺ I ⁺ (4 подгруппа)

	A ⁻	A ⁺	
I ⁻	64	73	68,5
I ⁺	67	89	76,5
	66,5	81	

а
б

Рис. 1 Факторный план эксперимента (а) и результаты экспериментальной деятельности в подгруппах с различными сочетаниями выраженности агрегативного (А) и интегративного (И) модусов (б)

Обозначения: знаки «-» и «+» символизируют соответственно минимальный и максимальный уровни значений рассматриваемых факторов, то есть степени выраженности этих процессов; в ячейках плана указаны сочетания значений факторов, на основе которых формировались экспериментальные подгруппы (а) и значения результатов деятельности в процентном отношении правильно выполненных заданий к их общему числу (б). 68,5 и 76,5 – средние значения по строкам; 65,5 и 81 – средние значения по столбцам.

Он также является статистически значимым ($p < 0,05$). Следовательно, между рассматриваемыми процессами имеет место значимое взаимодействие – их взаимовлияние друг на друга. Вместе с тем показателен также тип, то есть характер этого взаимодействия. Оно, как можно видеть из представленных результатов, принадлежит к «расходящемуся» типу [2]. В свою очередь, это свидетельствует о *взаимоусиливающей – фасилитирующей* (каталитическом) – взаимодействии факторов по отношению друг к другу в плане детерминации ими тех или иных результативных проявлений (в данном случае результатов выполнения экспериментальной деятельности). В самом деле, при минимальном значении операторного модуса влияние операндного модуса на показатели критерия равно $(64 - 55) = 9$ единицам; при максимальном же значении операторного модуса оно равно уже $(79 - 60) = 19$ единицам, то есть более чем в 2 раза больше. Следовательно, первый фактор (операторный) оказывает именно фасилитирующее, то есть усиливающее влияние на действие второго фактора (операндного). Однако имеет место и такое же по направле-

ности влияние со стороны второго фактора на первый: при минимальном значении операндного модуса влияние операторного модуса на показатели критерия равно $(60 - 55) = 5$ единицам; при максимальном же значении опрандного модуса оно равно уже $(79 - 64) = 15$ единицам, то есть в 3 раза больше. Подчеркнем также, что все три значения (два, свидетельствующие об «автономных влияниях» рассмотренных факторов, и одно – об их взаимодействии) являются статистически значимыми. Кроме того, коэффициент взаимодействия между ними не только статистически значим, но и равен одному из автономных влияний (со стороны метапамяти).

По нашему мнению, этот результат не только имеет наиболее принципиальное значение, но и в существенной степени объясняет смысл самого взаимодействия между двумя базовыми модусами «первичного» когнитивного процесса, который и был исследован, – мышления. Дело в том, что он непосредственно свидетельствует о смысле и функциональном предназначении развертывающихся взаимодействий между ними как таковых. Они направлены на то, чтобы расширить функциональные возможности, увеличить «потенциал действия» самого этого процесса (и даже предназначены для этого), а тем самым увеличить ресурсные возможности субъекта по реализации когнитивных функций. Собственно говоря, именно это вполне созвучно и основным положениям одного из наиболее конструктивных подходов, оформившихся в русле метакогнитивизма, – ресурсного [4–8]. Его смысл как раз и заключается в том, что метакогнитивные процессы рассматриваются в качестве средств расширения функциональных возможностей когнитивной сферы и субъектного ресурса в целом. Полученные результаты следует поэтому рассматривать в более общем теоретическом контексте и интерпретировать их в качестве таких, которые как раз и дают уже не только теоретическое, но и *экспериментальное* обоснование принципиально ресурсной направленности взаимодействий в рамках микроструктурной организации метамышления.

III

Далее, очень характерно, что именно это заключение находит свое дополнительное подтверждение и развитие в еще одном выполненном нами исследовании и полученном в нем результате, смысл которого состоит в следующем. По отношению к результатам диагностики степени развития основных операций был применен метод определения матриц интеркорреляций. Причем это было осуществлено для трех разных групп испытуемых, дифференцированных по параметру индивидуальной меры выраженности самого метамышления (то есть для групп с относительно наиболее низким, средним и относительно наиболее высоким значением выраженности). На основе полученных результатов были построены структурограммы когнитивных операций в трех исследованных группах. Это означает, что фактически были найдены структуры, присущие организации основ-

ных операций, лежащих в основе метамышления на разных уровнях его собственного развития. На рис. 2 представлены структурограммы операций для «полярных» групп – с минимальной и максимальной мерой выраженности метамышления.

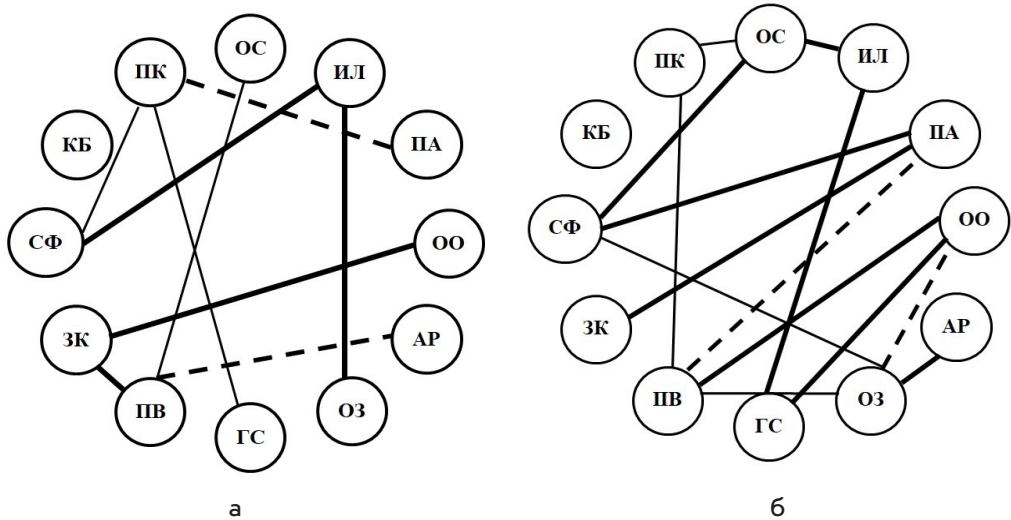

Рис.2. Структурограммы операций для «полярных» групп – с минимальной (а) и максимальной (б) мерой выраженности метамышления

Обозначения: ОС – осведомленность, связанная с определением информационной базы, на которой реализуется вся совокупность мыслительных операций; ИЛ – исключение лишнего, являющееся предиктором сформированности индуктивных операций; ПА – поиск аналогий как предиктор операций аналогизирования; ОО – определение общего как индикатор операций абстрагирования и обобщения; АР – арифметический тест как предиктор операций анализа; ОЗ – определение закономерностей как индикатор операций анализа и синтеза; ГС – геометрическое сложение как предиктор операций абстрагирования по отношению к пространственному материалу; ПВ – пространственное воображение как предиктор операций обобщения пространственных отношений; ЗК – завершение картинок как индикатор дедуктивных компонентов мышления, связанных с операциями конкретизации; СФ – складывание фигур как предиктор операций зрительного обобщения; КБ – конструирование блоков как предиктор операций синтеза; ПК – последовательные картинки как индикатор операций экстраполяции и конкретизации.

В таблице 1 представлены значения структурных индексов, вычисленные для каждой из трех полученных структурограмм.

Таблица 1

Значения структурных индексов в трех «полярных» подгруппах испытуемых

Индексы	Уровень развития метамышления		
	Минимальный уровень развития метамышления	Средний уровень развития метамышления	Максимальный уровень развития метамышления
Индекс когерентности структуры (ИКС)	18	16	30
Индекс дивергентности структуры (ИДС)	4	2	4
Индекс организованности структуры (ИОС)	14	14	26

Анализ этих материалов позволяет сделать следующие основные заключения. Во-первых, можно видеть, что значения индексов, свидетельствующих о степени интегрированности структурной организации (ИКС, ИОС), существенно и, как показали расчеты, статистически значимо на $p < 0,05$ выше в третьей группе испытуемых – с наибольшей степенью выраженности метамышления. Одновременно они принимают наименьшие значения в первой группе – с относительно наименьшей его выраженностью. Иными словами, можно констатировать существование следующей, по-видимому, основной закономерности. Мера выраженности метамышления является прямой функцией от *степени* организованности операций, на основе которых оно само в конечном счете и базируется. Следовательно, организационные процессы и, соответственно, возникающие вследствие них эффекты синергетического типа, которые имеют место при этом, прямо и значимо связаны с общей выраженностью метамышления и, скорее всего, лежат в основе самой этой выраженности. Другими словами, данный результат выявляет обстоятельство наиболее принципиального плана: степень развития, мера выраженности метамышления непосредственно связана со степенью организации в его составе основных операций и, по-видимому, *определяется* ею. Эффекты синергетического типа, которые возникают вследствие этой организации, обуславливают генерацию дополнительного процессуального содержания, которое наиболее специфично именно метамышлению. Одновременно сами операции обнаруживают свой статус как базовых компонентов метамышления, но при усло-

вии их закономерной соорганизации, то есть на уровне их интегративной целостности.

Во-вторых, найденные матрицы были подвернуты сравнительному анализу на предмет их гомогенности – гетерогенности по критерию χ^2 . В результате установлено, что они не являются гетерогенными, то есть качественно разнородными в этих группах, а различаются только в количественном отношении; они различаются не по их принципиальной архитектонике, не по содержанию и структуре связей, а именно по степени их представленности, выраженности, «силы». По своему содержанию они остаются инвариантными при разных степенях выраженности метамышления, что свидетельствует об их действительно общем и достаточно глубинном характере. Однако, как известно, именно они как раз и лежат в основе генеративно-порождающих эффектов, благодаря которым во многом вообще на основе той или иной «элементной базы» и формируется новое качество, трансформирующее агрегативную совокупность элементов в их интегративную целостность. Обратим внимание на то, что данный результат несколько противоречит априорным ожиданиям, поскольку логичнее было бы прогнозировать существование именно качественных различий между группами, носящими именно «полярный», то есть существенный характер. В этом, однако, заложен важный смысл: любое развитие, в том числе развитие метамышления, должно характеризоваться прежде всего кумулятивным характером тех результатов («достижений»), к которым оно приводит на различных этапах. В особой мере это относится именно к тем базовым средствам и механизмам, на основе которых и осуществляется такое развитие – к операциям, а также к их общей структуре. Гораздо более эффективным и действенным является именно ее прогрессивная оптимизация и последовательное совершенствование, а не ее перманентные трансформации; эволюционное развитие, а не «революционные» преобразования. Это и проявилось в полученных результатах.

IV

Итак, представленные данные действительно свидетельствуют о том, что содержание «вторичного» процесса метамышления несводимо к аддитивной совокупности операций, которые составляют содержание операционного состава «первичного» процесса мышления и на основе которых оно формируется. Тем самым, однако, обнаруживается еще более значимый в плане основных задач данной работы факт: на основе операторного (агрегативного) модуса, представленного совокупностью основных операций, посредством его взаимодействия с операндным – интегративным – модусом формируется процессуальное содержание метамышления как таковое. Причем оно выражено тем в большей мере, чем более представлены сами эффекты взаимодействия этих модусов. Индивидуаль-

ная мера выраженности метамышления определяется не только суммой потенциалов отдельных операций, но и эффектами их структурирования и организации. В результате этого возникают специфические для любой интеграции эффекты супераддитивности, формируется дополнительное операционно-процессуальное содержание, не позволяющее редуцировать его до простой суммы тех «составляющих» (операций), на основе которых он и реализуется.

Разумеется, полученные данные, а также их интерпретация не только допускают, но и требуют их еще более детализированного анализа и осмысления. В самом деле, они требуют экспликации и объяснения того, каким образом и на основе каких механизмов реализуется сама организация – синтез и интеграция операций как базовых компонентов и «первичного» когнитивного процесса (мышления), и «вторичного» процесса – метамышления. Какова, так сказать, «ткань» этой интеграции и каким образом комплексируются операции как основные единицы когнитивного плана. Понятно также, что эти и сходные с ними по содержанию вопросы еще более сложны и пока нет достаточных оснований для исчерпывающего ответа на них. Тем не менее определенные суждения по ним можно сформулировать уже сейчас. Так, прежде всего обратим внимание на то, что все выявленные выше трансформации, все особенности и закономерности, феномены и эффекты, сопряженные с организацией процессов метамышления, разворачиваются «в пределах» самого мышления как той онтологической базы, на основе которой оно и складывается. Иными словами, для порождения метамышления вовсе не требуется привлечения каких-либо дополнительных средств и ресурсов извне; для этого вполне достаточно того потенциала, который заложен в самом «первичном» процессе. Прирост же функциональных возможностей, достигаемый за счет формирования метамышления, обеспечивается исключительно за счет средств организационного плана, состоящих в обретении совокупностью операций все более эффективных форм и уровней интеграции. Элементарная база мышления остается постоянной, а меняется форма и мера ее организации, что и приводит к возникновению новых уровней. Формируется не только само специфическое процессуальное образование – метамышление, но и уровень, точнее, метауровень в когнитивной подсистеме психики в целом. Кроме того, отсюда следует также, что операции – это такие образования, которые вовсе не являются ни простыми, ни элементарными, а напротив, выступают в качестве весьма сложных. Именно в силу своей сложности они и содержат в себе достаточные условия для формирования за счет их собственных возможностей и ресурсов, так сказать, за счет «внутренних средств» всех иных образований, в частности «вторичных», то есть метакогнитивных. Сама их суть состоит в том, что в них заложены все необходимые и достаточные условия для их собственного развития,

для их качественных трансформаций, в том числе и для формирования на их основе «вторичных» – метакогнитивных – процессов.

V

Далее, следует учитывать, что операционный состав мышления характеризуется принципиальной гетерогенностью. Так, например, в нем дифференцируются *базовые* – основные операции, в качестве которых выступают хорошо известные операции анализа, синтеза, абстрагирования, обобщения, конкретизации, сравнения и др. Однако столь же несомненен и факт того, что в его составе объективно представлены и более сложные, причем также очень широко распространенные операции. Они также имеют подчеркнуто абстрагированный от конкретного содержания мышления «надпредметный» характер; это, скажем, классификация, сериация, аналогизирование, перенос и др.

Наряду с этим, не менее существенно, что операции второго типа формируются на основе синтеза – комплексирования основных, то есть своего рода «первичных» операций и, следовательно, выступают как «вторичные». С этих позиций достаточно неожиданной, но очень доказательной для развиваемых здесь представлений стороной раскрывается один из наиболее важных механизмов функциональной организации мышления, охарактеризованный в свое время С. Л. Рубинштейном. Это механизм, который сам автор обозначил как «анализ через синтез» и который он рассматривал не просто как важный, а как «основной нерв мышления» [2]. Его суть, напомним, состоит в следующем. «Поставленная проблема во всем многообразии своих объективных свойств и принципов включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом, как бы “вычерпывается” все новое содержание, она как бы поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выявляются все новые свойства» [2]. Однако совершенно очевидно, что этот механизм выступает очень важным, но все же *частным* случаем общего механизма синтезирования операций и формирования в результате «вторичных» операций. Данный факт позволяет выявить обстоятельство еще более принципиального характера. Оно состоит в том, что, наряду с отмеченным, уже известным метаоперационным образованием, в психологии мышления достаточно давно дифференцированы и иные подобные ему образования. Это, в частности, такие составные, то есть метаоперационные образования, как, скажем, конкретизирующая абстракция или описанный в [9] «синтез через анализ». Все это показывает, что операции могут реализовываться в отношении самих же себя; имеет место «удвоение» операционного состава и формирование на основе «первичных» операции «вторичных» операций, то есть своего рода метаопераций. Другими словами, можно констатировать тот же самый принципиальный механизм, который лежит в основе формирова-

ния любого метакогнитивного процесса, – механизм *функциональной обратимости*. Не менее важно в свете всех этих явлений зафиксировать и то, что этот механизм, на основе которого базируются все метакогнитивные процессы, представлен и на более элементарном уровне – собственно операционном. В этом случае он выступает как механизм *операционной обратимости*. Именно он, по-видимому, лежит в основе всех иных форм и уровней функциональной обратимости, прежде всего процессуальной. За счет него и на его основе разворачиваются все иные генеративно-порождающие средства, приводящие в итоге к формированию всех иных метакогнитивных процессов. В связи с этим следует полагать, что практически любой «первичный» когнитивный процесс, обращенный сам на себя, выполняет продуктивные функции уже не только в отношении переработки информации, но и в отношении преобразования и даже «строительства» самого себя. С этой точки зрения метамышление выступает как своеобразный «функциональный орган», порождаемый мышлением как средство его же собственного усиления и расширения потенциала, а в целом развития и совершенствования

Кроме того, следует акцентировать внимание еще на двух важных в теоретическом плане положениях. Так, одно из них состоит в том, что «первичные» когнитивные процессы могут не только менять, но и фактически инвертировать свой базовый статус – статус операционных образований: они могут выступать не активными реализаторами – операторами, а тем, на что направлены сами операционные воздействия, то есть относительно пассивными операндами [2, 9–11]. Другое положение заключается в том, что, вследствие предыдущей особенности, они обретают новую и, по существу, уникальную способность – быть направленными и реализованными в отношении самих же себя. В свете данной особенности очень важно подчеркнуть, что эти свойства присущи, разумеется, тому или иному «первичному» процессу (например, мышлению) не только в целом, но и тем основным компонентам, из которых он состоит – операциям. В силу этого не только мышление в целом, но и любая его локальная, но одновременно и базовая «составляющая», то есть операция, обретает способность к удвоению. На основе этого складываются операции «второго» порядка – метаоперации, а также, по-видимому, и операции еще более высоких порядков.

Следовательно, наряду с собственно операционным уровнем организации, существует еще один уровень – метаоперационный. В связи с существованием этого уровня и его закономерными, причем генеративно-порождающими межуровневыми связями с операционным уровнем, отношения «просто» мышления и метамышления раскрываются как сами эти *межуровневые* взаимодействия. По-видимому, мышление, обращенное самое на себя, то есть операции, реализуемые в отношении их же самих, выполняют при этом продуктивные функции уже не только в отношении переработки информации, но и в отношении «строительства» само-

го мышления. С этой точки зрения метамышление выступает, повторяем, как своеобразный «функциональный орган», порождаемый мышлением как средство его же собственного усиления и расширения потенциала, а в целом развития и совершенствования. Оно выступает как продукт «оборачивания» операционно-процессуального содержания мышления (как «первичного» когнитивного процесса) на самое себя и продуцирования на этой основе новых возможностей.

VI

Таким образом, можно видеть, что именно операции выступают базовыми компонентами организации процессуально-психологических образований. В связи с этим следует обязательно учитывать, что одним из важнейших свойств самих компонентов систем, в том числе процессуальных, являются имманентно присущие им генеративно-порождающие интенции – своего рода способность к саморазвитию, самотрансформации и порождению на этой основе новых структурных образующих. Особо важно, что необходимые и достаточные условия для этого содержатся в самой совокупности компонентов: новые структурные уровни формируются не за счет привнесения дополнительного содержания извне, а именно за счет новой организации совокупности компонентов. Однако трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что именно это не только имеет место в организации процесса метамышления, но и составляет самую его суть. Вместе с тем именно за счет этого порождается и новое качество, возникает новая качественная определенность: если первичные операции или операции «первого порядка» образуют качественную определенность мышления, то метаоперации лежат в основе порождения иной качественной определенности – содержания метамышления. Вследствие этого появляются новые уникальные и практически неограниченные возможности процедуральной организации переработки информации, образованные различными вариантами синтезирования «первичных» операций. Сам же состав метаопераций выступает как значительно более обширный, чем состав «первичных» операций. Более того, он, как подчеркивалось выше, является принципиально открытым, поскольку предполагает возможность возникновения все новых паттернов, образуемых синтезами «первичных» компонентов (в данном случае – операций).

Наконец, представленные выше результаты должны быть осмыслены и в еще одном весьма общем и потому значимом аспекте. Известно, что одной из важнейших особенностей организации сложных систем является их способность использовать промежуточные *результаты* своего функционирования в качестве *оснований* (условий и факторов, детерминант и предпосылок) его организации, но на последующих этапах развертывания [5, 12]. Результаты, генерируемые системой на какой-либо фазе функционирования, меняют свой статус и становятся факторами орга-

низации процесса, но уже на других последующих его фазах [5, 9]. Имеет место явление (точнее, по-видимому, механизм), обозначаемое как «погружение результата в процесс». Результативные эффекты меняют свой статус: они становятся уже не результативными, а посылочными факторами. При этом они используются как средства, как новые, полученные самой же системой возможности для ее дальнейшего функционирования, но уже на последующих его фазах. Точно так же и промежуточные частные результаты тех или иных операций, фиксируясь, затем используются в реализации последующих операций, но уже в качестве их процессуальных детерминант, условий и факторов их осуществления. Кроме того, важной является и способность не только использования частных, парциальных результатов для организации процесса осуществления. Дело еще и в том, что эти результаты вначале активно *порождаются* именно для обеспечения такого функционирования, а затем и на основе этого *используются* в нем.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что по отношению к метакогнитивным процессам в целом и метамышлению в особенности эта закономерность приобретает максимальную выраженность. Дело в том, что она переводится на уровень осознания: она не только «распознается и улавливается» субъектом как нечто существующее и могущее использоваться в качестве операционного средства, но и реально используется им, причем именно на осознаваемом уровне, на уровне собственно произвольной регуляции. В результате этого очень многочисленные феномены метакогнитивного плана перестают быть только лишь эпифеноменами и становятся реальными и действенными средствами собственно операционного плана.

Таким образом, можно видеть, что важная особенность функциональной организации метакогнитивных процессов в целом и метамышления в особенности состоит в следующем. Во-первых, в ней находит свое непосредственное воплощение не какая-либо, пусть важная, но все же относительно частная, особенность функциональной организации всех процессуальных образований психики, а ее объективно главная закономерность – самообогащение, «самостроительство» процесса за счет использования промежуточных результатов в качестве факторов процессуального развертывания. Во-вторых, эта закономерность приобретает здесь качественно новую форму: она переводится на уровень осознаваемого, произвольно контролируемого использования. Метакогнитивные процессы раскрываются как закономерное следствие общей линии усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам. В то же время они знаменуют собой качественно иной, новый и более совершенный, ее тип. Их функциональная организация раскрывается как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процессуальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана

предстают с этих позиций как способы и формы дальнейшего «проникновения» процесса к своему содержанию, а частично и к закономерностям его осуществления, а на этой основе и к регуляции им самого же себя. Эта особенность, являясь общей для всех когнитивных процессов, становится по отношению к метакогнитивным процессам максимально выраженной и, более того, составляет самую их суть – обуславливает их качественную специфичность. Основной смысл и главное функциональное предназначение такой новой формы, как мы уже отмечали, состоит в том, что она порождает дополнительные возможности: она позволяет расширить общий когнитивный потенциал, а в конечном итоге содействует и повышению ментальных ресурсов субъекта деятельности.

VII

Итак, возвращаясь к исходному и главному вопросу, сформулированному в начале данной работы – к вопросу о психологическом статусе метамышления, то есть о наличии у него качественной специфичности по отношению к процессам мышления, можно предложить следующий вариант ответа на него. Вопреки априорным ожиданиям, основная трудность его решения связана не с тем, каким образом следует трактовать и раскрывать специфику метамышления, а с тем, как следует понимать и интерпретировать само мышление. Дело в том, что оно, локализуясь на высшем уровне общей иерархии когнитивных процессов, синтезирует в себе всю их совокупность, точнее, систему. Поэтому оно выступает как процесс функционирования *всей* когнитивной подсистемы психики в целом (прием не только когнитивной, но и иных ее подсистем, поскольку оно испытывает на себе модное детерминационное влияние и факторов внекогнитивного плана – мотивационных, эмоциональных, коммуникативных). Кроме того, оно, равно как и иные когнитивные процессы, может иметь в качестве своего предмета не только внешнюю *объективную* реальность, но и реальность *субъективную*, в том числе и само себя. Тем самым в результате такой обратимости генерируется метауровень внутри самого мышления и оно эксплицируется уже как метамышление. В итоге, казалось бы, излишне говорить о нем как о некотором качественно специфическом процессе. Однако сама суть уровневой организации и специфика отличий одного уровня от другого состоит именно в том, что между ними обязательно (по определению) должны существовать именно качественные различия. Точно так же и по отношению к метамышлению как новому уровню следует констатировать возникновение у него таких свойств и качеств, которые выходят за пределы качественной определенности всех иных уровней организации мышления. Можно сказать и так: мышление, не выходя за свои собственные пределы, тем не менее генерирует внутри себя такой способ организации, такую форму бытия и функционирования, которая все же некоторым образом выходит за границы его исходной качественной опре-

деленности, порождая систему процессуальных средств оперирования с самим собой. За счет этого обеспечивается расширение функциональных возможностей мышления, а также повышение его потенциала и ресурсных характеристик. Поэтому с данной точки зрения метамышление должно быть проинтерпретировано как процесс, имеющий определенную *качественную специфичность*. Кроме того, с этих позиций, то есть с позиций уровневой трактовки мышления и метамышления и понимания второго как метауровня по отношению к первому, эксплицируются и еще один важный атрибут метамышления. Оно предстает как процессуальное средство еще более интегративного процесса – процесса рефлексии, поскольку сама ее суть состоит именно в том, что она выступает именно как «мышление о мышлении», взятом в его широком смысле, то есть как эквивалент и репрезентант всей когнитивной подсистемы психики (причем не только когнитивной). Как отмечал М. Монтень, «мышление – это и есть мы сами» [13]. Наряду с этим, если учесть также, что рефлексия является базовым процессуальным средством, лежащим в основе обеспечения сознания, фактически его процессуальным модусом, то метамышление эксплицируется и в качестве процесса, обеспечивающего одно из наиболее фундаментальных и трудных для понимания свойств психики – ее спонцированность, самоданность.

Наконец, в этом плане и само направление метакогнитивизма раскрывается в несколько новом свете, точнее, в его преемственности и органичном единстве с одним из наиболее «старых» и традиционных направлений психологии в целом – интроспективной психологией, психологией сознания. Метакогнитивизм – это во многом ренессанс психологии сознания, своеобразный возврат к интроспективной традиции в лучшем понимании данного слова. И в этом плане необходимо в корне изменить тот ассоциативный ряд, согласно которому интроспекция связывается с чем-то субъективным, неточным и даже, так сказать, «плохим и ненаучным». В действительности, если «протянуть ниточку» от современного метакогнитивизма как системы взглядов о внутреннем мире через когнитивную психологию, затем – через бихевиоральные традиции, а дальше – к становлению эксперимента, то мы возвратимся все к той же психологии сознания. Круг замыкается, история повторяется и, как высказывался Г. Гегель, «вещь возвращается обратно к себе в идеальность» [14]. Причем, когда речь идет об идеальности в этом контексте, она понимается не только семантически, но даже и этимологически в том же самом плане, какой она имеет в действительности. «Сознание (как идеальность) вернулось к изучению себя», но на совершенно новом этапе развития – уже не синкретично, а подкрепленное конкретными данными о тех процессах и механизмах (метакогнитивных по своей сути), которыми оно обеспечивается.

Ссылки

1. Карпов А. В. Содержание и специфика микроструктурной организации процесса метамышления // Вестник ЯрГУ. Гуманитарные науки. № 2. 2023. С. 273–287.
2. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
3. Experimental Psychology. Methodological approach. 3rd ed. /Ed. F. J. McGuigan. Englewood Cliffs, 1978. 441 p.
4. Metacognition: Knowing about Knowing / eds.: J. Metcalfe, A. P. Shimamura. Cambridge, MA: MIT Press. 1994. 323 p.
5. Perfect T. J., Schwartz B. L. Applied Metacognition. Cambridge: CUP, 2002. 220 p.
6. Карпов А. А. Новые методики исследования метакогнитивной регуляции управленческой деятельности: М.: МПСУ, 2019. 132 с.
7. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб: Питер, 2006. 586 с.
8. Anderson J. R. Cognitive psychology and its implications. 2nd ed. N. Y.: W. H. Freeman, 1985. 521 p.
9. Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: Изд. дом РАО, 2011. 1080 с.
10. Веккер Л. М. Психические процессы. Л.: ЛГУ, 1974. Т. 1. 334 с.
11. Веккер Л. М. Психические процессы. Л.: ЛГУ, 1976. Т. 2. 341 с.
12. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: Институт психологии РАН, 2004. 602 с.
13. Монтень М. Опыты. М.: Искусство, 1978. 703 с.
14. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Философия духа. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 471 с.

Self-disclosure in the coexperiencing psychotherapy

N. V. Klueva¹ D. N. Didenko¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-464-475

Research article
Full text in Russian

The article deals with the phenomenon of self-disclosure of a counseling psychologist to a client in the process of psychological counseling. The results of an expert interview with experienced counseling psychologists practicing the “coexperiencing psychotherapy” approach are presented, which reveal that among representatives of the approach mentioned there are different views on the place of self-disclosure in the coexperiencing psychotherapy, however, the phenomenon is somehow present in the work of coexperiencing psychologists and affects relationships within the consultation.

Keywords: self-disclosure; counseling psychologist; coexperiencing psychotherapy; psychological counseling

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Klueva, Nadezhda V. | E-mail: nadejda@uniyar.ac.ru
| Doc. Sc. (Psychology), Professor

Didenko, Dmitry N. | E-mail: coexperiens@gmail.com
| Graduate

Самораскрытие в понимающей психотерапии

Н. В. Ключева¹, Д. Н. Диденко¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 1500003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-464-475
УДК 159.9

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье рассматривается феномен самораскрытия психолога-консультанта перед клиентом в процессе психологического консультирования. Представлены результаты полуструктурированного интервью с опытными психологами-консультантами, использующими подход «понимающая психотерапия», который позволяет выявить цель, содержание и способы самораскрытия, его возможности и риски. Показано влияние самораскрытия на процесс консультирования.

Ключевые слова: самораскрытие; психолог-консультант; понимающая психотерапия; психологическое консультирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ключева, Надежда Владимировна | E-mail: nadejda@uniyar.ac.ru
Доктор психологических наук, профессор,
заведующая кафедрой консультативной
психологии

Диденко, Дмитрий Николаевич | E-mail: coexperiens@gmail.com
Магистрант

*«Самораскрытие перед другим человеком –
первый шаг на пути к предательству, а преда-
тельство делает людей слабыми, не так ли?»
И. Ялом*

Введение

По данным современных исследований около 90 % практикующих психологов-консультантов осознают, что регулярно используют самораскрытие в работе с клиентами [1]. Феномен самораскрытия (self-disclosure) впервые описан и исследован с психологической точки зрения в 1958 году американским исследователем С. Джуардом, хотя он не был первым пси-

хологом, кто употребил этот термин. Дискуссии о пользе или вреде самораскрытия в процессе психологического консультирования и психотерапии были до него и продолжились после. Один из основоположников современной психотерапии З. Фрейд считал самораскрытие излишним, потому что психотерапевт должен быть только зеркалом для клиента [2]. Один из выдающихся психотерапевтов современности И. Ялом в книге «Дар психотерапии», впервые изданной в 2001 году, пишет, что желание терапевта быть непроницаемым для клиента контрпродуктивно [3, с. 38].

Самораскрытие психолога-консультанта перед клиентом – это сложный феномен, включающий в себя когнитивную и эмоциональную составляющие личности консультанта, его восприятие того, что происходит с ним и с клиентом в консультационном процессе в плане переноса и контрпереноса и того, что не говорится вслух [4].

Самораскрытие в консультировании можно различать по цели, методу и содержанию.

Целями самораскрытия могут быть: стимулирование и поддержка клиента в исследовании его жизненного мира; эмоциональная коррекция, если речь идет о травмирующем опыте; децентрализация, что помогает увидеть новые перспективы и пути решения проблем [5].

В методическом плане речь идет о том, каков должен быть объем самораскрытия и как оно должно осуществляться. При слишком продолжительном эпизоде самораскрытия психолога-консультанта возможно смещение акцента всего терапевтического процесса с клиента на психолога, поэтому предпочтительнее небольшие «интервенции» самораскрытия [6].

Самораскрытие может быть в ответ на просьбу или вопрос клиента или по воле самого консультанта. Иногда это могут быть произвольные реакции на слова клиента, которые могут шокировать или вызывать разнообразный спектр эмоций. Непроизвольные реакции, раскрывающие отношение консультанта к клиенту или его словам, не будучи обсуждены в консультационном диалоге, могут наносить вред всему процессу [7].

По содержанию самораскрытие может быть отнесено к одной из следующих тем: чувства, мысли или стратегии поведения. Этот список тем предложен исследователями К. Хилл и С. Нокс в 2003 году [8].

И. Ялом предлагает выделять три типа самораскрытия: 1) механизм терапии, 2) чувства здесь-и-сейчас, 3) личную жизнь терапевта [3, с. 39].

Изучение самораскрытия в процессе психологического консультирования до сих пор ведется преимущественно за рубежом. Отечественная наука еще предстоит уделить внимание этому феномену. Наше исследование выявляет особенности самораскрытия консультанта в одном из отечественных подходов – понимающей психотерапии.

Понимающая психотерапия – это психотехническая система, созданная выдающимся отечественным психологом Ф. Е. Василюком. Пер-

вые теоретические элементы этой системы описаны в монографии «Психология переживания», впервые изданной Ф. Е. Василюком в 1984 году [9]. Это концепции переживания, его уровней и процессов, жизненных миров и критических ситуаций в них. По словам самого Ф. Е. Василюка, теоретическими предпосылками понимающей психотерапии являются феноменологическая философия, в частности работы Э. Гуссерля и Х. Гадамера, отечественная психологическая школа Л. С. Выготского – А. Н. Леонтьева, а также логотерапия В. Франкла, гуманистическая психология и психотерапия К. Роджерса и других [10]. Ключевыми характеристиками понимающей психотерапии являются следующие. Цель и ценность – смысл, предмет – жизненный мир, проблемное состояние – критическая ситуация, продуктивный процесс – переживания, принцип деятельности психолога-консультанта – сопереживание, метод – понимание [11].

Поскольку понимающая психотерапия обращена к переживанию и оперирует пониманием, она с необходимостью предполагает присутствие самораскрытия. «Ведущий модус общения, задаваемый психотехнической единицей “понимание — сознание”, с полным правом может быть назван диалогом» [12, с. 33], – пишет Ф. Е. Василюк, рассуждая о характеристиках контакта между клиентом и терапевтом¹ в понимающей психотерапии. Едва ли можно себе представить диалог без обращения к собственным чувствам и сообщения о них в той или иной форме собеседнику. Несмотря на то что термин «самораскрытие» в трудах Ф. Е. Василюка не встречается, в них можно обнаружить указания на некоторые составляющие этого явления. Так, в статье, посвященной одной из основных «техник» понимающей психотерапии – эмпатии, он пишет, что содержанием эмпатического высказывания, помимо прочего, могут быть: реакция терапевта на переживание клиента; его отношение к клиенту и психотерапевтической ситуации в целом; настроения и чувства терапевта, не имеющие прямого отношения к ситуации здесь-и-сейчас [13]. Это и есть то, что является содержанием самораскрытия психолога-консультанта. В разработанной Ф. Е. Василюком структуре психотерапевтической ситуации, которая представляется в виде треугольника (рис. 1), между полюсами «терапевт» и «клиент» обозначена связь, названная «системой отношений между клиентом и психотерапевтом» [10, с. 30].

Этим отношениям в понимающей психотерапии уделяется большое внимание, и нам представляется, что в них самораскрытие присутствует «инкогнито», то есть не будучи названо.

Схема структуры психотерапевтической ситуации была использована для изучения формирования феномена совместности между клиентом и консультантом в понимающей психотерапии [14]. Определение термина «совместность» взято авторами исследования у А. Л. Журавлева. «Совместность – это особое качество деятельности, порождаемое таким объединени-

¹ Слово «терапевт» употребляется самим Ф. Е. Василюком вместо «консультант»

ем индивидов, при котором между ними возникают различные взаимосвязи и взаимозависимости, задаваемое конкретными видами деятельности» [15, с. 109].

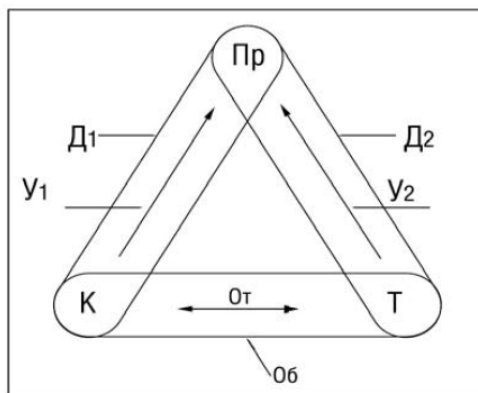

Рис. 1. Структура психотерапевтической ситуации:

К – клиент; Т – психотерапевт; Пр – проблема; Д1 – деятельность клиента по отношению к проблеме; У1 – установка и отношение клиента к проблеме; У2 – установка и отношение терапевта к проблеме; Д2 – деятельность психотерапевта по отношению к проблеме; Об – общение; От – система отношений между клиентом и психотерапевтом

Исследование выполнено путем качественного анализа и экспертной оценки 30 протоколов терапевтических сессий, проведенных психологами-консультантами, использующими понимающую психотерапию в качестве основной теоретической модели.

Одним из предположений, выдвинутых авторами исследования, было то, что показателем степени сформированности феномена совместности в консультационном процессе являются «психотерапевтический контакт». Под контактом понимается совокупность отношений и общения между терапевтом и клиентом, то есть нижняя грань «треугольника», то самое место, где, скорее всего, невозможно обойтись без самораскрытия.

В результате исследования была выявлена сильная и статистически достоверная связь между формированием феномена совместности в дебюте консультативного процесса и качеством всего психотерапевтического процесса. Несмотря на то что в целом исследование посвящено несколько другому вопросу – изучению полюса «проблемы» в упомянутом «треугольнике», нам кажется важным подчеркнуть обнаружение зависимости качества консультационного процесса от отношений клиента и консультанта. Этот в рамках мировой психологической науки вполне очевидный вывод в контексте понимающей психотерапии является важным теоретическим фундаментом для получения самораскрытием «официальной прописки».

Все вышесказанное позволяет предположить, что психологи-консультанты, обучавшиеся понимающей психотерапии и применявшие ее на практике, используют самораскрытие. Однако, поскольку в литературе, посвященной понимающей психотерапии, это понятие пока не получило освещения, каждый специалист формирует свои собственные правила и ограничения в области использования самораскрытия, полагаясь на собственный опыт.

Цель эмпирического исследования – определение места самораскрытия в процессе взаимодействия консультанта и клиента в понимающей психотерапии.

Метод исследования – полуструктурированное интервью экспертов, работающих в понимающей психотерапии.

Описание выборки. В интервью приняли участие 8 психологов-консультантов, практикующие понимающую психотерапию. Стаж консультирования – более 10 лет, средний стаж консультирования – 16,7 лет.

Участники были отобраны по двум критериям: 1) наличие специализации в области понимающей психотерапии, 2) большой опыт психологического консультирования. Среди испытуемых было пять женщин и трое мужчин

Представим обобщенные результаты качественного анализа результатов интервью экспертов

Вопрос: «Как вы определяете понятие “самораскрытие” применительно к процессу психологического консультирования?»

Несмотря на наличие в литературе нескольких вариантов определения этого феномена, практикующие специалисты формируют собственное представление о нем, основываясь на личном профессиональном опыте.

Отвечая на этот вопрос, все респонденты назвали самораскрытие сообщением консультантом клиенту информации о себе: своих чувствах, мыслях и обстоятельствах жизни. Трое подчеркнули, что речь идет о рассказе некоей обладающей сюжетом истории из жизни консультанта, имеющей отношение к «материалу» клиента. Ссылаясь на опыт Ф. Е. Василюка, они назвали такой жанр «притчей». Четверо респондентов назвали самораскрытие способом понимания клиента через нахождение в опыте консультанта чего-то созвучного. Респондент 1 назвал самораскрытие интервенцией и профессиональным действием терапевта. Респондент 8, напротив, подчеркнул, что самораскрытие не может быть техникой воздействия, но является частью отношений.

Вопрос: «Какое место самораскрытие занимает в понимающем подходе?»

По мнению шести респондентов самораскрытие не характерно для классической психотехнической системы понимающей психотерапии. Переживания психолога-консультанта остаются закрытыми для клиен-

та, так как все внимание обоих во время консультации направлено на процесс самопонимания клиента. Респондент 8 считает, что для понимающей психотерапии не характерен разговор о терапевтических отношениях как о предмете, поэтому в ней нет специального места для самораскрытия. По мнению респондента 2, напротив, самораскрытие «базово вшито» в понимающую психотерапию. С его точки зрения, базовые психотехнические единицы ППТ – эмпатия, кларификация и майевтика – основаны на личном опыте психолога-консультанта и являются его актуализацией. Схожей точки зрения придерживается респондент 7, указывая на то, что самораскрытие является вспомогательным инструментом, который делает упомянутые ранее психотехнические единицы диалогичными. Респондент 4 располагает самораскрытие в модифицированной схеме типологии уровней (режимов) функционирования сознания при введении второго наблюдателя (рис. 2). Вторым наблюдателем является психолог-консультант, и чем больше в его словах трансформируется то, что он слышит от клиента, тем выше его активность. Эту трансформацию можно мыслить как «Я-высказывание», и она создает возможность для самораскрытия в рамках понимающей психотерапии. На рис. 2 можно видеть четыре ячейки в области активности второго наблюдателя, которые объединяют восемь психотехнических единиц с возможностью самораскрытия психолога-консультанта.

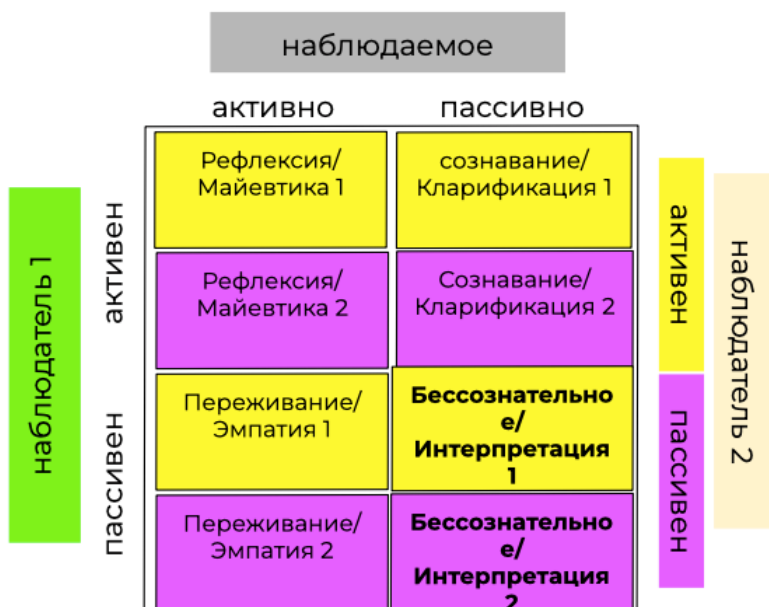

Рис. 2. Типология уровней (режимов) функционирования сознания²

² Рисунок из презентации к докладу О. В. Шведовского «Интерпретация в понимающей психотерапии», сделанному на методическом семинаре по понимающей психотерапии в 2022 году (точная дата неизвестна). Публикуется с разрешения автора.

Вопрос: «Каково ваше отношение к феномену самораскрытия психолога-консультанта перед клиентом в процессе психологического консультирования: каковы возможности и риски самораскрытия психологического консультирования?»

Для удобства обобщения мы выделяем в этом вопросе три части. Первая – про отношение респондентов к феномену самораскрытия. Четверо респондентов говорят о том, что относятся к самораскрытию с осторожностью из-за опасности удовлетворения нарциссических потребностей психолога-консультанта и того, что самораскрытие не является универсальным средством. Респондент 3 располагает самораскрытие на противоположном полюсе по отношению к понятию «работа», считая его разновидностью отдыха. Респондент 1 усматривает связь между накоплением опыта в консультировании и расположенностью к самораскрытию: с опытом оно применяется чаще. Респондент 4 называет «Я-сообщения», которые он отождествляет с самораскрытием, важнейшим инструментом работы; респонденты 6 и 8 говорят о нейтральном отношении к самораскрытию и допустимости его применения при условии, что это происходит в интересах клиента.

Вторая часть вопроса объединяет возможности, имеющиеся, по мнению респондентов, у самораскрытия.

1. По мнению пяти респондентов, самораскрытие оказывает положительное влияние на отношения клиента и психолога-консультанта: увеличивается доверие, фигура психолога-консультанта «оживает», вызывая у клиента ощущение понимания.

2. Поддержка и подтверждение чувств клиента при помощи примера из жизни психолога-консультанта или через оживление личным опытом психолога-консультанта метафоры, описывающей переживание клиента. Об этой возможности говорят четверо респондентов.

3. Трое респондентов видят в самораскрытии возможность для психолога-консультанта быть конгруэнтным, то есть осознавать свои внутренние переживания и тем или иным способом размещать их в консультационном диалоге. По мнению респондента 6, «хорошая конгруэнтность» опосредована внутренним «фильтром» психолога-консультанта и не является сообщением клиенту о чувствах в «натуральном», необработанном виде.

4. Двое респондентов называют среди возможностей самораскрытия поддержку клиента. Респондент 1 указывает, что это особенно важно для клиентов с расстройствами личности и при наличии сильной критикующей фигуры.

5. По мнению двух респондентов, самораскрытие способно помочь клиенту в растерянности и тупике «включить» его переживание.

6. По мнению респондента 6, самораскрытие приходит на помощь, когда не работают другие профессиональные терапевтические техники.

7. По мнению респондента 7, самораскрытие может играть роль майевтики, то есть помогать клиенту узнать и осознать собственные убеждения, позволяет обсуждать отношения между психологом-консультантом и клиентом здесь-и-теперь, может использоваться в психодраме, когда психолог-консультант выступает в роли клиента, и быть полезным при проработке травмы, благодаря живому отклику психолога-консультанта.

Третья часть вопроса посвящена рискам, связанным с самораскрытием.

1. Пять респондентов назвали опасностью самораскрытия психолога-консультанта смещение фокуса в консультации с клиента на консультанта. В такой ситуации консультант может занимать пространство клиента, подменять его переживание своим. Респондент 7 говорит, что если клиент находится в нуждающейся позиции, то самораскрытие консультанта может остановить процесс его переживания.

2. По мнению четырех респондентов самораскрытие психолога-консультанта может смутить клиента, заставить реагировать на переживание или опыт консультанта.

3. Риск для самого психолога-консультанта, по мнению четырех респондентов, заключается в увлечении собственным опытом во время самораскрытия, стремлении к удовлетворению своих нарциссических потребностей, когда создается «опасный крен» в сторону Я консультанта.

4. Самораскрытие, по мнению троих респондентов, может влиять на профессиональный стиль психолога-консультанта, выражаясь в большей директивности, доминировании и искушении властью.

5. Трое респондентов отмечают, что самораскрытие может отрицательно влиять на отношения внутри консультации. Респондент 8 указывает, что оно может вызывать или слишком сильное сближение и привязанность или, если консультант раскрывает негативные чувства, отвержение. По мнению респондента 6, при самораскрытии консультанта может создаваться дополнительная система отношений «человек – человек», мешающая процессу консультирования.

6. Наконец, по мнению респондента 1, самораскрытие – наиболее трудно формализуемый прием, поэтому он опасен своей непредсказуемостью.

Вопрос: «Какие цели могут достигаться в процессе психологического консультирования при помощи самораскрытия психолога-консультанта перед клиентом?»

Последний вопрос экспертного опроса по своему содержанию повторяет предыдущий вопрос в части возможностей самораскрытия. Это было сделано намеренно по следующим причинам. Во-первых, возможности – более общее понятие, они не всегда могут быть реализованы, а цели – понятие более конкретное, описывающее конкретные задачи в рамках консультационного процесса. Во-вторых, последний вопрос позволял респондентам дополнить и конкретизировать ответ на предыду-

ций. Итак, респонденты назвали следующие цели самораскрытия в рамках консультационного процесса.

1. Пять респондентов назвали целью самораскрытия психолога-консультанта перед клиентом влияние на отношения между ними. По их словам, таким образом может достигаться укрепление контакта и доверия, сочетание профессиональной и личной роли терапевта, балансировка отношений, их обострение и восстановление.

2. Четверо респондентов упомянули конгруэнтность психолога-консультанта как цель его самораскрытия: это и возможность дать совет, сохранив при этом баланс в терапевтических отношениях, и способ для консультанта быть более аутентичным.

3. Введение фигуры Другого, отношение к его опыту являются целью самораскрытия по мнению троих респондентов.

4. Так же трое респондентов указали, что самораскрытие может преследовать цель обогащения переживания клиента новыми культурными средствами.

5. По мнению троих респондентов, целью самораскрытия может быть прямая поддержка клиента в кризисной ситуации, снятие тревожности и оживление его надежды. Респондент 6 называет главной целью самораскрытия поддержку «фундаментальных сущностных основ».

6. Респондент 2 указал, что самораскрытие психолога-консультанта может помочь клиенту по-новому посмотреть на свой опыт.

7. По мнению респондента 4, целями самораскрытия также являются: работа с жалобой, проработка базового мифа и создание совместности.

8. Респондент пять назвал целями интериоризацию способов психической жизни консультанта и выход из тупиковой ситуации в консультационном процессе.

9. По мнению респондента 6, самораскрытие может применяться с целью размещения чувств консультанта и клиента, которые не могут быть размещены напрямую.

Выводы

Целью полуструктурированного интервью с экспертами было выяснение места самораскрытия в понимающей психотерапии. В результате интервью с ведущими экспертами в этой области нам удалось выяснить как определение понятия самораскрытия, его роль в понимающей психотерапии, возможности, риски и цели, так и профессиональное отношение экспертов к этому феномену.

1. С точки зрения участников интервью, самораскрытие – это сообщение психологом-консультантом клиенту информации о своих чувствах, мыслях или жизненных обстоятельствах, имеющих отношение к теме консультативной беседы, направленное на улучшение понимания переживания клиента. Следует отметить, что в это определение не входит непреднамерен-

ное самораскрытие, когда консультант тем или иным способом транслирует установки, которые сам не осознает.

2. Размышляя о месте самораскрытия в понимающей психотерапии, все респонденты сходятся во мнении, что в классической системе понимающей психотерапии специально отведенного места для самораскрытия нет. Внутри этой позиции можно выделить две точки зрения: самораскрытие имплицитно присутствует в работе понимающего психолога-консультанта, являясь основой для любых интервенций, или, по мнению большинства, оно является редким исключением, которое происходит при выходе за рамки понимающей психотерапии.

3. В вопросе о профессиональном отношении к самораскрытию преобладает осторожность, о ней говорит половина респондентов, двое относятся нейтрально и двое положительно. В категориях «возможности» и «риски» наиболее часто встречается влияние самораскрытия на отношения между психологом-консультантом и клиентом: оно может быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от содержания самораскрытия, личностных особенностей консультанта и клиента и конкретной ситуации. Лично для консультанта самораскрытие может быть полезно как способ быть конгруэнтным или вредно из-за чрезмерного увлечения собой, центрации внимания на себе. Особенно следует отметить, что самораскрытие может играть роль культурного средства переживания при дефиците таковых у клиента.

4. По мнению всех респондентов, самораскрытие преследует цели, так или иначе связанные с отношениями внутри процесса консультирования, и помогает консультанту быть более открытым и честным с самим собой и клиентом. Отдельно следует упомянуть, что, по мнению респондента 8, самораскрытие не может восприниматься как целенаправленное воздействие и его цель можно узнать только при последующем анализе консультации.

Таким образом, наши предположения о том, что самораскрытие присутствует в понимающей психотерапии «инкогнито», то есть не будучи названо по имени, и что оно непосредственно связано с отношениями психолога-консультанта и клиента, нашли подтверждение. Описанные выше результаты интервью указывают на необходимость дальнейшего и более полного исследования места самораскрытия в понимающей психотерапии. Исследователю предстоит иметь дело не с фиксированной традицией, но с меняющейся и развивающейся, порой по совершенно разным путям, системой. Однако в одном можно быть уверенным доподлинно: самораскрытие присутствует в понимающей психотерапии и недостатка в материале для исследования быть не может.

Ссылки

1. Henretty J. R., Levitt H. M. The role of therapist self-disclosure in psychotherapy: A qualitative review // *Clinical Psychology Review*. 2009. Vol. 30. P. 63–77.
2. Freud S., Recommendations to physicians practicing psycho-analysis // *The Standard Edition of the Psychological Works of Sigmund Freud*. Hogarth Press. 1912. Vol. 12. P. 1–120.
3. Ялом И. Дар психотерапии. М.: Эксмо, 2005. 352 с.
4. Marais G., McBeath, A. Therapists' lived experience of self-disclosure // *EJQRP*. 2021. Vol. 11. P. 72–86.
5. Using Motivational Monitoring to Evaluate the Efficacy of Self-disclosure and Self-involving Interventions / F. Monticelli, L. Tombolini, Guerra F. [et al.] // *Journal of Contemporary Psychotherapy*. 2022. Vol. 52, No 3, P. 1–9.
6. Audet C., Everall R. D. Therapist self-disclosure and the therapeutic relationship: A phenomenological study from the client perspective // *British Journal of Guidance and Counselling*. 2010. Vol 38, No 3. P. 327–342.
7. Barnet J. E. Psychotherapist self-disclosure: Ethical and clinical considerations // *Psychotherapy*. 2011. Vol 48, No 4. P. 315–321.
8. Knox S., Hill C., Therapist self-disclosure: Research-based suggestions for practitioners // *Journal of Clinical Psychology*. 2003. Vol. 59, No 5. P. 529–539.
9. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984. 202 с.
10. Василюк Ф. Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система: автореф. ... д-ра психол. наук. М., 2007. 50 с.
11. Василюк Ф. Е. Структура и специфика теории понимающей психотерапии // *Московский психотерапевтический журнал*. 2008. № 1. С. 5–35.
12. Василюк Ф. Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи // *Вопросы психологии*. 1988. № 5. С. 27–37.
13. Василюк Ф. Е. Семиотика и техника эмпатии // *Вопросы психологии*. 2007. №5. С. 3–14.
14. Мишина Е. В. Формирование феномена совместности в дебюте консультативного процесса // *Понимающая психотерапия: теория, методология, исследование* / под ред. Ф. Е. Василюка. М.: МГППУ – ПИ РАО, 2009. С. 258–273.
15. Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2005. 640 с.

Features of the structural organization of psychological defenses of students studying in different areas of training

A. V. Chemakina¹ I. D. Bulatov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-476-486

Research article
Full text in Russian

The paper presents the problem of adaptation of university students to the conditions of educational and professional activity through the use of various types of psychological defenses. Also, within the framework of a systematic approach, differences in the structural organization of psychological defenses of students studying in different areas of training were found.

Keywords: psychological defense; students; humanities and natural science areas of training

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Chemakina, Anna V. | E-mail: anyachemy@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Bulatov, Ilya D. | E-mail: ilia_bulatov@mail.ru
Graduate

Особенности структурной организации психологических защит студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки

А. В. Чемякина¹, И. Д. Булатов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 1500003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-476-486
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлена проблема адаптации студентов вуза к условиям учебно-профессиональной деятельности посредством применения различных видов психологических защит. В рамках системного подхода обнаружены различия структурной организации психологических защит студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки.

Ключевые слова: психологические защиты; студенты; гуманитарное и естественнонаучное направления подготовки

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чемякина, Анна Вадимовна | E-mail: anuyachemy@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии

Булатов, Илья Дмитриевич | E-mail: ilia_bulatov@mail.ru
Магистрант

В настоящее время в России происходит модернизация системы образования, ключевым моментом которой является внедрение новых стандартов. Они определяют требования как к содержанию и условиям, так и к результатам реализации образовательных программ. Введение новых образовательных стандартов, безусловно, затрагивает всех участников образовательного процесса: руководителей, педагогов, обучающихся и их родителей. Как свидетельствуют многочисленные исследования, критической, а поэтому сложной жизненной ситуацией для молодого человека выступает период учебной адаптации к условиям и требованиям образовательного учреждения, включая высшие учебные заведения [1]. Кроме того, студенческий возраст является периодом формирования нравственного сознания, ценностных ориентаций и идеалов, устойчивого мировоззрения, гражданских качеств личности. Важно отметить, что на современном

этапе развития общества, в условиях усложнения межличностных коммуникаций, нарастающего давления на личность, увеличения конфликтных и стрессогенных ситуаций, информационной избыточности и мн. др., практически каждый человек испытывает психологический дискомфорт, тревожность, порой находится в депрессивном состоянии и т.д. Очевидно, что внедрение новых стандартов в систему образования значительно увеличивает объём социальной ответственности студентов, их информационную перегруженность. Безусловно, указанные факторы, соединяясь с кризисами профессионального развития студентов в условиях несформированной или формирующейся системы смысложизненных ориентаций, оказывают существенное давление на личность молодых людей, приводят к травмирующим переживаниям, сопряженным с внутренними и/или внешними конфликтами. Понятия конфликта, травмы, стресса непосредственно связываются с феноменом психологической защиты личности, механизмы которого направлены на снижение эмоциональной напряженности, предотвращение дезорганизации поведения, сознания, психики [2]. В самом широком смысле психологическая защита выступает способом создания субъективно воспринимаемой стабилизации и нормализации состояния личности. Ее основная функция – уравновесить взаимоотношения личности и среды и снять или уменьшить чувство тревоги, связанной с осознанием реального или субъективно переживаемого конфликта. Такое понимание показывает многомерность данного явления [2]. Важно подчеркнуть, что психологическая защита личности – весьма многогранный феномен. Используя определенные виды психологической защиты, субъект может как адаптироваться к внешним травмирующим условиям, так и «уйти в себя», стать дезадаптантом. Изучение психологической защиты личности студентов на этапе ранней профессионализации делает возможным понимание глубинных процессов адаптации указанной категории и позволяет осуществлять своевременную профилактику и коррекцию дезадаптивных стратегий поведения.

Период студенчества как социально-демографической группы характеризуется численностью, половозрастной структурой, территориальным распределением, определенным общественным положением, ролью и статусом, а также отличается особой стадией социализации, в рамках которой происходит формирование и реализация учебно-профессиональных, общественно-политических и социально-культурных интересов студентов в основных сферах жизнедеятельности [3]. Отличительными признаками студенчества являются: примерно схожий возраст, образование, форма организации учебной и внеучебной деятельности [4]. Всё это вместе с территориальным сосредоточением образует общие интересы, групповое самосознание, образование студенческих субкультур. Студенты определяются как специфичная социальная группа юных людей, характеризующаяся приобретением, накоплением, усвоением профессиональных знаний и ов-

ладением ими. Среди особенностей, которые отличают студентов от других социальных групп, выделяют: общие цели и мотивацию к их достижению, возрастную однородность состава, относительную стабильность состава на период обучения, сплочённость, строгую и планомерную последовательность учебной работы, интенсивность общения и др. [5].

В нашем исследовании была предпринята попытка изучить виды психологических защит студентов и выяснить, существуют ли различия в выраженности, представленности данных видов в случаях, когда молодые люди выбирают отличающиеся образовательные и профессиональные направления в рамках учебно-профессиональной деятельности. Косвенным подтверждением нашего предположения о различиях в реагировании на внешние проблемные ситуации в силу разного мировоззрения студентов являются исследования Ю. П. Поварёнкова, определившего, что студенты, поступающие на разные факультеты педагогического университета, с самого начала различаются уровнями качественных и количественных особенностей интеллекта, а на старших курсах их различия, в силу постоянного влияния факторов профессионализации, и вовсе достигают больших величин. Далее, в процессе самостоятельного выполнения профессиональной деятельности, эти различия не перестают расти [4].

Теоретический анализ проблемы психологических защит студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки, на этапе ранней профессионализации, в условиях переживания индивидом онтологической значимости жизни [6], показал, что к настоящему времени исследования, находящиеся на стыке проблематики данных феноменов, представлены в недостаточной степени. Высокая теоретическая и практическая значимость в сочетании с недостаточным уровнем разработанности определила актуальность изучения проблемы исследования.

Таким образом, **целью исследования** выступило изучение психологических защит студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки. В качестве **объекта исследования** обозначены психологические защиты студентов вуза. **Предметом** является специфика видов психологических защит студентов гуманитарного и естественно-научного направлений подготовки. Общая **гипотеза** исследования состояла в предположении, согласно которому имеют место существенные различия в выраженности видов психологических защит студентов разных направлений подготовки.

Методы исследования

При сборе данных в работе использовались общепсихологические методы проведения исследования: теоретический анализ проблемы, личностные психодиагностические методики. В качестве психодиагностического метода для определения структуры психологической защиты выступила «Методика диагностики структуры и силы психологической защиты» Л. Ю. Субботиной. Методика разработана на основе известной ме-

тодики «Индекс жизненного стиля» («Life Style Index» LSI) Р. Плутчика в соавторстве с Г. Келлерманом, которая была предназначена для измерения степени использования индивидом различных механизмов защиты. Опросник полностью прошел процедуру валидизации и имеет нормы для российской выборки. Тест состоит из 63 утверждений. По итогам теста, включающим в себя девять видов психологических защит (Вытеснение, Регрессия, Формирование реакции, Рационализация, Смещение, Отрицание, Проекция, Компенсация, Сублимация), определяют доминирующие защитные механизмы (максимальное количество баллов) и фоновые. Наряду с общепсихологическими методами исследования, применялись методы математико-статистической обработки результатов. **Общая выборка** испытуемых составила 90 человек. Респондентами стали студенты гуманитарного (45 человек) и естественно-научного (45 человек) направлений, обучающихся в вузах г. Ярославля. Интерпретация полученных результатов проводилась на структурном уровне. При этом анализировались матрицы интеркорреляций и структурограммы видов психологических защит студентов. Процедура анализа матриц интеркорреляций и структурограмм включала: подсчет индекса когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности (ИОС) структуры; исследование качественного своеобразия структур видов психологических защит студентов разных направлений подготовки, т. е. определение степени гомогенности – гетерогенности структур [2]. При этом связям, значимым при $p \leq 0,001$, приписывается весовой коэффициент 3 балла; связям, значимым при $p \leq 0,05$, – 2 балла; связям, значимым при $p \leq 0,01$, – 1 балл.

Основные результаты

Обнаружены достоверные различия в выраженности видов психологических защит у студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки. На структурном уровне исследования анализировались матрицы интеркорреляций и структурограммы (корреллограммы) девяти видов психологических защит у студентов гуманитарного и естественно-научного направлений подготовки, подсчитывались индексы когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности структуры (ИОС).

Подсчет индексов показал, что уровень системной организации видов психологических защит студентов гуманитарного и естественно-научного направлений обучения практически одинаков (см. табл. 1, 2). Это можно объяснить тем, что период учебно-профессиональной деятельности для студентов является сложным адаптационным процессом вне зависимости от выбранного направления обучения. Многочисленные внешние (заучивание непривычного материала в больших объемах; обязательная система отработок, постоянная нехватка времени в процессе подготовки и т. д.) и внутренние (период формирования нравственного сознания, ценностных ориентаций и идеалов, устойчивого мировоззрения, гражданских

качеств личности; формирование предпосылок для становления высшей системы регуляции, основанной на логике свободного выбора, характерной для зрелой личности; развитие смысложизненных ориентаций, выступающих ориентирами при создании образа своего будущего, как профессионального, так и личностного и т. д.) факторы выступают для молодых людей в качестве сложной жизненной ситуации и обуславливают формирование защитного поведения. Важно отметить, что многочисленные теоретические данные, касающиеся проблемы совладающего поведения студентов, согласуются с полученными результатами.

Таблица 1

Значения индексов структурной организации показателей видов психологических защит студентов гуманитарного направления

Индексы	Показатели
ИКС	11
ИДС	1
ИОС	10

Таблица 2

Значения индексов структурной организации показателей видов психологических защит студентов естественно-научного направления

Индексы	Показатели
ИКС	13
ИДС	2
ИОС	11

Анализируя структурограммы (см. рис. 1, 2), необходимо указать, что практически все корреляционные отношения в них положительные. Это свидетельствует о том, что каждый признак, представленный в структуре, усиливает значения другого признака. Следовательно, имеет место слаженная мощная система психологических защит в обеих исследуемых группах, что вновь обращает наше внимание на наличие травмирующей ситуации у студентов и попытке разрешить ее.

Тем не менее необходимо провести детальный анализ выявленных структурных качеств. В группе студентов гуманитарного направления корреляционные отношения выявлены между такими видами психологических защит, как Регрессия и Смещение, Регрессия и Проекция, Рационализация и Сублимация, Отрицание и Компенсация, Проекция и Компенсация, Проекция и Сублимация, Компенсация и Сублимация. Проинтерпретируем полученные данные. Для того чтобы сдержать или нейтрализовать чувства

неуверенности в себе, страха неудачи, связанных с проявлением инициативы, проще «закрыть глаза», заболеть, продемонстрировать деструктивное поведение, отказаться от попыток реализации своего потенциала, поскольку это «сложно и неприятно».

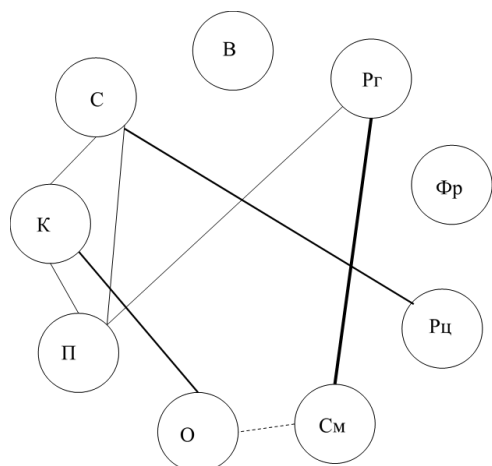

Рис. 1. Структурограмма видов психологических защит студентов гуманитарного направления

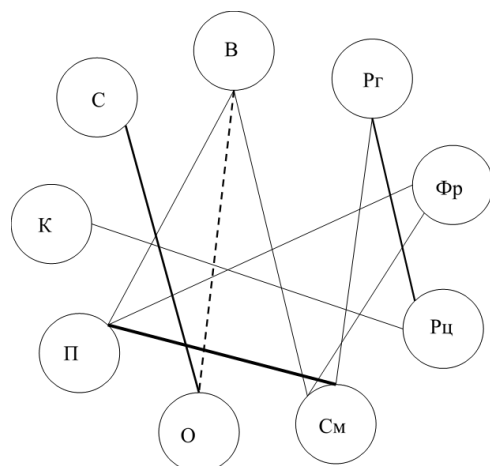

Рис. 2. Структурограмма видов психологических защит студентов естественно-научного направления

Одним из способов смягчения тревоги у студентов данной группы является возврат к более раннему периоду жизни, безопасному и приятному. Проявление регрессии наблюдается в несдержанности, недовольстве, а также демонстративном поведении, больше свойственном детям. Кроме того, данный вид психологической защиты может проявляться и в деструктивном поведении: курении, пьянстве, переедании, эмоциональной несдержанности, неприятии авторитетов и т. д. При столкновении с пугающей реальностью студентам проще жить сегодняшним или вчерашним днем, считая, что все «сбудется само» в том виде, в «каком я хочу». С помощью механизма отрицания в виде отказа признавать травмирующую реальность респонденты блокируют собственные страхи по поводу будущего, «объясняя» себе, что «плохого со мной просто не может случиться». Возникающие проблемы, воспринимаемые как неприятные, болезненные, приводят к развитию механизма отрицания, при котором человек становится невосприимчивым к тем сферам жизни, которые чреватые для него неприятностями, могут его травмировать. Сознательное желание и внутренняя потребность поддержать безопасность «Я», включающего привлечение внимания, разрешение конфликтов и приобретение признания, одобрения или любви способствует возникновению механизма компенсации, одним из проявлений которого является использование воображения для ухода от реальных проблем или во избежание внутренних конфликтов:

«поскольку все было хорошо, так и будет в дальнейшем». Уход от реальных проблем в мир фантазий позволяет представить свою жизнь как успешную, с хорошими перспективами на будущее. Тем не менее возникновение психологических защит – это всегда реакция на внешнее травмирующее воздействие, поэтому рассогласование между реальным и иллюзорным восприятием собственной жизни, безусловно, присутствует в исследуемой группе. Неудовлетворенность своей жизнью, осознание невозможности полностью или частично контролировать ее, свободно принимать и воплощать собственные решения приводят к агрессии, которая перенаправляется с «недоступного объекта» на другой объект – «доступный» или меняет неприемлемое действие на приемлемое с помощью механизма замещения. Это дает возможность справиться с гневом, который не может быть выражен прямо и безнаказанно. При снятии напряжения агрессия переносится с более сильного объекта, который является источником гнева, на более слабый и доступный объект или на самого себя. Студенческая жизнь насыщена конфликтами (с преподавателями, сверстниками и т. д.). В этой связи возникает чувство неприятия себя и окружающих как результат эмоционального отвержения с их стороны, возникает необходимость приписать окружающим негативные качества, как основу для их неприятия и самопринятия на этом фоне. Проекцию можно охарактеризовать как бессознательный перенос собственных чувств, желаний и влечений, в которых человек не может себе сознаться, понимая их социальную неприемлемость, на другое лицо. Это своего рода перекалывание ответственности за то, что происходит внутри «Я», на окружающий мир. Наиболее продуктивным видом психологических защит, выявленных в данной группе, является сублимация. Агрессивная или сексуальная энергия, избыточная с точки зрения личностных и социальных норм, перенаправляется в другое русло, поощряемое обществом. Таким образом, сублимация как способ разрядки, уклонения от напряженности в рамках студенческой деятельности играет особо конструктивную роль, перенаправляя «неправильную» энергию, в том числе и для повышения эффективности в образовательном процессе. При развитии сублимации происходит не только расходование энергии (снятие напряжения), но и формирование новой потребности (самоактуализации). Важно указать, что, несмотря на схожий уровень системной организации видов психологических защит студентов гуманитарного и естественно-научного направлений, композиции связей в рассматриваемых группах различаются. В группе студентов естественно-научного направления корреляционные отношения выявлены между такими видами психологических защит, как Регрессия и Рационализация, Вытеснение и Смещение, Регрессия и Смещение, Формирование реакции и Смещение, Вытеснение и Отрицание, Вытеснение и Проекция, Формирование реакции и Проекция, Смещение и Проекция, Рационализация и Компенсация, Отрицание и Сублимация. Проинтерпретируем полученные данные. Помимо уже описан-

ных психологических защит, в данной группе студентов появились новые виды. Рассматривая планы на жизнь, ее перспективы, осмысливая себя как личность, обладающую свободой выбора в принятии решений и контролирующую жизненные ситуации, респонденты данной группы активно сдерживают, «выключают» из сознания информацию травмирующего характера. При столкновении с реалиями жизни, студентам, во избежание внутреннего конфликта, проще представлять комфортную в личностном плане, «приятную» для себя информацию. Для сдерживания и нейтрализации эмоции страха, проявление которой неприемлемо для положительного самовосприятия, страх блокируется посредством забывания реального стимула, а также всех объектов, форм обстоятельств, ассоциативно связанных с ним. Сущностью механизма вытеснения является удаление чего-либо (факта, воспоминания) из сознания и связанных с ним эмоций (негативных переживаний). Как только студент терпит неудачу в достижении желаемой цели, то он стремится сделать эту цель менее привлекательной. Данный механизм заключается в бессознательном контроле над эмоциями и побуждениями путем рационального истолкования событий и развивается для сдерживания и нейтрализации негативных переживаний, вызываемых ожиданием и предвидением развития ситуации. Возникновение такого поведения связано с переживаниями по поводу неудач в конкуренции со сверстниками. Студенты данной группы будут использовать утвердительные доводы для оправдания своих лично или социально неприемлемых качеств, желаний и действий. Особенность такого поведения состоит в попытке создать гармонию между желаемым и реальным «постфактум» и таким образом предотвратить потерю самоуважения. Для этого неприемлемая часть ситуации из сознания удаляется, особым образом преобразовывается и после этого осознается, но уже в измененном виде. Представителям исследуемой группы свойственно подменять поведение и чувства диаметрально противоположными. Характеристика, по которой можно узнать данный механизм, – это преувеличение, ригидность, экстравагантность и отсутствие целесообразности в выполнении социально желаемых действий. В поведении формирование реакции проявляется как демонстрация действий, противоположных желаемым. Противодействие особенно заметно в социально одобряемом поведении, которое при этом выглядит преувеличенным и негибким. Функционирование механизма формирования реакции может привести к существенным характерологическим изменениям, внести свой вклад в образование личностных черт и характера.

Итак, полученные в рамках структурного анализа результаты указывают на различия в видах и взаимосвязях психологических защит у студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки, что частично подтверждает гипотезу исследования. Следующим этапом исследования стало изучение качественных изменений в структурах психологических

защит студентов разных направлений подготовки. В рамках структурно-психологического подхода был применен метод экспресс- χ^2 .

В результате проведения метода экспресс- χ^2 были получены данные, согласно которым коэффициенты корреляции являются незначимыми на 5 % уровне. Поэтому матрицы и соответствующие им структурограммы для двух групп испытуемых являются *качественно* различными (гетерогенными). Следовательно, структуры психологических защит студентов гуманитарного и естественно-научного направлений являются гендерно разнородными по содержанию взаимосвязей внутри них.

Таким образом, обобщая представленные выше результаты, а также их интерпретацию, по итогам проведенного исследования можно сделать следующие основные **выводы**.

1. Теоретический анализ и проведенное исследование показали, что период учебно-профессиональной адаптации в вузе выступает в качестве сложной жизненной ситуации, что способствует формированию системы психологических защит.

2. На структурном уровне выявлены различия в видах и взаимосвязях психологических защит у студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки, что частично подтверждает гипотезу исследования.

3. В рамках структурно-психологического анализа выявлена гендерная разнородность групп студентов гуманитарного и естественно-научного направления, что подтверждает гипотезу исследования.

Итак, установленные результаты свидетельствуют о том, что система психологических защит студентов разных направлений подготовки различается. Этот наиболее общий результат дает комплексное подтверждение основной гипотезы и позволяет считать цель исследования достигнутой.

Заключение

В рамках нашего исследования был проведен теоретический и эмпирический анализ проблемы, касающейся особенностей психологических защит студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки. В системе психологического знания аксиоматичным является тезис о том, что период учебно-профессиональной адаптации к условиям и требованиям профессионального образовательного учреждения, включая высшие учебные заведения (ВУЗы), выступает критическим, проявляется как сложная жизненная ситуация для молодых людей. Кроме того, выбор будущего профессионального направления, на наш взгляд, не может не влиять на самовосприятие, самознание студентов, что, в свою очередь, приводит к адаптивным или дезадаптивным стратегиям поведения. Важно отметить, что в отечественной психологии существует целый ряд концепций, не просто рассматривающий период учебно-профессиональной деятельности (обучение в вузе) как этап ранней профессионализации личности, но и указывающий на то, что этот процесс сопрягается с кризисами с дезадаптаци-

ей и стагнацией личности. Можно согласиться, что все вышеперечисленное обуславливает развитие разных видов психологических защит для снижения эмоциональной напряженности, уменьшения чувства тревоги, связанной с осознанием реального или субъективно переживаемого конфликта.

В ходе нашего исследования были получены значимые результаты, доказывающие наличие различий в выраженности видов психологических защит студентов разных направлений подготовки. На структурном уровне выявлены различия в видах и взаимосвязях психологических защит у студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки. В рамках структурно-психологического анализа выявлена гендерная разнородность групп студентов гуманитарного и естественно-научного направления. Следует отметить, что проблема исследования является сложной и требует своего расширения в рамках системной методологии.

Ссылки

1. Субботина Р. А. Психологические особенности личности студентов с разным уровнем выраженности установки на поведение жертвы (на материале студентов медицинского ВУЗа»: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2020. 315 с.
2. Субботина Л. Ю. Психологическая защита: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. 195 с.
3. Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование) / Л. А. Головей, М. В. Данилова, Л. В. Ръкман [и др.]. СПб.: Нестор-История, 2015. 336 с.
4. Поварёнков Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности: монография. Саратов: Изд-во Саратовского социально-экономического ун-та, 2013. 322 с.
5. Павлова В. Е., Шевалдина Е. И. Студенчество как социальная группа и социальноценностные ориентации // Инновационная наука. 2017. № 4-2. С. 193–196.
6. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 138 с.